A portrait of Marina Fedunkiv, a woman with voluminous, wavy brown hair, wearing a shimmering, sequined, reddish-brown top. She is looking directly at the camera with a slight smile. Her right hand is raised near her neck, wearing a large, ornate gold ring.

**МАРИНА
ФЕДУНКИВ:**

*«Помните, если вы можете
посмеяться над собой,
вы непобедимы!»*

*С Новым годом и с Рождеством,
дорогие наши читатели!*

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Тайна Толстого** 4

Из российской истории

Алла Зубкова **Венценосный охотник** 26

Это интересно

Дмитрий Зелов **Фейерверки полудержавного властелина** 41

Светлана Марлинская **От первой звезды до крещенской воды** 116

Замечательные современники

Марина Бойкова **Андрей Князев: «Высоцкий души очищает, что сегодня, мне кажется, особенно важно»** 49

Дарья Соколова **Марина Федункив: «Моим героиням верят, потому что они списаны с реальных женщин»** 78

Детективный рассказ

Татьяна П. Крылова **Крем с шампанским** 56

Судьба художника

Ирина Опимах **Фредерик Базиль. «Импровизированный полевой госпиталь»** 70

Поэзия

Филипп Тараторкин **Стихи** 86

Судьбы

Евгения Гордиенко **От «Московской Венеры» до «Пиковой дамы»** 90

Российские музеи

Юрий Прокопчук **Талдом: погружение в историю** 97

Итоги конкурса

Юлия Макарова **Тася и Гомон** 105

Детектив

Варвара Клюева **Черный ангел** 122

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актриса ТВ и кино, певица
и телеведущая Марина Федункив.
Фото из личного архива

Вторая обложка

Фото Даниила Пирожкова

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.12.2022

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

« По признанию ведущих исследователей, Достоевский проник в такие глубины человеческой души, до которых не добирался ни Шекспир, ни автор «Войны и мира». По ступеням писательского мастерства поднимался в одиночке Алексеевского равелина, сквозь годы сибирской каторги и солдатчины. Он многое угадал в будущем России, в миссии нашей страны на путях развития человечества. Его своеобразным завещанием потомкам стал не только итоговый роман «Братья Карамазовы», но и Пушкинская речь на юбилейных торжествах Поэта. Венок, которым Достоевского наградили восторженные поклонники, он той же ночью отвез к постаменту памятника Пушкину. И — через несколько дней скончался...

Юрий **Осипов** «Федор Достоевский. Из каторжан — в пророки»

« 12 декабря 1777 года в семье цесаревича-наследника Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны родился первенец. Радовалась вся Россия. Радовались не только родители, но и императрица Екатерина, уже подготовившая долгожданному внуку имя — Александр. Никто тогда и предположить не мог, что на свет появился один из самых противоречивых и загадочных монархов в российской истории.

Светлана **Марлинская** «Северный сфинкс»

« Николай Борисович Голицын был одним из образованнейших людей своего времени. В историю культуры он вошел как литератор, мемуарист, музыкальный деятель и переводчик. Прекрасно владея французским языком, он блестяще перевел стихотворение-отповедь Пушкина «Клеветникам России», чтобы оно прозвучало и за рубежом. Пушкин был в восторге от перевода и писал Голицыну: «Тысячу раз благодарю Вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны. Я видел уже три его перевода, но ни один не стоит Вашего пера».

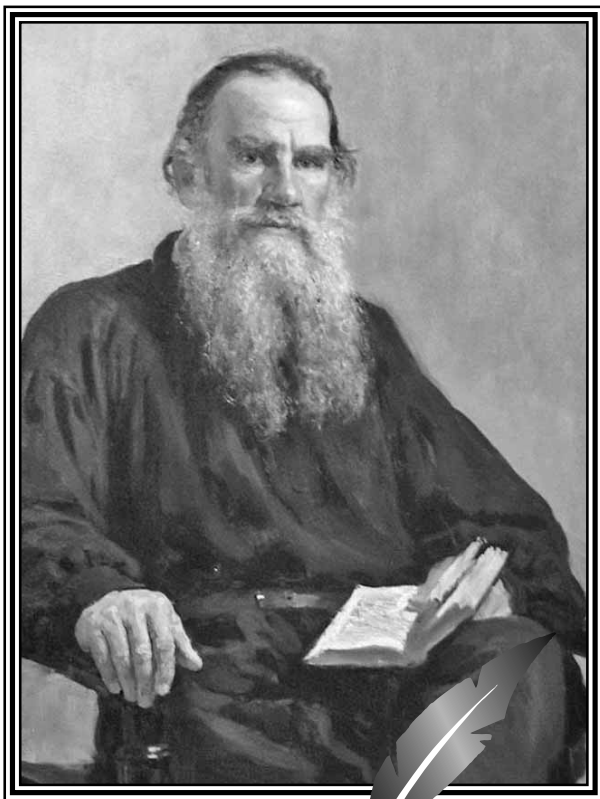
Виктор **Елисеев** «Друг Пушкина князь Голицын»

« Сегодня никого не удивишь трансатлантическим перелетом или тем, что самолеты делаются из легкого металла. Между тем, около ста лет назад приходилось всерьез доказывать, что дерево — не самый удачный выбор для постройки летательного аппарата. Андрею Николаевичу Туполеву это удалось, и сегодня мы пользуемся плодами его многолетней научной и практической работы. Он был Героем Социалистического Труда, лауреатом многих Государственных премий и даже в возрасте 84-х лет сохранял твердую память и ясное сознание, продолжая участвовать в работе родного ОКБ...

Евгения **Гордиенко** «Человек и самолет»

« Окончание детектива Варвары **Клюевой** «Черный ангел»

Тайна Толстого

Через пять лет мы будем отмечать двухсотлетний юбилей Льва Толстого. Как нам лучше использовать этот срок, чтобы понять и принять в душу (а не только в голову) все то огромное и важное, что завещал нам величайший художник слова Земли Русской, гордость и слава мировой культуры?

Наверное, побольше читать Толстого, не ограничиваясь школьной программой. Отказаться от надоевших штампов в восприятии толстовских произведений и банальных представлений о нем. Увидеть не далекого от нас чудака-графа, а человека-творца «на все времена», личность, поражающую своей сложностью и масштабами.

Жизненный путь будущего «властителя дум» начинался весьма заурядно. Потомок двух старинных родов, графского и княжеского — Толстых и Оболенских (по матери), рано осиротевший, Левушка вместе с братьями и сестрой в фамильном материнском имении Ясная Поляна, где в августе 1828 года он появился на свет, поступил под опеку тетки по отцу графини А. Остен-Сакен. Участвовала в их воспитании также

дальняя родственница Т. Ергольская, послужившая прототипом Соли в «Войне и мире».

Беззаботное усадебное детство Толстого в окружении вышколенных слуг и крепостных сверстников оборвалось в двенадцатилетнем возрасте, когда умерла Остен-Сакен, и четверо ее юных подопечных переселились в Казань, к новой опекунше — сестре покойного отца П. Юшковой. К тому времени Лев уже стал

задумываться над историей семьи, представители которой затем, под собственными же именами, наделят своими чертами главных героев его гениальной эпопеи. Так, пленительный образ Наташи Ростовой унаследован от сестер Берс, включая супругу писателя, а также — от его свояченицы Татьяны Кузминской, женщины незаурядной, наделенной литературным даром, натуры страстной и непредсказуемой. Известно, что она приняла яд из-за разорванной помолвки, и врачи ее едва откачали...

Особенно волновала Толстого судьба отца, отчасти похожего по характеру на Николая Ростова. Правда, в жизни Николай Ильич отличался от Николая Ростова не только хорошим образованием, но и стойкими убеждениями, не позволявшими ему, участнику заграничного похода русской армии против Наполеона, сражавшемуся в кровопролитнейшей «битве народов» под Лейпцигом, служить при Николае I. Побывав в плену у французов и сумевший сбежать, он после заключения мира вышел в отставку в чине полковника Павлоградского гусарского полка и устроился чиновником, дабы не попасть в долговую тюрьму за долги своего отца, казанского генерал-губернатора, который умер под следствием по причине служебных злоупотреблений. Плохой отцовский пример помог Николаю Ильичу выработать четкий жизненный идеал — частная независимая жизнь с семейными радостями. Как это похоже на Николая Ро-

стова! Он ведь тоже распрощался с блестящей военной карьерой ради выплаты отцовских долгов и, подобно Николаю Ильичу Толстому, женился на считавшейся по тем временам уже не очень молодой (23 года), но очень богатой Марии Болконской, брак с которой, как и у отца писателя с его матерью, Марией Николаевной Волконской, оказался счастливым.

Сходство матери Толстого с княжной Марьей проявляется и в том, что она обладала тонкой душевной организацией, была исключительно деликатна и владела замечательным искусством рассказчицы. Последнее от нее унаследовал, невероятно преумножив, Лев Николаевич.

Дом Юшковых считался одним из самых веселых в Казани, все члены аристократического семейства высоко ценили внешний блеск. Именно там Лев Николаевич приобрел те светские манеры и осанку, которыми даже в старости поражал современников, хотя и носил мужицкую одежду.

Дочь губернатора Казанской губернии Ильи Андреевича Толстого, выданная замуж за отставного гусарского полковника и именитого помещика В. Юшкова, Пелагея Ильинична, которую близкие с молодости звали Полин, получила в 1841 году письмо от племянника Николая из Ясной Поляны. *«Не оставляйте нас, дорогая тетенька, вы теперь у нас одна на свете»*. Это детское послание глубоко тронуло сердце Пелагеи Ильиничны

и ее мужа, так что они приняли непростое решение стать опекунами для четырех мальчиков и одной девочки. Однако, любя балы, приемы и прочие увеселения, переезжать в глухую Ясную Поляну с ее отнюдь не богатым укладом жизни Юшкова решительно не захотела. А потому выписала всех вверенных ее опекунству детей вместе с многочисленной прислугой и дворовыми к себе в Казань, поселив их отдельно, в арендованном доме.

«Добрая тетушка моя, — вспоминал Толстой, — чистейшее существо, всегда говорила, что она ничего не желала бы для меня, как того, чтобы я имел связь с замужнею женщиной». Это, по мнению многих дам высшего общества, придавало воспитанию молодого человека их круга «окончательную отделку». Видимо, племянник оправдал в этом плане ожидания Пелагеи Ильиничны.

Была еще одна веская причина для переезда. В Казани находился один из лучших российских университетов, который потом окончат братья Льва Николаевича и в котором будет учиться, но не доучится он сам. Несмотря на врожденное легкомыслие, тетушка хотела дать племянникам достойное их происхождению образование. Это она посоветовала Левушке выбрать при поступлении в университет восточное отделение философского факультета по разряду турецко-арабской словесности.

Появление племянников и племянницы ничуть не изменило заведенный

порядок дома Юшковых. Они продолжали радушно принимать гостей, потчuya их блюдами своего повара, считавшегося одним из лучших в городе. Толстой писал, что *«требовательная к соблюдению светских приличий, помещица Юшкова... стремилась, во что бы то ни стало, соответствовать идеалу "комильфо!"*. Она любила поесть, менять туалеты... и вопрос о том, куда поставить диван, был для нее вопросом огромной важности. Человеком она была... капризным и взбалмошным... охотно посещала монастыри, выстаивала службы, раздавала по обителям заказы на шитье золотом. Однако с крепостными вела себя грубо».

Ее супруг, Владимир Иванович, тоже был фигурой примечательной. Предводитель дворянства Лаишевского уезда, где находилось их имение, обаятельный, с отличным чувством юмора, дядюшка писателя откровенно насмешничал над фальшью и условностями светских приличий, хотя сам являлся неотъемлемой частью той среды, где жизнь коротали «между картами, танцами, сплетнями, балами, чревоугодием». По словам Софьи Андреевны Толстой, «человек умный, но без правил, жил он бездейтельно, вышивал по канве, подмигивал на хорошеньких горничных, слегка играл на фортепиано». Репутация большого волокиты сказывалась на отношениях Владимира Ивановича с супругой, которая «считала свое сердце разбитым».

Мальчикам было интересно и весело с ним, они увлеченно слушали его истории. Ему же было что порассказать. В составе Лейб-гвардии гусарского полка он участвовал в Отечественной войне 1812 года и зарубежных походах русской армии. За воинские отличия имел орден Святого Владимира IV степени с бантом. Однополчанином Юшкова был знаменитый философ, друг и наставник юного Пушкина Чаадаев. Когда полк Юшкова нес службу в Царском Селе, он встречался и с лицеистом Пушки-

пилку памяти впечатляющие людские типы.

Когда именно совершался в нем постепенный переход от бездеятельного, рассеянного юноши, не знающего пока, чем занять себя в жизни, к пытливо-вдумчивому человеку, старательно формирующему себя как личность и готовящемуся к большому поприщу (ибо на меньшее он не согласен)? Возможно, именно тогда, в Казани.

Ему хотелось блистать в обществе, но мешали природная застен-

Шесть лет, проведенных в Казани, стали важным периодом духовного формирования юноши, познакомили его с жизнью провинции — светского общества, чиновничества, студентов и усадебных крестьян. Все это он позже отразит в своих произведениях, откладывая в копилку памяти впечатляющие людские типы

ным. Примечательно, что Лев Толстой по матери, через петровского сподвижника адмирала Головина, являлся дальним родственником Александра Сергеевича, о чем никогда не забывал.

Шесть лет, проведенных в Казани, стали важным периодом его духовного формирования, познакомили юношу с жизнью провинции — светского общества, чиновничества, студентов и усадебных крестьян. Все это он с тонким знанием дела отразит позже в своих произведениях, откладывая в ко-

пильку памяти впечатляющие людские типы. А еще — развившаяся уже тогда *«привычка к постоянному моральному анализу, уничтожившая свежесть чувства и ясность рассудка»* (это самооценка из автобиографической повести Толстого «Отрочество»).

С марта 1847-го, угодив на некоторое время в казанский госпиталь, он начал вести дневник, где, в подражание Б.Франклину, ставил перед собой задачи по самоусовершенствованию, отмечал успехи и неудачи в выполнении этих заданий, ана-

лизировал свои недостатки и ход мыслей, мотивы совершаемых поступков... Такой дневник с небольшими перерывами Толстой будет вести всю жизнь. А в добавление к нему — еще один, тайный, которому доверит самые сокровенные чувства. Его он в поздние годы станет прятать за голенищем сапога от рывшейся в его личных бумагах Софьи Андреевны, которая боялась, что муж в один прекрасный день надумает лишить ее с детьми наследства.

Казанский университет не принес графу душевного успокоения. Вступительные экзамены он выдержал хорошо, но по результатам первого учебного года имел академическую задолженность, провалился на переходном экзамене и должен был заново пройти программу предыдущего курса. Чтобы избежать этого, перевелся на юридический факультет, однако и там проблемы с оценками продолжились, и на второй курс Толстой перешел со скрипом. *«Всегда ему было трудно всякое на-*

вязанное другими образование, и всему, чему он в жизни выучился, — он выучился сам, вдруг, быстро, усиленным трудом», — замечает Софья Андреевна в своих «Материалах к биографии Л.Н. Толстого».

«Я бросил университет, именно потому, что захотел заниматься», — вспоминал Лев Николаевич, открывший «бесконечные горизонты» после того, как профессор Д. Мейер предложил ему в качестве курсовой работы сравнить «Наказ» Екатерины с «Духом законов» Монтескье.

Окончив лечение в госпитале, Толстой оставил учебу в университете и уехал в доставшуюся ему по разделу Ясную Поляну. Уехал еще без ясного понимания своей будущности.

Первое, на что он захотел обратиться пока еще дремлющие в нем недюжинные силы, была попытка поновому наладить отношения с крестьянами, сгладив тем самым чувство вины молодого помещика перед народом, тем более что все культурное общество зачитывалось тогда только вышедшими тургеневскими «Записками охотника» и «Антоном-Горемыкой» Григоровича.

В дневнике и письмах Толстого тех лет мы находим следы его углубленных занятий английским языком, юриспруденцией, музыкой. Но — ни слова о благотворительности и педагогике, притом, что в 1849 году он открыл у себя в имении первую школу для крестьянских детей и

сам часто проводил в ней уроки, исповедуя принцип полной свободы для учеников. Результаты этот принцип, вкупе с поощрением детских способностей и увлечений, давал самые обнадеживающие. Вот и получается, что учился «лев русской литературы» плохо, а учил очень даже хорошо.

Его тянуло в Москву, на Арбат, где жили многочисленные толстовские родственники и знакомые. Туда он надолго уезжал из имения и снимал сохранившийся до наших дней одноэтажный особнячок на Сивцевом Вражке. В Москве Толстой собирался начать подготовку к сдаче экзаменов на кандидатскую степень по юриспруденции, однако вместо этого с головой окунулся в светские развлечения и увлекся картами. Играл азартно, не всегда обдумывал ходы и потому часто проигрывал.

В Петербурге, куда он уехал из Москвы зимой 1849-го, продолжался его рассеянный образ жизни, усугубленный кутежами с дядей своей будущей жены К. Иславиным. И это тот самый Толстой? — спросите вы. Да, тот самый, которому суждено было пройти через все это, чтобы стать гением литературы и совестью нации. Всепоглощающая страстность была отличительной чертой его богатой природы, и разгулу он отдавался столь же самозабвенно, как впоследствии — художественному творчеству, нравственному самосовершенствованию, мучительным поискам истины.

Отлучки в Первопрестольную заканчивались картежными баталиями, серьезно подорвавшими его финансовое положение. Утешением служила музыка (Толстой сам неплохо играл на рояле и очень ценил хорошее исполнение музыкантами своих любимых произведений). В 1849-м он поселил в Ясной Поляне бедного пианиста Рудольфа и играл с ним в четыре руки. В конце сороковых, в соавторстве с приятелем Зыбиным, сочинил вальс, с которого выдающийся композитор С. Танеэв сделал нотную запись (вальс этот звучит в фильме по повести Толстого «Отец Сергей»). Бах, Гендель, Шопен были его кумирами. Сбившегося с пути музыканта-немца, встреченного им в Северной столице, он описал затем в повести «Альберт». Ну и, конечно, «Крейцера соната» была написана страстным почитателем музыки. В старости, случилось, он выходил с концерта, сердито утирая выступившие на глазах слезы, и говорил окружающим: «Ну, чего она хочет от меня, эта музыка?»

И все же кутежи да охота занимали тогда большую часть времени молодого Толстого. При этом, однако, подспудная духовная работа постепенно делала свое дело. Зимой 1851-го он начал работать над первой частью автобиографической трилогии — «Детство». Весной — «История вчерашнего дня». Не за горами «Утро помещика». Но эти обнадеживающие «упражнения в прекрасном» пока еще не имели практической реализации.

Тем временем материальные дела хозяина Ясной Поляны продолжали ухудшаться. И тут приехавший из армии старший брат Николай, за отсутствием отца бывший младшему наставником и примером, неожиданно подал ему совет поступить на военную службу, чтобы сократить расходы и расплатиться по долгам.

Лев Николаевич колебался, пока крупный проигрыш не ускорил решение. В конце весны он поспешно уехал на Кавказ, без определенной цели. В ожидании оставленных в Москве документов, необходимых для зачисления в армию, почти полгода прожил в Пятигорске, в простой избе, и целыми днями пропал на охоте с казаком Епишкой, которого читатели узнают в блистательной повести «Казаки» под именем Ершки.

Осенью Толстой, сдав в Тифлисе положенный экзамен, поступил юнкером в 4-ю батарею 20-й артиллерийской бригады, стоявшей в станице Старогладовской на берегу Терека под Кизляром. Там же служил и брат писателя (с некоторыми изменениями станица эта изображена в «Казаках»). Там, сосредоточенный на своем внутреннем мире, новоиспеченный юнкер вновь стал писать.

Как создавались шедевры вчерашним рассеянным молодым баринном — оставалось непостижимой загадкой. Ведь насильственное самовоспитание, откровенно зафиксированное в дневнике Толстого, вряд ли может прояснить это. И как

подобное несколько искусственное самовоспитание перешло в глубокое самопознание и плодотворное (в литературном плане) самосовершенствование, также непонятно.

Когда знаменитый поэт, издатель и редактор пушкинского журнала «Современник» получил из действующей армии от никому неизвестного младшего офицера рукопись «Детство», робко подписанную еще литераторами «Л.Н.Т», он, вероятно, умилился авторской приписке: «...я с нетерпением ожидаю вашего приговора. Он или поощрит меня к продолжению любимых занятий, или заставит сжечь все начатое». «Приговор», само собой, был восторженный, и в сентябре того же года повесть дебютанта появилась на страницах «Современника», восторженно принятая читателями. Автора сразу причислили к корифеям новой литературной школы, наряду с маститыми Тургеневым, Гончаровым, Островским. Ведущие критики оценили серьезность идейного замысла, глубину психологического анализа характеров и яркость реалистического письма.

Окрыленный Толстой принялся обдумывать фабулу «Набега», «Казак» и тетралогии «Четыре эпохи развития», последняя часть которой — «Молодость» — так и не состоялась, а первой оказалось упоминавшееся выше «Утро помещика». При этом и тогда, и потом он не считал себя профессиональным литератором, не в смысле профессии, дающей средства существования, а

в смысле преобладания в собственной жизни чисто литературных интересов. Его совершенно не беспокоила борьба литературных направлений и партий, он вообще неохотно беседовал о литературе, творчестве, предпочитая разговоры о морали и общественных отношениях.

Любопытно, однако, что, достигнув известности, Лев Николаевич вполне «профессионально» относился к вопросам гонораров: «Война и мир» принесла ему неслыханные 500 рублей за печатный лист. Он обыкновенно твердо требовал всю сумму сразу, и, если выходила задержка, немедленно расторгал с издателем авторский договор. При подготовке к изданию «Войны и мира» взял аванс в десять тысяч рублей, с учетом всех своих «затрат», включая пункт о собственном «спокойствии».

К слову сказать, именно литературные заработки позволили писателю втрое увеличить оставленные родителями 750 десятин яснополянской земли. Причем только на гонорар за «Анну Каренину» (20 тысяч рублей, что равно 53 млн руб. по сегодняшнему курсу) Толстой приобрел дом в московском районе Хамовники, участок леса в Рязанской губернии, и у него еще остались 3 тысячи рублей на «мелкие расходы» вроде покупки брички, обеденных сервизов и сигар (он курил до 60 лет). Для сравнения — ведро отборного пива стоило тогда рубль.

Вот вам еще одно противоречие личности Толстого, позднее сделав-

шего попытку отказаться от гонораров за свои произведения. Он рассуждал, что, если за «мудрость» берутся деньги, она уже и не совсем «мудрость». Только уступая мольбам жены, Лев Николаевич ограничил отказ от гонораров произведениями, выпущенными после 1881 года.

Безусловные смелость и бесстрашие — синонимы, характеризующие

Вот когда началось формирование новой толстовской личности, процесс, продолжавшийся вплоть до преклонных лет. Личность «матерого человечища», по определению Ленина, менялась, эволюционировала, зачастую доставляя и радость, и мучения ее обладателю. Но ничего поделаться с собой Толстой уже не мог. Он искал Истину и способ по-

В дневнике и письмах Толстого ни слова о благотворительности и педагогике, притом, что в 1849 году он открыл у себя в имении первую школу для крестьянских детей и сам часто проводил уроки, исповедуя принцип полной свободы для учеников. Результаты этот принцип давал самые обнадеживающие. Вот и получается, что учился «лев русской литературы» плохо, а учил очень даже хорошо.

двухлетнее участие Толстого в многочисленных стычках с горцами, которых возглавлял суровый имам Шамиль. Смертельным опасностям затяжной кавказской войны писатель подвергался не раз. Особенно отличился он в кровопролитном сражении во время атаки неприятеля на реке Мичик. Ядро, ударившее в колесо пушки, которую он наводил, едва не убило его. Он имел право на Георгиевский крест и был представлен к этой почетнейшей воинской награде, но, в соответствии со своими убеждениями, уступил это право солдату-сослуживцу, которому «Георгий» давал значительное облегчение условий службы.

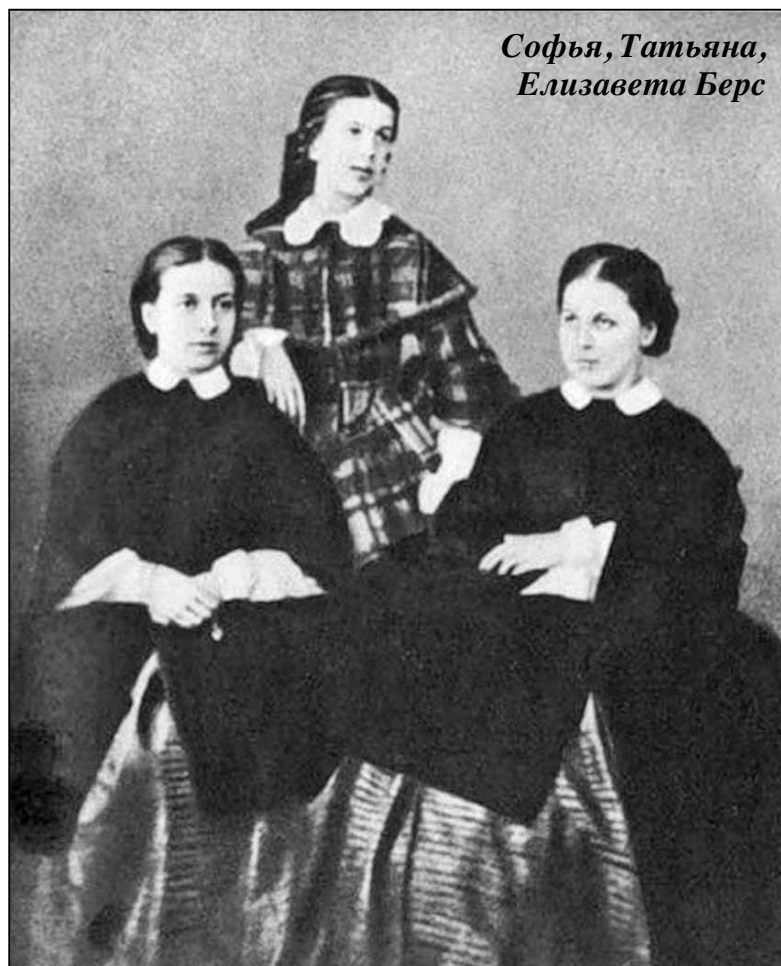
беды над смертью. И — наполнял отголосками этих поисков свое творчество.

Проснувшийся литературный талант, дар Божий Льва Толстого, также вызвала к жизни военная страда, Кавказ. Позже в дневнике он назовет кавказский период «мучительным и хорошим временем», подчеркивая, что никогда, *«ни прежде, ни после не доходил до такой высоты мысли»*. *«И все, что я нашел тогда, — напишет он спустя много лет, — навсегда останется моим убеждением»*.

С началом злосчастной Крымской войны Лев Николаевич перевелся в

Дунайскую армию, в 12-ю артиллерийскую бригаду. Участвовал в нескольких сражениях, а с ноября 1854-го по конец августа 1855-го года воевал при обороне Севастополя. Его доблесть видел знаменитый Четвертый бастион, подвергавшийся наиболее ожесточенным атакам со стороны высадившихся в Крыму войск коалиции. Он командовал батареей в кровопролитной битве на Черной речке и защищал под огнем артиллерии от штурма англо-французских частей легендарный Малахов курган, удостоившись ордена Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и медалей за защиту Севастополя.

Блестящее имя, репутация храброго офицера и литературная известность открывали Толстому путь к успешной военной карьере. Сатирические песенки, стилизованные под солдатские частушки и задевавшие целый ряд важных генералов, поставили на этом крест, о чем сам писатель, впрочем, не жалел.

*Софья, Татьяна,
Елизавета Берс*

Несмотря на тяготы армейской службы и ужасы осады, он написал рассказ «Рубка леса» и первый из трех «Севастопольских рассказов», который отправил в «Современник». Его быстро опубликовали, сделав достоянием читающей России, которую буквально потрясли беспристрастные картины героизма защитников Севастополя. Произведенный в чин поручика Толстой в сентябре 1856-го был отправлен курьером в Петербург, где и окончил «Севастопольские рассказы», напечатанные уже за полной подписью автора и окончательно укрепившие его репутацию как яркого лидера нового литературного направления.

В ноябре того же года Толстой оставил военную службу и впервые задумался о женитьбе. Около полугода длился его роман с 20-

летней дворянской дочерью Валерией Арсеньевой. Их любовные отношения начались через месяц после знакомства Льва Николаевича со своей будущей женой Софьей Берс, которая росла нежной, эмоциональной и за чрезмерную эмоциональность получила у близких прозвище «фуфель». После Арсеньевой писатель переключился на третью дочь Тютчева от первого брака, Екатерину, ставшую фрейлиной императрицы Марии Федоровны, а еще занимавшуюся журналистикой и переводами. *«Тютчева начинает спокойно нравиться мне, — записал Толстой в дневнике, — ... потихоньку, но захватывает меня серьезно и всего».*

Роман этот также окончился ничем, хоть и длился дольше остальных. Жажда семейной жизни и чувственное влечение к женщине — вот два начала, державшие во власти молодого Толстого. *«Сладострастие сильно начинает разыгрываться... О, срам! Ходил стучаться под окна К. К счастью моему, она меня не пустила... морально слаб и похоть сильная».* Это — из дневника казанского периода. А вот из кавказского дневника: *«Сладострастие не дает мне минуты покоя... Из-за девок, которых не имею, и креста, которого не получаю, живу здесь и убиваю лучшие годы своей жизни».*

Еще незадолго до отъезда из Казани перед 19-летним юношей вставал вопрос об изменении всей его

жизни. Он будет силиться решить этот мучительный вопрос, выйдя в отставку. И — пока все еще не сможет. Измученный, окунется в пеструю круговерть великосветских салонов и интеллектуальную атмосферу литературных кружков Петербурга. Завяжет приятельские отношения с Некрасовым, Гончаровым, Панаевым Григоровичем, Дружининым, В. Соллогубом. Поселится на одной квартире с Тургеневым, любезно пригласившим его и вскоре пожалевшим об этом. *«Спит до полудня, — жаловался Иван Сергеевич приятелю, — вечером — клуб, карты. Возвращается под утро в сопровождении поющих и пляшущих цыган... Жизни нет».*

И это — тоже Толстой, столь непривычный нам. А ведь тогда уже были написаны «Метель», «Два гусара», закончены «Севастополь в августе» и «Юность», продолжалась работа над «Казаками». Непонятно, как он все успевал!

Но вскоре кутежи и веселье вызвали душевный кризис. К нему прибавился разрыв с близким ему писательским кружком. В результате он «сам себе опротивел» и весной 1857 года сбежал в заграничное путешествие, сменив офицерский мундир на щегольской сюртук и цилиндр.

В Париже Толстого возмутил культ Наполеона. *«Обоготворение злодея ужасно»*, — так он отзовется об этом и потом сведет счеты с покорителем

Европы в «Войне и мире». Однако музеи и балы французской столицы Лев Николаевич посещал исправно и восхищался «чувством социальной свободы». Правда, присутствие на казни через гильотинирование произвело на него такое тягостное впечатление, что он до срока покинул Париж и отправился на Женевское озеро, по местам, как сам говорил, связанным с Жан-Жаком Руссо, которого почитал.

Германия, Англия, Италия разочаровали Льва Николаевича в евро-

пейской действительности вопиющим контрастом между бедностью и богатством, которого не скрыл от его пронизывающего взгляда пышный покров европейской культуры и цивилизации. Свои чувства по поводу Европы Толстой выразил в повести «Люцерн».

Он совершит еще одно европейское путешествие, где, в основном, будет интересоваться вопросами постановки народного образования и просвещения рабочего люда. В Германии встретится с видными

немецкими педагогами, в Брюсселе познакомится с Прудоном, в Лондоне посетит лекцию Диккенса. А кроме того, пройдет пешком с альпенштоком швейцарскими и итальянскими горными тропами.

(Во время этого второго путешествия по Европе буквально на руках у Льва Николаевича умер от туберкулеза его любимый старший брат Николай. Смерть брата потрясла его, годы спустя он опишет ее в «Анне Карениной», в сцене, где Левин приезжает с женой к умирающему брату.)

В промежутке между первой и второй поездкой Толстой продолжал работу над «Казаками», написал рассказ «Три смерти» о том, как умирают старая барыня, ямщик и дерево. Удивительная по силе изображения и мысли вещь! К этому произведению прибавилась камерная повесть «Семейное счастье», в которой отражена история отношений автора с Арсеньевой. Повествование заканчивается тем, что герои через несколько лет внешне счастливого брака высказывают друг другу все свои накопившиеся обиды и готовятся к началу нового этапа семейной жизни.

Публикация «Семейного счастья» в консервативно-охранительном «Русском вестнике» М. Каткова прошла почти незамеченной. Толстой был разочарован и в досаде признался: *«...перечел ее, оказалась такая постыдная гадость, что я*

не могу опомниться от сраму и, кажется, больше никогда писать не буду».

Тут подоспел и назревавший разрыв с «Современником». Лев Николаевич на время отложил перо, принял деятельное участие в организации Литературного фонда в помощь нуждающимся писателям и едва не погиб на медвежьей охоте...

Охватившая писателя депрессия несколько смягчалась возникшей у него в то время связью с замужней яснополянской крестьянкой Аксиной Базыкиной. Чувство свое к ней — сильное, тяжелое — Толстой считал «нечистым». Муж Аксины промышлял извозом, дома бывал редко. Она же, соблазнительная, хитрая, порочная, кружила мужчинам головы, завлекала их и обманывала. «Идиллия», «Тихон и Маланья», «Дьявол» — все эти произведения созданы Толстым под влиянием его чувства к Аксиныне. Но при этом планов женитьбы он не оставлял. Их укрепила встреча в Лондоне с Герценом и наблюдение «семейного счастья» этого негибавшего борца с самодержавием. Не было Толстому дела до охладевшей к нему на 10–12 лет, до самого появления «Войны и мира», капризной критики, и к общению с прежними приятелями-литераторами он не стремился. Исключение составлял один А. Фет, чье имение находилось по соседству и поэзию которого Лев Николаевич необыкновенно ценил.

Как раз в гостях у Фета произошла в мае 1861 года злополучная ссора Толстого с Тургеневым, едва не закончившаяся дуэлью и разорвавшая их дружбу на долгих 17 лет. Причиной послужил восторженный рассказ вернувшегося из Парижа Тургенева о том, как его незаконнорожденная дочь вместе с дочерьми Полины Виардо ездят по выходным в собственном экипаже в бедные парижские кварталы и стирают там одиноким вдовам белье. Толстой, услышав это, не выдер-

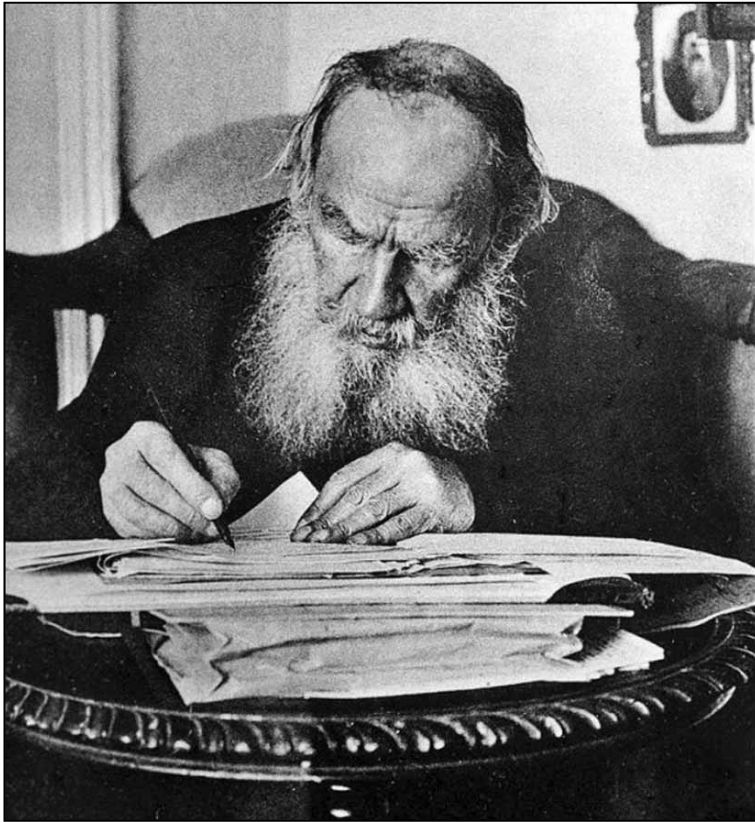
Год спустя Лев Николаевич по рекомендации врачей отправился лечить кумысом не проходившую депрессию в башкирское кочевье Каралык под Самарой. В первый раз пробыл там полтора месяца. Жил в юрте, питался бараниной, пил кумыс, загорал и развлекался игрой в шашки с башкирами. Вторично приехал туда же через девять лет, уже написав «Войну и мир». Приехал в связи с ухудшением здоровья, вместе с шурином С. Берсом, и вновь был очарован. «Тоска и рав-

С мелость и бесстрашие — вот синонимы, характеризующие двухлетнее участие Толстого в стычках с горцами. Особенно отличился он во время атаки неприятеля на реке Мичик, за что был представлен к Георгиевскому кресту, но уступил это право солдату-сослуживцу, которому «Георгий» давал значительное облегчение условий службы. Именно тогда началось формирование новой толстовской личности, процесс, продолжавшийся вплоть до преклонных лет

жал, швырнул ложку в тарелку с супом и страшно закричал: «Какое фарисейство! Какое лицемерие! Какое надругательство над нищей!» Оскорбленный Тургенев уехал и на следующий день прислал вызов. Общим друзьям удалось убедить двух великих писателей не стреляться — ведь, будучи превосходными охотниками, они легко могли бы (и это после гибели на дуэли Пушкина и Лермонтова!) убить друг друга.

нодушие прошли, — отмечал он, — чувствую себя приходящим в скифское состояние, и все интересно...»

Натура увлекающаяся, Лев Николаевич купил в тех местах имение и уже следующим летом отдыхал в нем со всей семьей. Позднее организовал в имении конный завод, пытаясь скрестить английских рысаков и степных кобыл, чтобы вывести быструю и выносливую кавалерийскую породу. Начинание не удалось, на протяжении десяти лет

завод приносил одни лишь убытки. Писатель, однако, продолжал ездить в свое степное имение и во время очередного приезда устроил для местных башкир скачки на 50 верст и силовые состязания, в которых сам принимал участие. Отличным наездником и спортсменом Толстой оставался до старости.

24 мая 1856 года Лев Николаевич с приятелями отправился на представление в московский сад «Эрмитаж», вынес оттуда ощущение «тоски невообразимой» и, «не ложась спать, поехал на Воробьевы горы. Купался, пил молоко и спал там в саду». К вечеру следующего дня он был уже в Покровско-Стрешневе, на даче у своего будущего тестя, врача придворного ведомства А. Берса. С его супругой, Любовью Александровной Иславиной (в замужестве Берс) Толстой был знаком с юности, любил играть с ее дочерь-

ми — Лизой, Соней и Таней. Когда те подросли, задумал жениться на старшей, Лизе, долго колебался, но потом сделал выбор в пользу средней дочери, Софьи.

...Был пикник в Засеке на лужайке, когда расшалившаяся Соня взобралась на стог и пела «Ключ по камешкам течет». Были беседы в сумерках на балконе, когда она робела перед ним, а он с умилением ее слушал и на прощание восторженно сказал: «Какая вы ясная, простая!» И был бал, где она в платье с лиловыми бантами выглядела необыкновенно грациозно и танцевала с ним так, как князь Андрей Болконский танцевал с Наташей на ее первом балу в «Войне и мире». Перечитайте эту незабываемую сцену, и вы поймете, какие чувства испытывал в тот вечер 34-летний Лев Толстой по отношению к 18-летней Софье Берс.

Он приехал к ним в дом 17 сентября с письмом, в котором просил Соню стать его женой и в котором умолял ее при малейшем сомнении ответить «нет». Соня взяла письмо,

ушла в свою комнату, а он в маленькой гостиной находился в состоянии такого нервного напряжения, что даже не слышал обращенных к нему вопросов старших Берсов. Наконец Соня спустилась, подошла и сказала: «Разумеется, да!» Только после этого Лев Николаевич официально попросил руки Сони у ее родителей.

Он настаивал, чтобы свадьба была через неделю. Ощущал себя совершенно счастливым. Говорил: *«Никогда так ясно и спокойно не представлялось мне мое будущее с женой»*.

Перед венчанием Толстой дал Соне прочесть его дневники. В них были и карточные долги, и пьяные загулы, и цыганка-любовница, и публичные девки, к которым он ездил с друзьями, И, наконец, Аксинья... Соня пришла в ужас, об этой стороне жизни она знала только понаслышке и даже предположить не могла, что любимый и уважаемый ею человек способен был на все ЭТО. Прийти в себя ей помог разговор с матерью. Та, шокированная выходкой будущего зятя, все же постаралась объяснить Соне, что у большинства мужчин в возрасте Льва Николаевича есть прошлое, просто они, как правило, не посвящают невест в подробности прежней холостяцкой жизни.

Соня решила простить Толстому все, раз она его по-настоящему любит. Ну а он аккурат в утро назначенного венчания предложил невесте еще раз подумать: быть

может, она все-таки не хочет этого брака? И опять Соня рыдала. Так, в слезах, она и шла под венец к порогу кремлевской церкви Рождества Богородицы.

Вечером того же дня молодые уехали в Ясную Поляну. Толстой записал в дневнике: *«Неимоверное счастье... Не может быть, чтобы это все кончилось только жизнью»*. И вот ужасная запись в дневнике после первой брачной ночи: *«не она»*. Потом он все же узнает с ней и супружеское счастье, и даже муки ревности, и отчуждение. Она станет для него всем — и секретарем-переписчиком многих тысяч страниц его рукописей, и распорядителем его изданий, и заботливой сиделкой, и хозяйкой их большого дома (еще и второго купленного в Москве особняка), и матерью их многочисленных детей.

Впереди были десятилетия размеренной, полной трудов и раздумий жизни. Впереди маячили необозримые контуры «Войны и мира»...

Работа. Семья. Хозяйство. Триада эта на ряд лет стала для Толстого определяющей, сдерживая его душевные метания и порывы. В Москве он появлялся теперь исключительно по делам: сделать нужные выписки в библиотеках и архивах, переговорить с издателем, встретиться с художником Башиловым, первым иллюстратором «Войны и мира», да еще побывать на выставке скота в Зоологическом саду.

Работа над эпопеей захватила его целиком, исподволь воздействуя на характер и убеждения писателя. Этому способствовала поистине всемирная слава, обрушившаяся на него после выхода романа. Он хотел сразу же приступить к продолжению — роману о декабристах, на что намекает эпилог «Войны и мира», даже встречался в Москве с возвращавшимися по царской амнистии из Сибири оставшимися в живых участниками тайных обществ, изучал документы. Но замысел был отложен, потому что Толстого неожиданно захватила история женщины, которая во имя любви осмелилась бросить вызов светским правилам и приличиям. «Анна Каренина» тоже печаталась в Москве, и Льву Николаевичу приходилось часто приезжать в типографию и к издателю.

Наконец возобновились отодвинутые на десять лет толстовские занятия педагогикой с яснополянскими детьми. Он написал две новых Азбуки и серию из четырех «Русских книг для чтения», которые после долгих мытарств были одобрены Министерством народного просвещения в качестве учебных пособий для начальных школ.

Еще по возвращении из Европы Толстому предложили стать мировым посредником в Крапивенском уезде Тульской губернии. Он охотно принял эту хлопотную должность,

поскольку считал народ (т.е. крестьян) бесконечно выше культурных классов, коим, по его мнению, следовало бы поучиться у народа основам нравственности и силе духа. Работа мировым посредником расширила круг наблюдений писателя над крестьянской жизнью, дала ему новый материал для творчества, повлияла на эволюцию толстовского мировоззрения.

Так, ему довелось защищать на военно-полевом суде приговоренного к расстрелу рядового Шабунина, который ударил офицера, приказавшего наказать в чем-то провинившегося солдата розгами. Лев Николаевич безуспешно пытался доказать невменяемость осужденного и был потрясен беспощадностью государственного произвола. «Случай этот имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неудачи в литературе, даже потеря близких людей».

В те годы Толстой еще не чуждался публичных чтений в московском «Обществе любителей российской словесности», членом которого состоял. Участвовал он и в заседаниях Московского комитета грамотности, доказывая на основании собственной педагогической практики преимущество буквенного обучения грамоте перед распространенным тогда звуковым. Соби-

рался еще организовать Общество любителей русского народного пения...

Существовала между тем другая важная причина, все чаще притягивавшая взор писателя к Москве — подросших сыновей надо было отдавать в гимназию. Государственные гимназии сразу отпали, так как там требовалось отцовское поручительство в благонадежности поступающих. Лев Николаевич такое поручительство давать отказался, говоря: «Я не могу поручиться за себя самого, как же я буду поручаться за сыновей». Выбор пал на лучшую московскую частную гимназию Льва Поливанова на Волхонке, где обходились без подобной формальности. Первый год Толстые снимали разные дома, но они оказались неподходящими, и вес-

ной 1882-го Софья Андреевна выбрала для покупки просторный особняк с красивым садом в Долгохамовнической переулке, куда семья перебиралась на зиму.

Все бы хорошо, но Москва обострила давно назревавший конфликт Толстого с женой. К моменту переезда в Хамовники ему исполнилось 52 года, и он стоически нес бремя своей неслыханной славы. В весенне-летние месяцы они возвращались в Ясную Поляну, и Лев Николаевич терпеливо принимал, сидя на скамейке под яснополянским дубом, нескончаемых ходоков к нему за советом. Софья Андреевна называла их «темными бездельниками», среди которых оказался однажды и Максим Горький, позднее близко познакомившийся с Толстым.

Толстой знал и любил Москву. На Поварской, Никитской, Воздвиженке находились дома его знатной родни, в которых он привык бывать с юности. Теперь ему довелось поселиться в рабочем районе. *«Я живу среди фабрик, — писал он в трактате «Так что же нам делать?» — Каждое утро в пять часов слышен один свисток, другой, третий, десятый. Это значит, что началась работа женщин, детей, стариков...»*

верховых лошадей, привезенных в Хамовники из тульского имения, отказать был не в силах. Во всем же остальном ограничил себя до предела: ел самую простую вегетарианскую пищу, умело тачал сапоги, клал печи, разносил по ним в доме дрова, таскал зимой на санках бочку воды из колодца в нижнем конце переулка. Таким Толстого впервые и увидел молодой Бунин. Тот стоял у ворот усадьбы рядом с их дворни-

Работа над «Войной и миром» захватила его целиком, исподволь воздействуя на характер и убеждения писателя. Он хотел сразу же приступить к продолжению — роману о декабристах, даже встречался в Москве с возвращавшимися из Сибири после царской амнистии участниками тайных обществ, изучал документы. Но вдруг замысел был отложен, потому что его неожиданно захватила история женщины, бросившей во имя любви вызов обществу. Вскоре роман «Анна Каренина» был закончен и напечатан в одном из московских издательств

Он не отгородился от громающей округи в усадебном саду, куда приехал из Ясной Поляны уже опростившимся — в сшитой ему Софьей Андреевной знаменитой холщевой блузе, подпоясанной ремешком, в овчинном тулупе и плисовых штанах, заправленных в валенки или сапоги, за голенищем которых торчала длинная ручка железной гребенки для бороды. В таком виде «великий писатель земли Русской» ходил на собрания комитетов и концерты. От последних, как и от двух

ком, человеком, по его описанию, «суровым и всегда пьяным». Посмотрев на Толстого, с трудом тянувшего примерзающие ко льду полозьями тяжело груженные санки, дворник обронил: *«Какой он, к черту, граф! Он шальной!»* А на вопрос Бунина об его отношении к Льву Николаевичу ответил: *«Да никак я к нему не смею относиться»*. И, наверное, был прав.

Фабричные Хамовники помогли Толстому окончательно определить

ся в своих убеждениях. *«Вонь. Камни. Роскошь. Нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию. И пируют...»*

Страстная публицистика — далеко не единственное, что писал Толстой в Москве. Длинными зимами в Хамовниках им были созданы и «Холстомер» («История лошади»), и «Хаджи Мурат», и «Крейцера соната», и пьеса «Власть тьмы»... Всего за 19 лет около ста различных произведений! И — главное — здесь он написал «Воскресенье».

В застекленную беседку с колоннами на площадке перед домом, где зимой заливали каток, Лев Николаевич уносил корректуры своего последнего романа, вобравшего пеструю череду московских примет. В Бутырской тюрьме сидит Катюша Маслова. Ее судят в Московском окружном суде. Жарким летним днем она шагает в партии заключенных от ворот тюрьмы до Николаевского (ныне Ленинградского) вокзала. Этот путь писатель сам проделал с партией ссыльных и расспрашивал надзирателей Бутырки о тюремных порядках. Совершил он и долгий пеший поход из Москвы в Троице-Сергиеву лавру, во время которого «много, хорошо думал». Вскоре он будет отлучен от церкви Святейшим Синодом за карикатуру на обер-прокурора К. Победоносцева в романе «Воскресенье», за отрицание церковного вероучения и

за утверждение, что все живое якобы независимо от Церкви.

19 сентября 1909 года Лев Толстой навсегда покидал Москву. Покидал, унося тайну своего трагического разлада с самим собой, тайну своей отчаянной попытки отказаться от столь могучего литературного творчества ради новой «Нагорной проповеди». В статьях и трактатах он проповедовал «опрощение», «непротивление злу насилием», его учение породило широкое движение, получившее название «толстовство». Но вот парадокс: сам проповедник говорил о себе, что он Толстой, а не толстовец... Воистину, гордый дух!

Газеты успели оповестить об отъезде Толстого, и с утра площадь перед Курским вокзалом запрудили толпы народа. В купе Лев Николаевич сел у открытого окна и весь ушел в себя, никак не реагируя на гул разбушевавшегося людского моря, на восторженные выкрики «Ура!», «Да здравствует...», на магниевые вспышки над штативами фотоаппаратов и назойливое стрекотание кинокамеры. В открытое окно на колени ему упали цветы... При общем ликующем крике толпы поезд тихонько тронулся. Объятые стихийным порывом люди, словно загипнотизированные, потянулись следом по платформе. Поезд постепенно набирал ход, и основная масса провожающих отстала. Оторвав-

шиеся от нее отдельные группы бежали вровень с вагоном. «Лев Николаевич, наш дорогой!..», «Слава!..», выкрикивали они и бежали, бежали, пока не кончилась платформа...

Ровно год спустя, в дождливую, холодную ночь Лев Толстой тайком бежал из своего отчего гнезда, Ясной Поляны. Бежал без плана и цели, куда глаза глядят! Бежал, чтобы смиренным странником умереть в дороге... *«Мне очень тяжело в этом доме сумасшедших»*, — доверился он дневнику незадолго до ухода. Потом Софья Андреевна скажет: *«Сорок восемь лет прожила я с Львом Николаевичем, а так и не узнала, что он был за человек»*.

Противоречия терзали его парадоксальную натуру до последних дней жизни. И они же, сама, по его выражению, «энергия заблуждений», питали толстовское творчество, которому он прекрасно знал цену, пусть и отзывался о нем порой более чем пренебрежительно. *«Я теперь писатель всеми силами души, и пишу, и обдумываю, как никогда еще не писал и не обдумывал»*. Это о «Войне и мире», романе, в котором семейное счастье превозмогает трагедию войны. И он же мог впоследствии, без малейшей рисовки, отозваться о своем величайшем романе XIX века в таком вот ключе: *«...Когда я писал многословную дребедень, вроде "Войны и мира"»*. Чехов на полном серьезе

говорил Бунину: «Умрет Толстой, и все пойдет к черту!» «Что, и литература?» — шутливо вопрошал Бунин. «И литература», — все так же серьезно отвечал Чехов.

Простудившись (торопился быстрее пробраться ночью через сад и потерял шапку), 82-летний Толстой умирал в маленьком домике начальника железнодорожной станции Остапово. Умирал, задыхаясь и проваливаясь в забытие, окруженный приехавшими из Москвы именитыми врачами и близкими. Софью Андреевну пускать не велел. Священника — тоже. Они вошли, когда он уже отходил. *«Кровать стояла посреди комнаты, — вспоминала дочь писателя Александра Львовна. — Вдруг отец сильным движением привстал и почти сел. "Только одно советую помнить, — произнес он, твердо и ясно выговаривая каждое слово. — На свете много Львов, а вы думаете об одном Льве Толстом"»*.

В нем поражает все. Поражают романические вершины. Поражают «анатомия страсти» «Крейцеровой сонаты», властная полифония «Хаджи Мурата» и «Казаков», не имеющая аналогов в мировой литературе аналитическая хроника постепенного ухода из жизни героя новеллы «Смерть Ивана Ильича». Поражает дерзость мысли и высказываний. *«Уж на что Шекспир плохо пьесы писал, а вы еще хуже»*, —

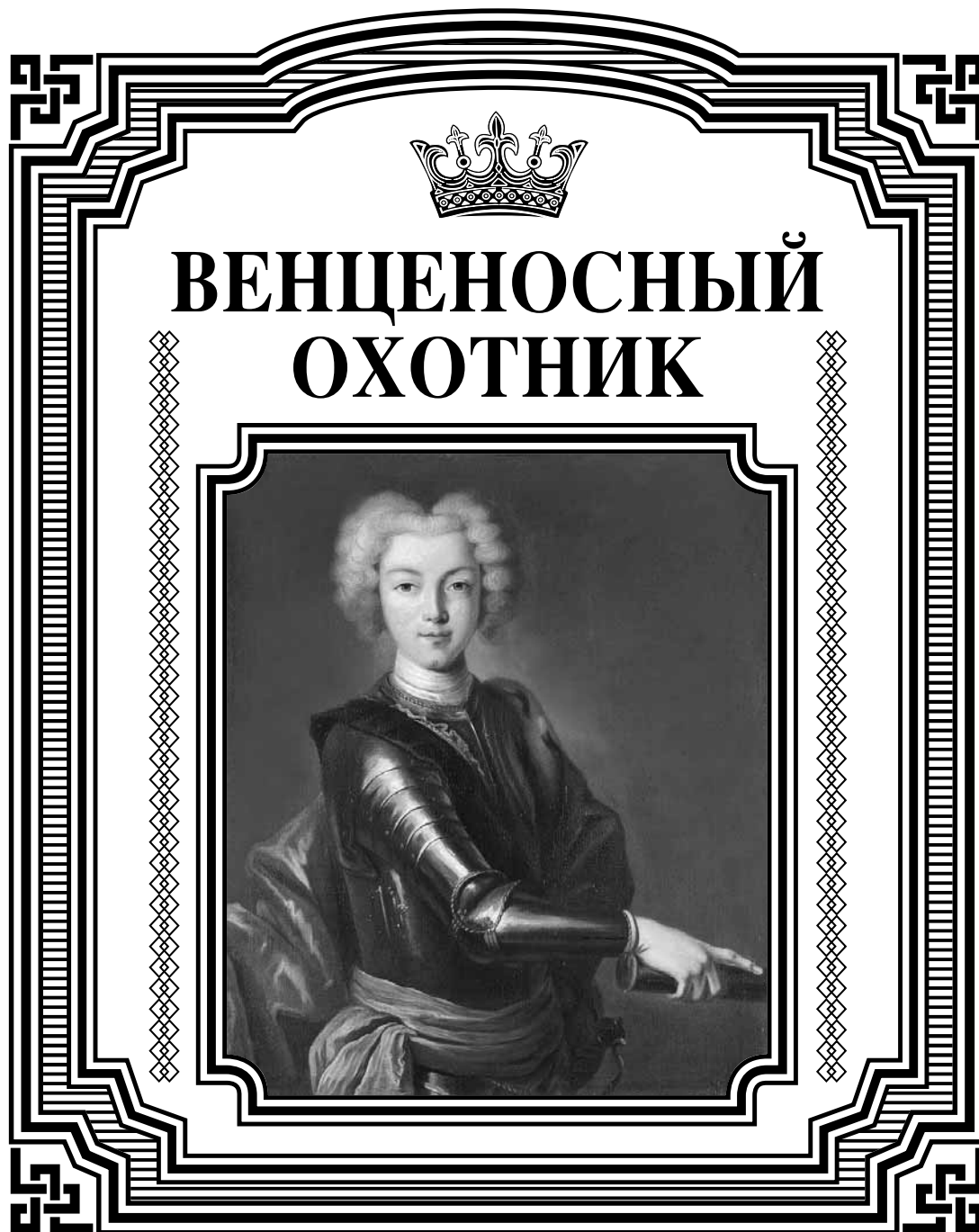

спокойно говорил он высоко чтимому им Чехову-прозаику.

Поражает контраст его, по утверждению Бунина, чисто «биологических», «первобытных» черт внешнего облика (узловатые пальцы, выдающиеся надбровные дуги, двигавшиеся при еде уши) с головокружительным уровнем духовного и культурного развития. Поражает количество написанного им и то, что общий тираж изданий толстовских произведений только у нас в стране приближается к миллиарду экземпляров...

Поражает даже могила гениального писателя в яснополянском парке.

Согласно его последней воле, это просто насыпной холмик, без креста, плиты с надписью или надгробного памятника. Поросший травой и цветами, могильный холмик Льва Толстого расположился под развесистыми деревьями на краю оврага, где они в детстве со старшим братом Николенькой искали «зеленую палочку», способную принести людям счастье. □

Последний мужской потомок династии Романовых по прямой линии, он приходился внуком Петру Великому и сыном царевичу Алексею, погибшему в застенке Трубецкого бастиона Петропавловской крепости от рук палачей. Ему не исполнилось и двенадцати лет, когда он после смерти жены Великого Петра Екатерины I взошел на престол предков под именем Петра II. Скончался же он в возрасте четырнадцати с небольшим лет, прожив очень короткую, но насыщенную яркими событиями жизнь. Вокруг его трона кипели нешуточные страсти. Именно по его приказу был отправлен в ссылку Александр Данилович Меншиков, пытавшийся навя-

зять ему в жены свою дочь. Подобные же цели преследовал и глава могущественного клана князей Долгоруких.

Рано созревший и чувственный венценосный отрок участвовал в многочисленных разгульных похождениях, на которые его подбивали беспутные фавориты. Он был страстно влюблен в свою тетку — цесаревну Елизавету, будущую императрицу, и даже собирался жениться на ней.

Петр II отличался характером гордым, своевольным и властным, но он ушел из жизни совсем юным, и историкам остается лишь гадать, суждено ли ему было следовать путем реформ, проложенным его великим дедом, или свернуть с него, как мечтал сделать его отец, царевич Алексей.

Будущий российский самодержец появился на свет 12 октября 1715 года. С самого своего рождения он не знал родительской любви и ласки. Его мать, принцесса Шарлотта-Христина-Софья, сестра супруги австрийского императора, умерла через несколько дней после тяжелых родов. Отец, царевич Алексей, женившийся на ней по настоянию отца, терпеть не мог супругу, и к сыну был совершенно равнодушен. Он погиб, когда мальчику было всего три года. Кроме сына у него осталась и четырехлетняя дочь Наталья.

Надо сказать, что у Петра Великого отношение к внуку было довольно странным. Нежность к ребенку порой беспричинно сменялась настороженностью и даже враждебностью. Учителя и воспитатели, выбранные для маленького Петра суровым дедом, мало что дали мальчику. Более или менее систематические занятия начались уже после смерти Екатерины I. Впрочем, этому

предшествовали события чрезвычайной важности. Умиравшая императрица, по настоянию Меншикова, имевшего на нее неограниченное влияние, в своем завещании — «Тестаменте» — назначила наследником цесаревича Петра Алексеевича. При этом он непременно должен был жениться на одной из дочерей Меншикова. В случае исполнения этого условия «Светлейший» становился тестем императора и мог не опасаться мести за свое участие в гибели царевича Алексея. Более того, отроческий возраст Петра II открывал перед князем возможность стать неограниченным правителем страны и предоставлял возможности для утоления его ненасытной алчности. Перспектива породниться с царствующей фамилией отодвинула все остальные заботы на второй план. Тем не менее, Светлейший не забывал и о необходимости дать юному императору подобающее его сану воспитание и образование. Сам человек необразо-

ванный, Данилыч знал цену образованию и образованным людям. По его предложению на должность воспитателя Петра был назначен барон Андрей Иванович Остерман. Умный и хитрый политикан, Остерман к этому времени благодаря покровительству Меншикова занимал пост вице-канцлера и члена Верховного тайного совета. К своему новому назначению он подошел серьезно и ответственно, разработав программу обучения будущего монарха. Большое

ного Тайного совета и наиболее влиятельных сановников. Присутствующие стали поздравлять юного императора и присягать ему. Стоявшая перед Зимним дворцом гвардия тоже присягнула императору Петру II и прокричала «Виват!» Петр Алексеевич занял свое место в императорском кресле под балдахином.

По обычаям того времени совершеннолетие наступало по достижению восемнадцати лет. Тем не менее, в конце мая 1727 года юный

При восшествии на престол Екатерины I к Петру в качестве гоф-юнкера приставили одного из отпрысков семейства Долгоруких. Князь Иван Долгорукий был на семь лет старше Петра, далеко не глуп и всеми силами стремился пробиться на самый верх. Он сумел понравиться цесаревичу и не скупился на клятвы отдать жизнь за потомка Петра Великого

значение придавалось и воспитанию у царственного отрока светских манер, и умению держать себя, как подобает властителю великой державы. Остерман отлично понимал значение своей должности воспитателя для будущей карьеры. Доверительные отношения с юным Петром позволили бы ему привязать к себе подростка, подчинить его своему влиянию.

Между тем 7 мая 1727 года, то есть на следующий день после кончины Екатерины I, ее завещание было зачитано в присутствии Верхов-

император, которому еще не исполнилось двенадцати лет, явился во дворец Меншикова, чтобы, согласно воле почившей в бозе императрицы, просить руки дочери Светлейшего, которая была старше жениха на четыре года. Почему Петр выбрал в супруги старшую дочь Марию, которую сам называл «мраморной статуей», а не гораздо более привлекательную младшую Александру, сказать трудно. Скорее всего, потому, что он был совершенно равнодушен к обеим девушкам, а Меншиков настойчиво торопил со свадьбой.

Князь позаботился о полной изоляции жениха, чтобы никто не имел возможности оказать на него неуютное влияние. С этой целью он поселил зятя в своем дворце. В результате юный император оказался как бы в почетном заточении. Никому не дано было общаться с Петром

веден в обер-камергеры и за неведомые заслуги награжден орденом Андрея Первозванного. Светлейший делал все, чтобы сблизить Петра с дочерью. Между покоями жениха и невесты была прорублена дверь, что позволяло им общаться в любое время суток. Однако никаких чувств

Петр и Наталья в детстве. В образе Аполлона и Дианы

без присутствия самого князя или членов его семьи.

Обручение состоялось 25 мая 1727 года в торжественной обстановке. Совершал его архиепископ новгородский Феофан Прокопович. Присутствовали члены Верховного тайного совета, Сената и Синода, а также генералитет и иностранные послы.

Вслед за помолвкой на князя и членов его семьи посыпались пожалования. Александр Данилович стал полным адмиралом и генералиссимусом, его сын Александр был воз-

к невесте юный император не испытывал и вел себя по отношению к ней подчеркнуто холодно.

При восшествии на престол Екатерины I к Петру в качестве гоф-юнкера приставили одного из отпрысков семейства Долгоруких. Князь Иван Алексеевич был старше Петра на семь лет. Типичный представитель «золотой молодежи» того времени, он даже среди этих легкомысленных юнцов выделялся буйным и безнравственным поведением. В то же время Иван был далеко не глуп и всеми силами стремился

Петр II

пробиться на самый верх. Он сумел понравиться цесаревичу, укреплял его веру в своем высоком предназначении и не скупился на клятвы отдать жизнь за потомка Петра Великого. Цесаревич поверил в искренность чувств князя Ивана. К тому же ему импонировали бесшабашность Ивана, его веселый, беззаботный нрав, изобретательность в развлечениях. Именно князь стал его первым наставником в освоении «науки страсти нежной». Нужно сказать, что Петр был очень хорош собой. Точеные, благородные черты лица, выразительные темные глаза, чувственный рот делали его юное лицо необычайно привлекательным. Высокий, стройный, хорошо сложенный, он всегда выглядел старше своих лет. Иностранцы отмечали, что в свои 12–14 лет он

выглядел на все шестнадцать — восемнадцать.

Под влиянием князя Ивана, страстного охотника, Петр так увлекся этой благородной забавой, что даже забросил занятия, которые Меншиков считал необходимыми для будущего монарха. Светлейший, зорко следивший за событиями при дворе великого князя, обнаружил нежелательное влияние Долгорукого на Петра и уговорил Екатерину избавиться от гофюнкера. Князя Ивана отправили служить в отдаленный гарнизон.

После восшествия Петра на престол Александр Данилович почувствовал, что в отношениях с ним юный государь проявляет все больше упрямства и строптивости. Он, однако, не придавал этому большого значения, полагая, что в силах «обуздать мальчишку». Возможно, он не

ошибался, но тут случилось непредвиденное — Светлейший занемог. Болезнь быстро приобрела настолько опасный характер, что окружающие стали всерьез опасаться фатального исхода, да и сам Меншиков считал, что у него мало надежд преодолеть недуг — сильнейшие приступы лихорадки и кровохарканье вконец обессилили его. И все-таки он победил болезнь. Однако в те пять недель, когда князь был лишен возможности контролировать будущего зятя, случилось самое страшное для него. Юнец, освободившись от жесткой опеки, нашел себе новых советчиков среди недругов Светлейшего, в первую очередь князей Долгоруких, за спиной которых скрывался хитроумный и двуличный барон Остерман, мечтавший ради продвижения по карьере свалить своего благодетеля. Однако оправившийся от болезни Данилыч, казалось, этого не замечал. Более того, он стал еще более раздражительным и настойчивым в стремлении укротить капризный нрав отрока, и своим поведением еще более укреплял его неприязнь к себе. Так в августе 1727 года цех петербургских каменщиков поднес Петру 9 тысяч червонных, а он отослал их в подарок сестре Наталье Алексеевне, которую очень любил. Слуга, который нес деньги, встретил Меншикова, и тот велел ему отнести золото в свой кабинет, заявив: «Император еще очень молод и не умеет распоряжаться деньгами, как следует». Петр, узнав об этом, был взбешен и закричал: «Я покажу

ему, что я император, и что мне надобно повиноваться!»

Ряд схожих случаев, которыми ловко сумели воспользоваться Остерман и Долгорукие, окончательно восстановили императора против Меншикова. Вскоре Петр распорядился забрать из дома Светлейшего свои вещи и перевезти их в Летний дворец. Судьба князя была решена 8 сентября, когда к нему во дворец прибыл майор гвардии Семен Андреевич Салтыков с приказом об его аресте. Князь был так потрясен, что с ним случился обморок. По другим сведениям, он вел себя спокойно, с достоинством и только жаловался, как жестоко с ним поступили в благодарность за долгую и беспорочную службу. На следующий день Верховный тайный совет в присутствии Петра решил участь Менши-

кова: было решено лишить его всех чинов и орденов и отправить в ссылку в принадлежавшее ему имение Раннебург близ Воронежа. Вдогонку был отправлен специальный курьер для того, чтобы изъять у бывшей невесты кольцо, полученное ею от жениха во время помолвки. Вскоре все колоссальное имущество Александра Даниловича было конфисковано, а сам он с семьей был отправлен в Березов — богом забытый сибирский городишко, затерянный в болотах и тундре, более, чем

перь он стал игрушкой в руках алчного и честолюбивого клана Долгоруких, добивавшихся своих целей благодаря близости Ивана к царю. Молодой Долгорукий был возведен в высший придворный чин оберкамергера, пожалован орденом Андрея Первозванного и чином майора Преображенского полка. Петр буквально души не чаял в своем фаворите. Главная задача князя Ивана, как он ее понимал, состояла в доставлении императору удовольствий всякого рода. Именно Долгорукий

После смерти любимой сестры влияние клана Долгоруких на юного царя еще больше возросло. Для его усиления все средства были хороши, но одно действовало безотказно — страсть к охоте, которую царю привил князь Иван. Страстью к охоте многие объясняли даже перенос столицы из Санкт-Петербурга в Москву, поскольку подмосковные охотничьи угодья были гораздо богаче ди-
чью

в тысяче верст севернее Тобольска. Там князь скончался в ноябре 1729 года. Через месяц от оспы скончалась и его старшая дочь Мария, бывшая невеста императора.

Вскоре после высылки Меншикова в Петербург вернулся Иван Долгорукий и сразу же занял свое прежнее место фаворита и наперсника молодого императора. Однако если Петр полагал, что, избавившись от Светлейшего, он обретет независимость и власть, подобающую истинному государю, он ошибался — те-

пристрастил юного царя к ночным похождениям, разгулу и разврату. Саксонский посланник Лефорт (племянник любимца Петра Великого, Франца Лефорта) сообщал в Дрезден: «С некоторого времени он (Петр) взял привычку ночь превращать в день: он целую ночь рыскает со своим камергером Долгоруким и ложится только в семь часов утра».

У князя Ивана была также репутация и насильника. Окруженный ватагой таких же, как он, негодяев, он разъезжал по улицам столицы,

вламывался в дома, совершал самые гнусные насилия, и никто не смел ни оказать сопротивление, ни пожаловаться на царского фаворита. По городу ходили разговоры о его «греховной связи» с супругой князя Никиты Трубецкого. По свидетельству современников, он жил с ней «без всякой скромности», оскорблял и даже бил ее мужа, а однажды чуть не выбросил беднягу из окошка. И сделал бы это, если бы за князя не вступился Сергей Лопухин, родственник первой жены Петра Великого.

Уроки этого дебошира и развратника пали на благодатную почву. Царь их быстро усвоил и следовал примеру своего наставника. Однако, как известно, человеческая душа соткана из загадок и противоречий. Как раз в это время безудержного разгула молодому монарху довелось испытать сильную и, пожалуй, единственную в его жизни настоящую страсть к женщине. Предметом этого чувства стала его тетка, дочь Петра I Елизавета. Восемнадцатилетняя девушка была необычайно хороша собой. Это отмечали все без исключения дипломаты, находившиеся при царском дворе. «Она такая красавица, какой я никогда не видывал, — сообщал в Мадрид посол де Лириа, — цвет лица ее удивителен, глаза пламенные, рот совершенный, шея белейшая. Она высока ростом и чрезвычайно жива. Танцует хорошо и ездит верхом без малейшего страха».

В Елизавету трудно было не влюбиться, и царственный отрок пал

жертвой ее необыкновенной привлекательности. Неизвестно, знал ли он о том, что в свое время императрица Екатерина I по совету Остермана обсуждала возможность соединить его с Елизаветой брачными узами. Это могло бы погасить

Мария Меншикова

соперничество двух партий при дворе, одна из которых ориентировалась на Елизавету, а другая — на Петра. Однако этот заманчивый проект решительно противоречил церковным канонам, о чем недвусмысленно заявили и русские иерархи, и патриархи Константинопольской и Александрийской церквей.

Возможность общаться с цесаревной Петр получил во время болезни Меншикова, когда надзор над ним со стороны князя ослаб, и он мог свободно покидать дворец. Ели-

завета не обольщала племянника, но делала лишь то, что могло понравиться ему, не лезла с нравоучениями, не стремилась ограничить его волю, заставить заниматься делами. У них было много общего — страсть к пирам, охоте, верховым прогулкам. После охоты и дальних прогулок верхом молодой император вздыхал у ног своей спутницы, слагая в ее честь довольно беспомощные стихи.

Иван Долгорукий

Страсть Петра к тетушке вызывала сильное беспокойство у его окружения. На заседании Верховного тайного совета Остерман подчеркивал опасные последствия увлечения императора. Однако они были бессильны что-либо предпринять. Вскоре о том, что отношения между теткой и племянником носят отнюдь не платонический характер, знали многие при дворе. Страстно влюблен-

ный отрок уже лелеял мысли о женитьбе на прекрасной тетушке. Но тут произошло то, что и должно было случиться. Ни для кого при дворе не было тайной, что после смерти императрицы Екатерины I Елизавета, предоставленная самой себе, предалась разгулу и оказалась не очень разборчивой в выборе кавалеров. Привычка не отказывать себе в удовольствии никуда не делась. Летом 1728 года цесаревне попался на глаза молодой статный гренадер, и «стрела Амура» тотчас поразила ее сердце. Гренадер, естественно, не смог не ответить на чувства великой княгини.

Долгорукие, которые в своих целях упорно настраивали Петра против тетки, воспользовались ситуацией, чтобы нанести Елизавете удар. Царю доложили об ее романе с гренадером. Петр был глубоко оскорблен поведением любимой женщины. В начале сентября 1728 года на праздник в день Святой Натальи все заметили разительную перемену в обращении государя с цесаревной. Петр, прежде не замолкавший ни на минуту в присутствии Елизаветы, теперь не обмолвился с ней ни одним словом и ушел, даже не попрощавшись. Их тайные любовные свидания прекратились, и он больше не упоминал о возможности брака с ней. Тем не менее, наиболее осведомленные люди из окружения императора не сомневались, что Петр до конца своих дней продолжал любить неверную тетушку.

Если цесаревну Елизавету Петровну при дворе именовали Вене-

рой, то сестру императора Наталью Алексеевну называли не иначе, как Минерва (богиня, покровительница ремесел и искусств). Разумеется, для девочки-подростка, старше своего брата всего на год с небольшим, это может показаться явным преувеличением. В сущности, так оно и было, тем не менее, Наталья Алексеевна явно превосходила легкомысленного взбалмошного Петра рассудительностью и уравновешенностью. Император, который очень любил сестру, понимал это и прислушивался к ее советам, хотя далеко не всегда следовал им. К сожалению, эта способная девочка очень рано ушла из жизни. Она скончалась в конце зимы 1728 года, и это была огромная потеря для Петра, который лишился человека, искренне его любившего и желавшего ему добра.

Летом 1727 года в Москву вернулась женщина, о которой Петр II знал только понаслышке, хотя она приходилась ему родной бабкой. Первая супруга Петра Великого, царица Евдокия Федоровна Лопухина, была насильно пострижена мужем в монахини, так как для Петра это был единственный способ расторгнуть брак с нелюбимой женщиной. Сначала она содержалась в суздальском Покровском монастыре. Однако затем была привлечена к следствию по делу царевича Алексея, в ходе которого обнаружилось, что инокиня Елена вела отнюдь не монашескую жизнь, вступив в интимную связь с приехавшим в обитель

с ревизией капитаном Степаном Глебовым. Были найдены ее страстные письма к капитану. Глебова подвергли жестокой казни — он был посажен на кол, а блудницу отправили в другой монастырь, где она содержалась под более строгим надзором. В общей сложности бывшая царица провела в разных монастырях около тридцати лет. Свободу она получила только после

Екатерина Долгорукая

воцарения внука. По его же приказу инокине вернули светское имя Евдокии Лопухиной. Внук окружил бабушку заботой, определил ей на содержание более 11 тысяч крепостных крестьян, утвердил огромный штат придворных. Ее годовой доход составлял более 57 тысяч рублей — огромная по тем временам сумма. В то же время молодой государь не имел желания часто встречаться

с бабкой. Евдокия Федоровна терпеть не могла цесаревну Елизавету Петровну, незаконную, как она считала дочь своего покойного мужа, и ее просьбы порвать всякие отношения с «самозванкой» и даже упрятать ее в монастырь раздражали влюбленного Петра.

В. Суриков. «Меншиков в Березове»

Между тем после смерти сестры и расставания с цесаревной Елизаветой влияние клана князей Долгоруких на юного царя еще больше возросло. Для усиления этого влияния все средства были хороши, но одно всегда действовало безотказно. Это была страсть Петра к охоте, которую ему привил князь Иван. Это занятие поглощало львиную долю времени государя и не дешево обходилось казне. Забаву императора обслуживало более ста человек — егеря, псары, кречетники, сокольники, ястребники. Все они получали немалое денежное и натуральное жалованье. Птиц, собак, лошадей, а также верблюдов нужно было сытно кормить. И это притом, что конюшня охотничьего хозяйства насчитывала 224 лошади, а количество собак, принимавших участие в охотах, нередко

превышало 600. Что касается трофеев, то за полтора года царских охот было затравлено четыре тысячи зайцев, пятьдесят лисиц, пять рысей, три медведя и множество дичи.

Не всегда охота проходила гладко, порой Петр подвергался серьезной опасности, особенно во время охоты на медведей. Однажды разъяренный зверь, поднятый из берлоги, едва не задрал царственного охотника. В другой раз огромный медведь сумел так близко приблизиться к нему, что, не оказавшись рядом охотника, уложившего зверя метким выстрелом, неизвестно, чем бы все закончилось.

Страстью к охоте многие современники объясняли даже перенос столицы из Санкт-Петербурга в Москву, поскольку подмосковные охотничьи угодья были гораздо богаче дичью, чем леса в окрестностях града Петрова. На охоте царя почти всегда сопровождал князь Иван Долгорукий, а нередко и его отец, Алексей Григорьевич,

причем последний все больше завоевывал доверие юного императора. Алексей Григорьевич не отличался большим умом, но был человеком весьма хитрым и пронырливым. Однако главными чертами его характера были жадность и честолюбие. Постепенно у него созревало и крепло намерение женить царя на одной из своих двух дочерей. Если этого едва не добился Меншиков, который мальчишкой торговал пирогами с зайчатиной около Кремля, то почему это не мог осуществить прямой потомок Рюриковичей?

Поначалу Петр не обращал никакого внимания на юных княжон. Но со временем он стал отдавать некоторое предпочтение старшей дочери Долгорукого — княжне Екатерине. В конце концов ценой невероятных усилий князю Алексею Григорьевичу удалось склонить царя к браку с Екатериной. К слову сказать, эта восемнадцатилетняя девушка была влюблена в другого, так что даже заманчивая пер-

спектива стать царицей оставляла ее равнодушной.

Церемония обручения состоялась 30 ноября 1729 года. В три часа дня двор, генералитет и дипломатический корпус собрались в зале Лефортовского дворца. Во всю залу был разостлан персидский ковер. Посередине возвышался стол, накрытый алым сукном. На нем стояло тяжелое золотое блюдо с крестом и на золотых тарелках обручальные кольца, усыпанные бриллиантами. Когда золоченая карета невесты, украшенная сверху императорской короной, въезжала в ворота дворца, корона зацепилась за перекладину, упала на мостовую и разбилась на куски. В толпе закричали: «Дурная примета, свадьбе не бывать!»

Архиепископ Феофан Прокопович совершил торжественное обручение. Старший Долгору-

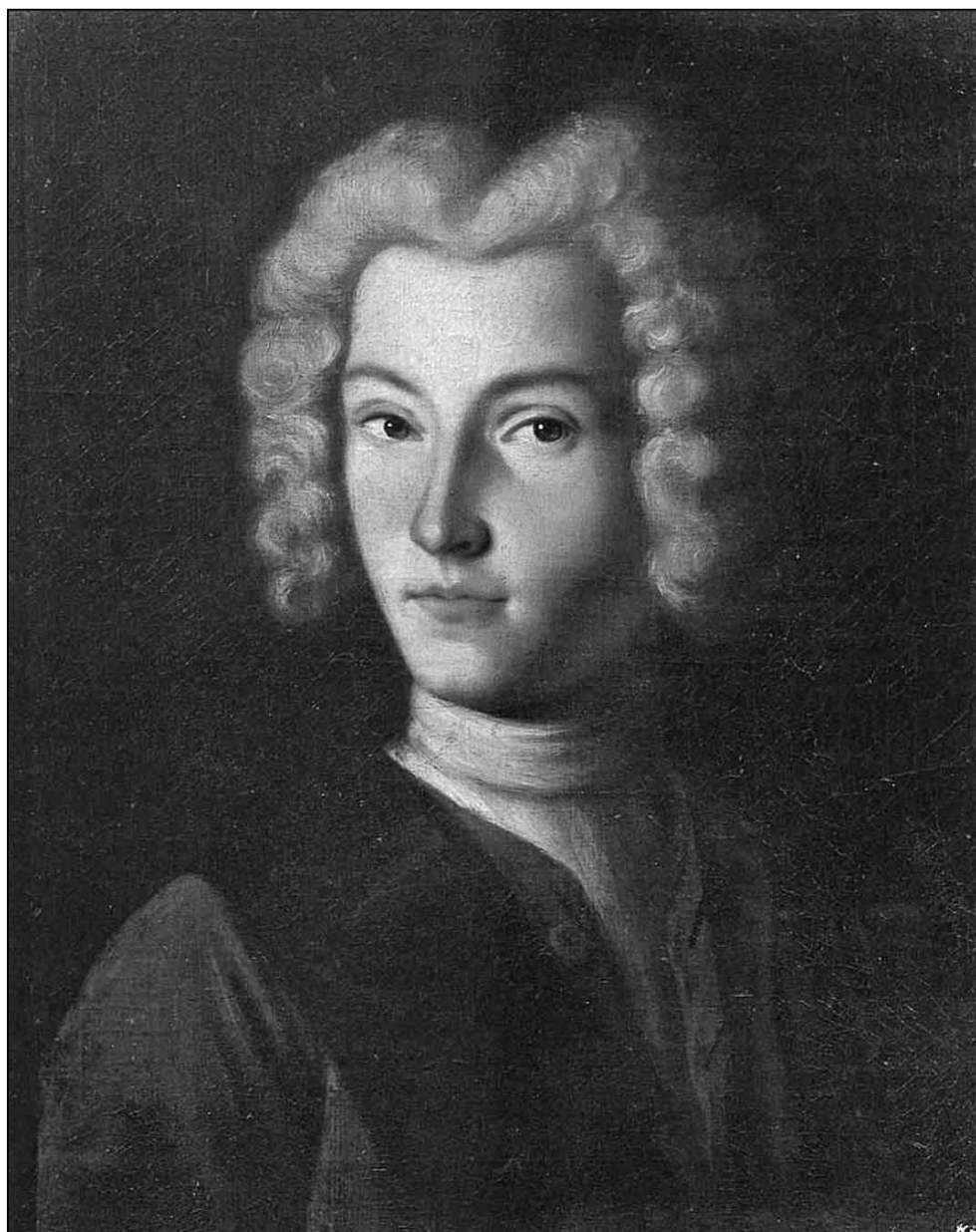
кий, у которого было немало недругов, опасался во время церемонии открытого взрыва. На всякий случай он позаботился об обеспечении безопасности своей семьи. У всех выходов из дворца были расположены войска, в зале поставлены гренадеры с ружьями. Но, к счастью, обошлось без эксцессов.

В семье невесты царили радость и торжество. Князь Алексей Григорьевич получил от императора 12

тысяч крестьянских дворов, то есть около 40 тысяч душ. До желаемого финала князю оставалось сделать лишь один шаг. Свадьба была назначена на воскресенье 23 января. Казалось, ничто не могло нарушить планы Долгорукого, уже видевшего себя тестем царя. Но тут вмешался перст судьбы — император заболел. 6 января 1730 года в день крещения при обычной церемонии водосвятия два полка, Семеновский и

Слева:

В. Серов.
«Петр II
и цесаревна
Елизавета
на псовой
охоте»

Преображенский, были выстроены на льду Москвы-реки. Невеста приехала в раззолоченных санях, запряженных шестеркой цугом; государь стоял на запятках. Их сопровождал эскадрон кавалергардов и многочисленная свита. Император на коне гарцевал во главе Преображенского полка. Богослужение и парад длились около четырех часов. Был сильный мороз, дул резкий ветер. Почти сразу по возвра-

щении во дворец царь пожаловался на сильную головную боль. Поначалу все решили, что речь идет об обыкновенной простуде. Однако вскоре врачи диагностировали у него оспу, которая в то время была широко распространенной болезнью. Разумеется, Петра лечили достаточно опытные и компетентные по тому времени доктора, и поначалу казалось, что болезнь будет иметь благоприятный исход, но затем состояние

императора резко ухудшилось. Он некоторое время пролежал в забытьи. Как сообщал в Дрезден саксонский посланник Лефорт, последние слова царя прозвучали зловеще: «Запрягайте сани, еду к сестре». Ведь царевна Наталья Алексеевна уже полтора года лежала в склепе Архангельского собора московского Кремля — родовой усыпальнице Романовых.

Император доживал последние часы, когда мужчины семейства Долгоруких собрались на совет. Нужно было решить, как действовать в этой критической ситуации. Алексей Григорьевич предложил объявить государыней свою дочь Екатерину — обрученную невесту императора. Не все родственники поддержали его. Тем не менее, было решено сочинить завещание, согласно которому Петр оставлял трон своей невесте. Подписал грамоту фаворит царя, князь Иван, поскольку он научился имитировать подпись царя во время их совместных дурачеств. Впрочем, воспользоваться подложным завещанием Долгорукие так и не решились.

Петр II скончался в ночь с 18 на 19 января, а 19 января на заседании Верховного тайного совета было принято решение возвести на российский престол герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну (дочь сводного брата Петра I Иоанна Алексеевича).

Дальнейшая участь Долгоруких напоминала судьбу А.Д. Меншикова.

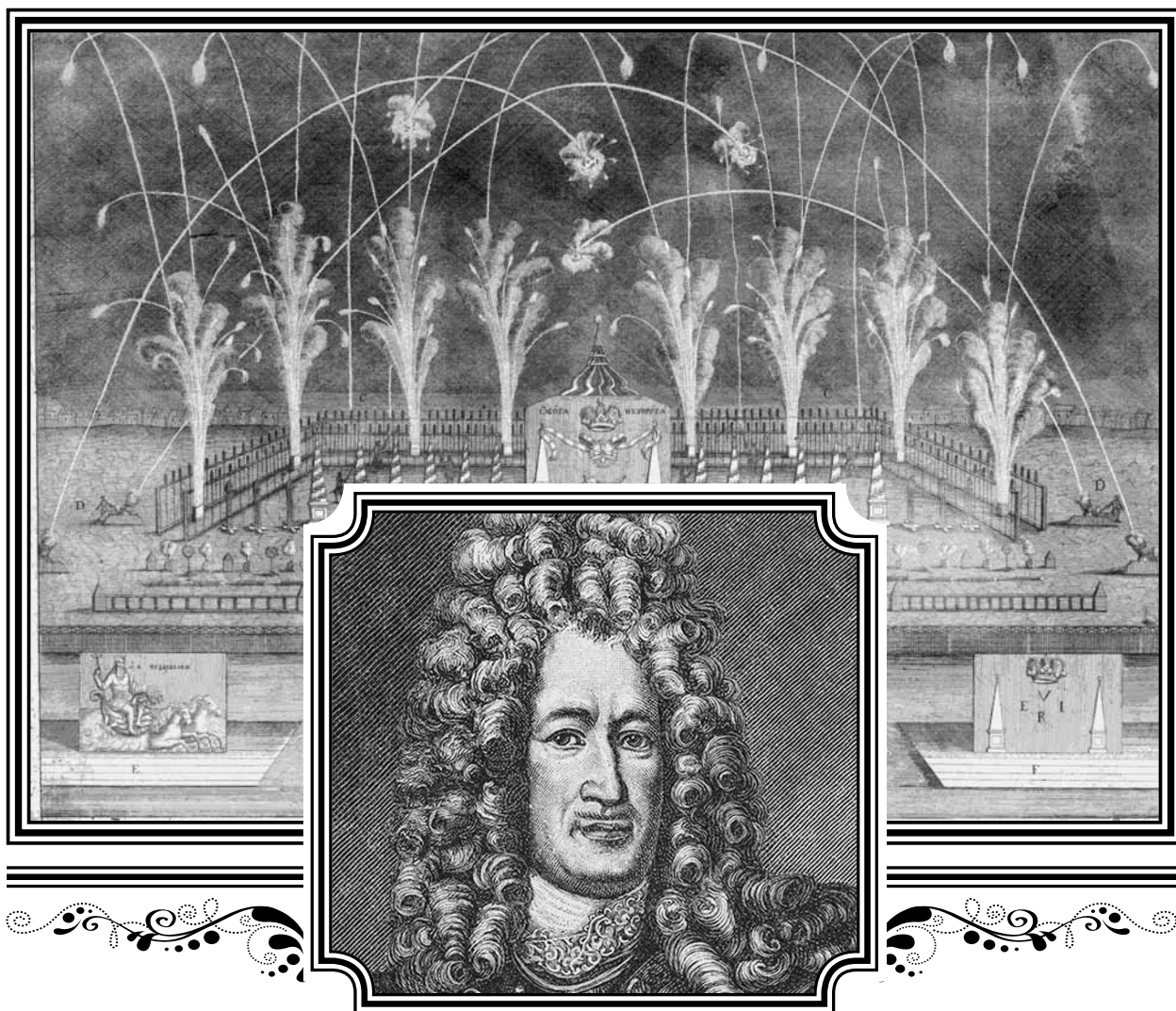
Им поставили в вину то, что они, подобно Светлейшему, пытались женить юного императора на дочери князя Алексея Григорьевича, а также в нанесении урона здоровью царя, привив ему «неистовую и неразумную страсть к охоте, которая истощила его силы». Обвинили их также в казнокрадстве. Семья была отправлена в ссылку в Березов, тот самый городок, в котором закончил свои дни Меншиков. Князь Алексей Григорьевич прожил там всего 4 года, скончавшись в 1734 году.

Гораздо более трагичной оказалась судьба его сына Ивана. Младший Долгорукий в ссылке бражничал, а, напившись, поносил императрицу Анну Иоанновну, виновницу всех их бед, последними словами. Об этом стало известно царице, и началось следствие. Под пыткой Иван признался в составлении подложного завещания, о чем, кстати сказать, царице было уже известно от других лиц. Иван закончил свою жизнь на плахе: его сначала колесовали, а потом отрубили голову.

Что же касается цесаревны Елизаветы Петровны, то она после смерти Анны Иоанновны в 1741 году свергла с помощью гвардейцев наследовавшего ей годовалого Ивана Антоновича и взошла на российский престол. Ее жизнь была наполнена бурными страстями. Но кто знает, быть может, хотя бы изредка она вспоминала мальчика, отдавшего ей первый пыл своего сердца и даже мечтавшего назвать ее женой... □

Дмитрий Зелов

ФЕЙЕРВЕРКИ полудержавного властелина

*Князь
Александр Данилович Меншиков*

Эпоха Петра Великого решительно и бесповоротно меняла все и вся. Время петровских реформ — ослепительный фейерверк, ярко вспых-

нувший «во мраке тьмы» старой Руси и выведший Россию, по меткому выражению апологета эпохи Феофана Прокоповича, на «феатр ми-

ровой славы». Фейерверк стал одним из знаковых символов петровской эпохи, таким же, как создание флота и основание Петербурга. Без фейерверков вообще невозможно представить себе ту эпоху.

Сподвижник Петра Великого светлейший князь Александр Данилович Меншиков тоже оставил весьма заметный след в русской истории и культуре. Сложно переоценить его вклад в организацию и проведение фейерверочных представлений петровской эпохи, в которых, в соответствии с канонами и представлениями барочной эпохи, нашла отражение пропаганда идей становления русского абсолютизма. А также демонстрация внешнеполитических побед и внутренних преобразований новой, сотворенной царем Петром России. Обратимся к конкретным примерам.

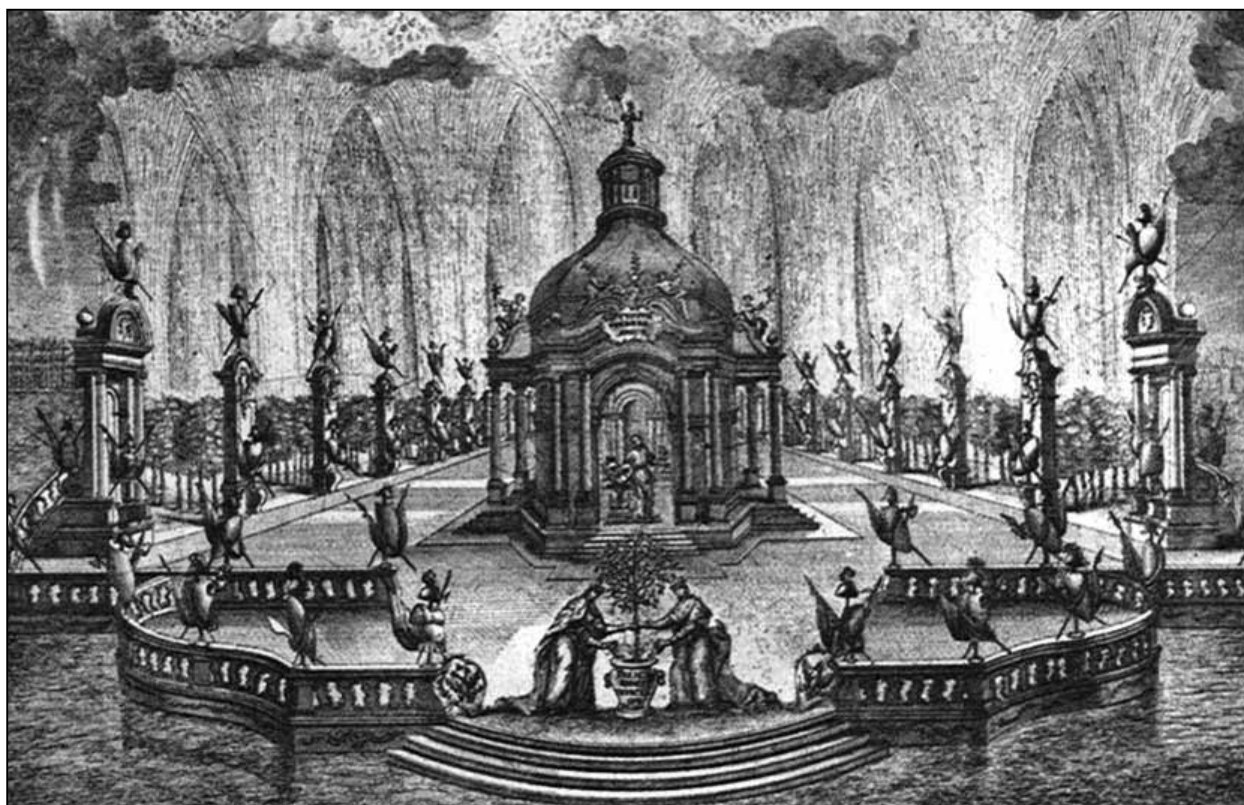
Баловень судьбы, «полудержавный властелин» Александр Данило-

вич Меншиков занимал исключительное положение при дворе Петра I, будучи правой рукой царя-преобразователя практически во всех делах и начинаниях. В силу своего особого положения и сказочного богатства князь Меншиков регулярно справлял собственные именины (23 ноября), которые завершались фейерверками.

Их не было только в 1704 году, когда он находился в завоеванной за несколько месяцев до дня его ангела «неприступной» Нарве, и в 1706 году, когда князь находился в маленьком польском городе Жолква, куда русская армия отошла на зимние квартиры после извещения о фактической измене короля Речи Посполитой Августа II делу совместной с Россией борьбы со Швецией.

Фейерверки устраивались перед дворцом князя на Васильевском

Фейерверк по проекту Я. Штелина в Санкт-Петербурге

острове. При этом само здание, как правило, иллюминировалось.

Капризы погоды и сейчас, и три века тому назад вносили свои кор-

рективы в проведение праздничных торжеств. Так, исторические документы сохранили для потомков любопытную деталь празднования Мен-

Дворец князя Меншикова на Васильевском острове

шиковым дня своего тезоименитства в 1721 году: фейерверк перед дворцом князя тогда не удался по причине внезапной оттепели. И это фактически в конце ноября!

Но не только погодные катаклизмы могли внести свои коррективы в проведение праздничных торжеств. По причине нездоровья князя фейерверк мог вообще быть отложен или перенесен на другой день. Так случилось, например, 30 октября 1710 года, в первый день свадьбы петровской племянницы Анны Иоанновны с герцогом Курляндским. Торжественные мероприятия, знаменовавшие собой закрепление внешнеполитического союза двух европейских держав, проходили на Васильевском острове, во дворце Меншикова. Этот факт весьма красноречиво свидетельствует не только о степени влияния князя на русского царя, но и на внешнеполитическую составляющую политики России, ибо фейерверк, завершавший и символически освещавший праздничное действо и скрепление брачного союза, знаменовал для зрителей политико-пропагандистский смысл заключенного династического брака.

Следует также отметить, что Петр I, придававший большое значение заключенному династическому союзу, не только управлял, то есть дирижировал всем ходом фейерверка, но и попутно разъяснял собравшимся многочисленным гостям значение каждого сюжетного действия.

И еще об одном фейерверке, имевшем большое государственное значение, обязательно стоит упомянуть. 1 января 1712 года на льду Невы, перед дворцом светлейшего князя появилась декорация в виде триумфальной арки. Сам праздничный фейерверк, сожженный в первый день нового года, был посвящен возвращению Петра I из Прутского похода, о чем свидетельствовала одна из его центральных надписей: «Богу благодарение за счастливое прибытие». Фейерверочный сюжет отражал завершение войны России с Турцией и продолжение военных действий со Швецией. На память потомкам фейерверк был запечатлен не только в гравюре А.Ф. Зубова, но и в подробном описании праздничного действия, изданного отдельной брошюрой.

Характерно, что в сюжете постоянно подчеркивалось миролюбие России, ее нежелание вести войны, но при этом твердая и непоколебимая решимость отстаивать и защищать свои международные интересы от всех врагов и недоброжелателей. Так, на триумфальной арке горела надпись «Мир на злобу ненависти», а над ней на самом верху появилась фигура царя Петра I на коне. В одной руке он держал меч (символ войны), а в другой пальмовую ветвь (символ мира). Ниже была представлена не менее многозначительная композиция, разъяснявшая зрителю международную ситуацию. Аллегория изображала союз Азии и

Европы, под которыми лежали три короны, символизовавшие Россию, Речь Посполитую и Османскую империю. Сквозь короны проползала, извиваясь, змея. Безусловно, это был намек на враждебные действия Швеции, а также Великобритании, Франции и Нидерландов, желавших ослабить Россию и активно подстрекавших Турцию к войне против России, внося тем самым раздор в русско-польские отношения. Затем в левом крыле арки появилась туча, пробежавшая между северной звездой и полумесяцем, после чего в нижней части триумфальной арки загорелась надпись: «В тишине Эвксинское море, на кото-

ром корабль и храм Яний замкнут оказался». Храм Януса — часто повторявшийся в фейерверочных сюжетах петровской эпохи символ начала и окончания войны, заимствованный из римской культуры. Так аллегорически был показан разрыв и восстановление мира с Портой, столь необходимого России для продолжения войны со Швецией.

Именно после этого сюжета в правом крыле триумфальной арки появился орел (символ России), поражающий стрелами льва (символ Швеции). Подпись гласила — «На сего всею силою». И, наконец, в завершении фейерверочного действия собравшиеся зрители смогли увидеть

*Иллюминация
в Санкт-
Петербурге,
1869*

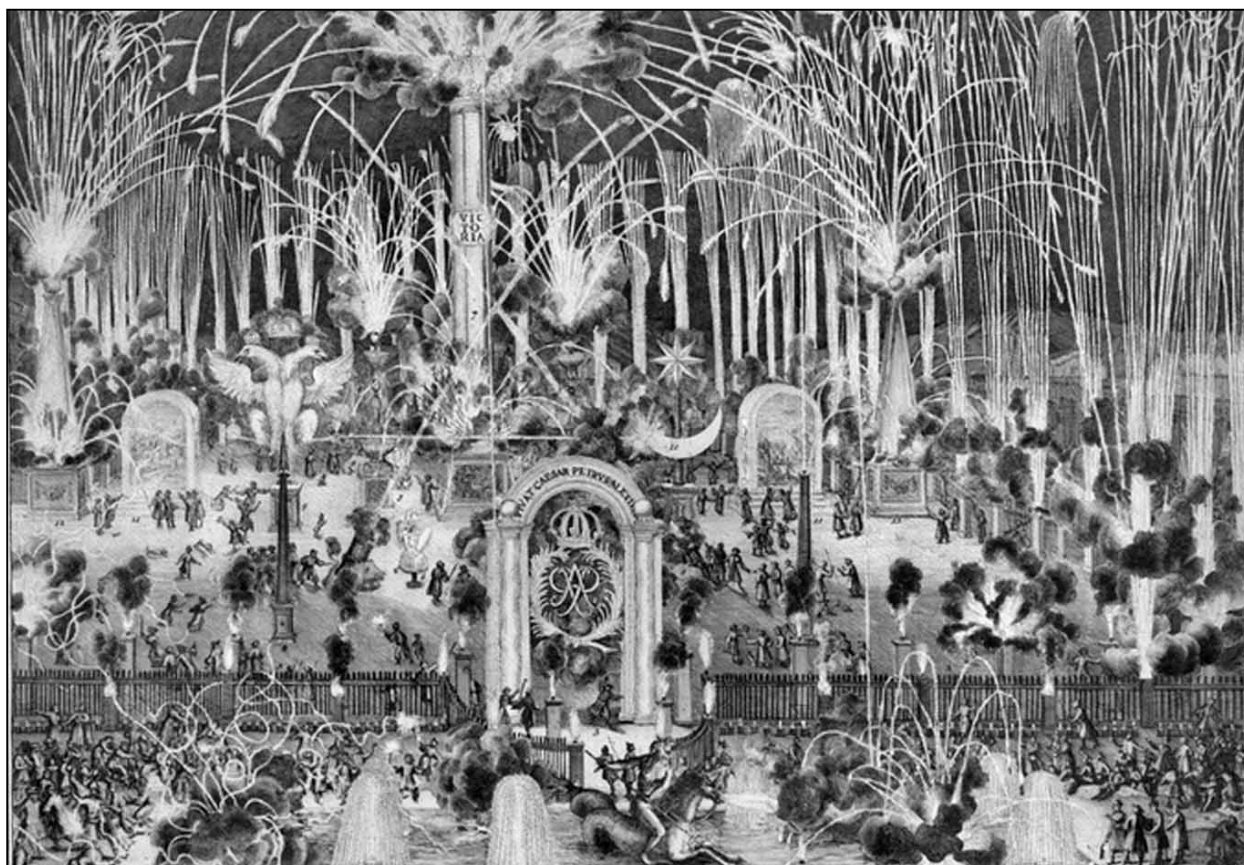
в нижней части триумфальной арки схематичное изображение Санкт-Петербургской крепости с подписями: «Потом окажется крепость морская, у которой в одной куртине подпись сия: «Бог укрепил камень». Значит, сия крепость Санкт-Петербург. В другой куртине сие подписание: «На счастливое шествие сему». Потом корабль со всеми парусами по ветру в гавань прибыть. Значит сие какую благодать впредь государству чрез сие привлечет». Так Россия подчеркивала роль и значение основанного Петром I в устье Невы Петербурга как нового морского порта и центра зарождения российского флота на Балтике.

Упомянем, что помимо основных планов этот яркий и красочный фей-

ерверк сопровождался множеством самых разнообразных пиротехнических снарядов, создававших красивое обрамление для основной сюжетной канвы представления.

После смерти Петра Великого в 1725 году и до времени своей опалы в 1727 году на краткий исторический миг роль и значение А.Д. Меншикова в государстве только усилилась. Некогда частные, семейные торжества Меншикова и его родных приравнивались по значимости почти что к государственным праздникам, по окончании которых дворец князя на Васильевском острове иллюминировался или перед ним сжигался фейерверк.

Особенно празднично и торжественно подобное действо прошло

в марте 1727 года — в честь именин жены Меншикова Дарьи Михайловны.

После праздничного обеда, танцев, оглушительной пушечной пальбы вечер завершил великолепный фейерверк с надписью: «Виват, светлейшая княгиня Дарья Меншикова!» Судя по великолепию праздника и составу приглашенных гостей, среди которых были дочь и внук Петра I, можно было бы подумать, что справляются именины самого императора или его супруги, а не супруги «полудержавного властелина». Факт этот красноречиво показывает, сколь уверенно чувствовал себя Александр Данилович при умирающей императрице — фактически реальным и единственным правителем

огромного государства, который может делать все, что ему заблагорассудится.

В связи с этим представляется интересным рассмотреть проект фейерверка ко дню ангела императрицы Екатерины в ноябре 1726 года и его реализацию. Сюжет фейерверка был разработан известными мастерами своего дела В. Корчминим и Г. Скорняковым-Писаревым. Однако Меншиков проект забраковал и поручил подполковнику Витверу, также известному в петровское время автору проектов фейерверков, подготовить новый. Причина же изменения проекта состояла в следующем. Екатерина I чувствовала себя уже плохо и всю зиму 1726–1727 годов провела фактически в постели. Есте-

ственно, в высших эшелонах власти вопрос о преемнике не мог не возникнуть — при дворе императрицы разгорелась нешуточная подковерная борьба за будущего наследника престола. При этом одной из наиболее вероятных фигур претендентов на трон был малолетний внук Петра Великого Петр Алексеевич. Его-то кандидатуру и стал активно продвигать Меншиков. В проекте фейерверка, подготовленного при помощи Витвера, он хотел ясно дать всем понять, кто из Романовых вскоре займет трон.

Как ни старался светлейший держать этот проект в тайне, но о нем стало известно его оппоненту — Скорнякову-Писареву. Естественно, что Скорняков-Писарев, злейший враг светлейшего, предложил графу П.А. Толстому донести императрице на Меншикова, но последний вначале отказался, но затем под его нажимом все же согласился. В результате меншиковский проект фейерверка был забракован, и в день именин императрицы 24 ноября 1726 года фейерверочный сюжет всячески прославлял ее саму и ее деяния на благо Отечества.

Впрочем, Меншиков вскоре взял своеобразный реванш. Так, уже 8 января 1727 года князь устроил перед своим дворцом на Васильевском острове небольшой фейерверк, на котором присутствовал Петр Алексеевич, будущий император Петр II. Сюжет фейерверка был рассчитан именно на его присутствие. Как сле-

дует из «Повседневных записок» князя Меншикова, «...начался гореть пред домом его светлости... небольшой фейерверк, на котором изображено было под княжескою короною «виват»...» Тем самым светлейший князь ясно давал всем и каждому понять, кто будет преемником Екатерины I. А поскольку перспективы брака старшей дочери князя с Петром Сапегой расстроились, то Меншиков развил недюжинную энергию, чтобы внушить будущему императору мысль о том, что его женой станет его дочь Мария. Естественно, что Меншиков становился бы в таком случае фактическим правителем России при малолетнем русском царе. Ну а пока «полудержавный властелин» решил сделать будущему зятю оригинальный и яркий подарок в виде красочного, огненного фейерверка.

И вроде бы все складывалось как нельзя лучше. Уже в мае 1727 года новый царь Петр II произвел Меншикова в генералиссимусы, а 24 мая состоялось обручение дочери князя Марии с юным императором, которая стала государевой невестой. Впрочем, находясь на самой вершине славы, буквально в одном шаге от исполнения своих самых немыслимых мечтаний, светлейший, очевидно и не подозревал, сколь капризна и переменчива фортуна, и как чудовищно он ошибается относительно своего совсем недалекого будущего, которое приведет его в Березов... □

Встретишь такого человека и понимаешь: вот он — истинный русский характер. И судьба под стать: место рождения и взросления — поселок, потом институт, служба в армии, работа инженером, и наконец — тернистый путь первого в округе предпринимателя. В древнем Гороховце, что во Владимирской области, Андрей Князев создал горнолыжный курорт «Пужалова гора», признанный лучшим в Центральной России. Это преобразило городок, для достойного будущего которого Андрей Валерьевич делал и делает немало. Но этот разговор — не о бизнесе, а как раз о том характере, который ведет по жизни нашего собеседника, и в становлении которого главную роль сыграл... Владимир Высоцкий...

Андрей Князев

«Высоцкий души очищает, что сегодня, мне кажется, особенно важно»

Фото из личного архива

— Не люблю слово кумир, какое-то оно... горбатое, — говорит Андрей Валерьевич, — но синоним подобрать не могу, поэтому — да, Высоцкий для меня кумир. Реально. С того самого дня, когда мы с братом, два пацана из поселка Денисово, впервые услышали его песню. Меня часто спрашивают — какую? Не помню, может быть, «Милицейский протокол». Но это ведь и не

важно. Важно то, что меня будто током ударило. Наверное, в те минуты душа моя нашла свой главный источник питания. А дальше началось то, что, я думаю, происходило со всеми, на кого Владимир Семенович так действовал. То есть я стал слушать все, что находил, искал кассеты с записями песен, перепечатывал на машинке его стихи. Можно сказать, Высоцкий наставлял меня,

подростка, на путь истинный. Я всю жизнь равняюсь на его творчество. И не просто знаю, я, можно сказать, прожил каждое его произведение, внутри побывал. Скажем, если уж «кривая да нелегкая» — то и мне выпало через эту стремнину проплыть.

— Догадываюсь! Наверное, и детство деревенское было не сахар?

— Детство у меня и брата было абсолютно счастливым, хотя и проходило в доме с печным отоплением, с деревенским бытом. Мы так жили и не страдали от этого. Мать окончила Владимирский пединститут с красным дипломом и по распределению ее направили в Денисово — тогда именно лучших отправляли в глубинку. 30 лет она преподавала математику в денисовской школе. Начинала еще при лучине — света электрического в деревне не было. Но за все эти годы ни один ее ученик не провалил математику, в какой бы вуз страны не поступал. Мать, кстати, и у меня была классным руководителем. Учился я хорошо, только поведение было удовлетворительное, потому что я всегда и на все имел свое мнение, за что и получал. И творчество Владимира Семеновича подпитывало это. Я считал: если он такую правду-матку рубит, поет про то, что можно через флажки прыгать, значит, и я трусить не буду в тех ситуациях, когда уверен в своей правоте, пусть даже это идет против общих правил. Наверное, мне просто повезло, что голова осталась на плечах. Попробуйте даже сегодня чиновнику высокого ранга сказать, что он не прав. А уж по тем временам! А я первому секретарю райкома говорил, что он

здесь временный, а я навсегда, за что мне и тюрьмой грозили, и увольнением. И вообще мне было настоятельно рекомендовано покинуть Гороховецкий район.

— Вы трижды получили звание «Меценат года» — в масштабе области и в масштабе страны. Стали По-

четным гражданином города и района. Вы построили в Гороховце горнолыжный курорт, гостиницу «Водолей» (под этим знаком Зодиака родился Высоцкий), сквер в память Владимира Семеновича, в котором поставили ему памятник. И в 2018 году сде-

лали городу к его 850-летию великолепный подарок — светомзыкальный фонтан. И понятно, чьи песни звучат, когда он работает...

— Гороховец мне очень дорог, хотя родиной все же считаю свой поселок. А гостиницу я построил еще в 90-е. На месте моей же сауны, которую сожгли. Времена были такие — бандитские, и не всем нрави-

вольно высокие холмы. «Пужалова гора» — историческое название одного из них, который и стал горнолыжным спуском. Когда я это дело начинал, все только пальцем у виска крутили — не верили в успех. Но я понимал: в стране все движется очень быстро, и, значит, чтобы не попасть под колеса, надо бежать впереди паровоза и делать неординарные вещи. Вот и появился гор-

лось, что какой-то Князев решил вести здесь бизнес. Но я не из пугливых, поэтому работу продолжил и построил «Водолей». Но если летом гостиница худо-бедно заполнялась, то зимой простаивала, поэтому и появилась идея горнолыжного курорта, хотя сам я никакой не горнолыжник. Конечно, гор в обычном понимании здесь нет, но есть до-

нолыжный курорт в центре древнего города с выкатом на площадь Ленина! Спасибо Надежде Викторовне Токаревой, тогда главе районной администрации, она поверила в меня и в эту бредовую, как многим казалось, идею. И смело могу сказать, что во многом наш курорт стал локомотивом развития города как туристического места. Гороховец

не случайно включен в предварительный список ЮНЕСКО как объект особой исторической значимости. Сейчас Гороховец сильно отличается от других городов страны, но надо было, так сказать, жизнь на это положить.

— Сейчас люди приезжают в Гороховец еще и на мероприя-

организация и проведение такого праздника очень хлопотное дело. Зачем это вам?

Я хочу, чтобы люди не просто помнили, что был такой Владимир Высоцкий, а знали и любили его творчество. Это моя миссия, если хотите. Оно, я считаю, во все времена будет воспитывать в человеке самые лучшие качества. Высоцкий души очи-

*С женой
Тамарой
и Петром
Мамоновым*

тия, связанные с Высоцким, которые вы проводите много лет. Для гороховчан и гостей города звучат песни Владимира Семеновича и его стихи в исполнении артистов, они слушают выступления друзей и коллег нашего легендарного барда, а в финале — голос Высоцкого и светомзыкальное шоу. И это тоже ваш подарок городу. Но ведь

щает, что сегодня, мне кажется, особенно важно. Возьмите любую его песню, даже блатную, даже шутиливую — там такая правда жизни и такая любовь к людям, каких ни у кого больше не найдете. Я уверен: среди его поклонников (которых и сейчас много!) нет плохих людей. Владимир Семенович только хороших притягивает, потому и друзья его — все неординарные личности.

Мне посчастливилось познакомиться с некоторыми из них. Например, с поэтом Игорем Васильевичем Кохановским, другом Владимира Семеновича со школьных лет, с Вадимом Ивановичем Тумановым, о судьбе которого Владимир Семенович написал роман «Черная свеча», с актрисой Ларисой Лужиной — это про нее песня «Она была в Париже». 25 июля мы в очередной раз проводили в нашем сквере у фонтана концерт, посвященный памяти Высоцкого, и одним из почетных гостей на нем был Константин Панайотович Мустафиди, главный создатель и хранитель песенного архива Высоцкого. И, конечно, приезжал Никита Высоцкий. Много лет назад я напросился на встречу с ним, и с тех пор мы, не скажу, что близко дружим, но находимся в очень добрых отношениях. В первый раз по моему приглашению он приехал в Гороховец много лет назад, когда мы на месте будущего фонтана еще только устанавливали закладной камень. Тогда еще и памятника не было. Я считаю, Никита Владимирович делает очень многое для увековечивания памяти об отце и сохранения его творческого наследия.

— 25 января пройдет 25-я церемония вручения ежегодной премии «Своя колея», на которую вы тоже были дважды номинированы.

— Да, но лауреатом не стал. Но это не важно. Никита Владимиро-

вич, который все и организывает, регулярно меня на «Колею» приглашает, за что я ему очень благодарен. А с «Колеи» я всегда возвращаюсь под большим впечатлением от увиденного и услышанного. Мы дружим и с Домом-музеем Высоцкого на Таганке, который возглавляет Никита Владимирович, проводим регулярно различные мероприятия, посвященные Высоцкому — концерты, спектакли, выставки...

— Я тоже «возвращаюсь домой» — то есть к Гороховцу, которому, я считаю, повезло с вами не столько как с деятельным местным предпринимателем, сколько с тем, что вы, можно сказать, воспитанник Высоцкого. Без этого не было бы подарков городу, да и «Водолея» с «Пужаловой горой» могло не быть, не было бы и тех проектов, которые, я знаю, у вас зреют, и цель которых — сделать Гороховец не менее привлекательным для туристов, чем Суздаль.

— Кстати, знаете ли вы, что, когда Брежнев поставил задачу выбрать город, который станет туристическим «локомотивом» (на базе которого потом родилось Золотое Кольцо), выбор шел между Гороховцом и Суздаlem? Гороховец побеждал по всем параметрам — по исторической значимости, по ландшафту... Но в итоге проиграл, потому что Суздаль ближе к Москве и областному центру. А Гороховец —

ближе к военным лагерям и к закрытому тогда городу Горькому. В Суздаль вложили деньги, и через два года он получил туристический «Оскар» — международную премию «Золотое яблоко». Теперь Суздаль знают во всем мире. А Гороховец плохо знают даже в России. Но, наверное, это тоже все от Господа — чтобы сохранить город в том виде, в котором он есть сейчас, потому что любые перемены, особенно если это делается не очень грамотно, часто идут во вред. А в Гороховце сохранилась вся историческая застройка, вся историческая планировка, центр вообще остался неизменным. Поэтому, когда Никита Михалков снимал у нас «Солнечный удар», город преобразовать почти не пришлось.

— По-моему, и у вас было что-то, связанное с кино?

— Задумка была на базе судостроительного завода, который работал в Гороховце с 1902 года, а в девяностые рухнул. Его территории сегодня — декорация для фильма «Сталкер». Когда Никита Михалков снимал «Солнечный удар», центр города был слегка стилизован, и там было реально круто. Можно было прийти и погрузиться в атмосферу начала XX века. Человек попадал в другое измерение — как в «машине времени». И я видел, сколько людей приезжало отовсюду — и на съемки посмотреть (они длились все лето), и перенестись в другую эпоху. Тогда я подумал, что центр Гороховца мож-

но стилизовать и под XVII век, потому что здесь немало памятников той эпохи, но лучше, наверное, под XIX — начало XX. Стилизовать все полностью — набережную, магазины, кафе. Все должно быть, как в фильме — фонари, брусчатка... Вместо такси должны пролетки ходить. Вот это привлечет поток туристов. Вообще во Владимирской области есть города, где можно проводить подобную стилизацию — в соответствии с самыми яркими периодами их истории. Например, Муром — Древняя Русь, Юрьев-Польский — эпоха Ивана Грозного, Ковров — время Великой Отечественной... Турист приезжал бы в область и путешествовал бы в «машине времени» по всей истории российского государства. Такая была задумка.

— По-моему, прекрасная задумка для Владимирской области. А что все-таки было связано с судостроительным заводом?

— На его базе, на территории брошенных цехов, мы считали, можно построить тематический парк по примеру парка студии «Юниверсал» в Голливуде. Там у них «оживают» герои голливудских фильмов, а у нас «оживала» бы наша история, отраженная в нашем кинематографе. Можно было бы использовать декорации, которые строятся для каждого фильма и на которые государством тратятся очень большие деньги. Они могли бы не просто пылиться и разрушаться на каких-то складах,

а становиться аттракционом, служить людям дальше. С этим предложением мы пытались выйти на Карена Шахназарова, руководителя Мосфильма, на Никиту Михалкова, хотели им все показать, предложить им эту площадку. Но напрямую пообщаться не удалось, потому, я считаю, и не сложилось. Но идея однозначно не умерла. Просто живет сейчас страна непросто, другие задачи перед народом стоят. Но это пройдет.

казались, будут осуществлены. Но напоследок вернусь к Высоцкому. Какие его строки чаще всего приходят вам на память?

— Я ежедневно слушаю Владимира Семеновича и цитирую на дню по сто раз. Просто у него всегда находятся строки, которые накладываются на любую жизненную ситуацию. Все его творчество для меня — это такая энциклопедия жизни, в которой я уже полвека на-

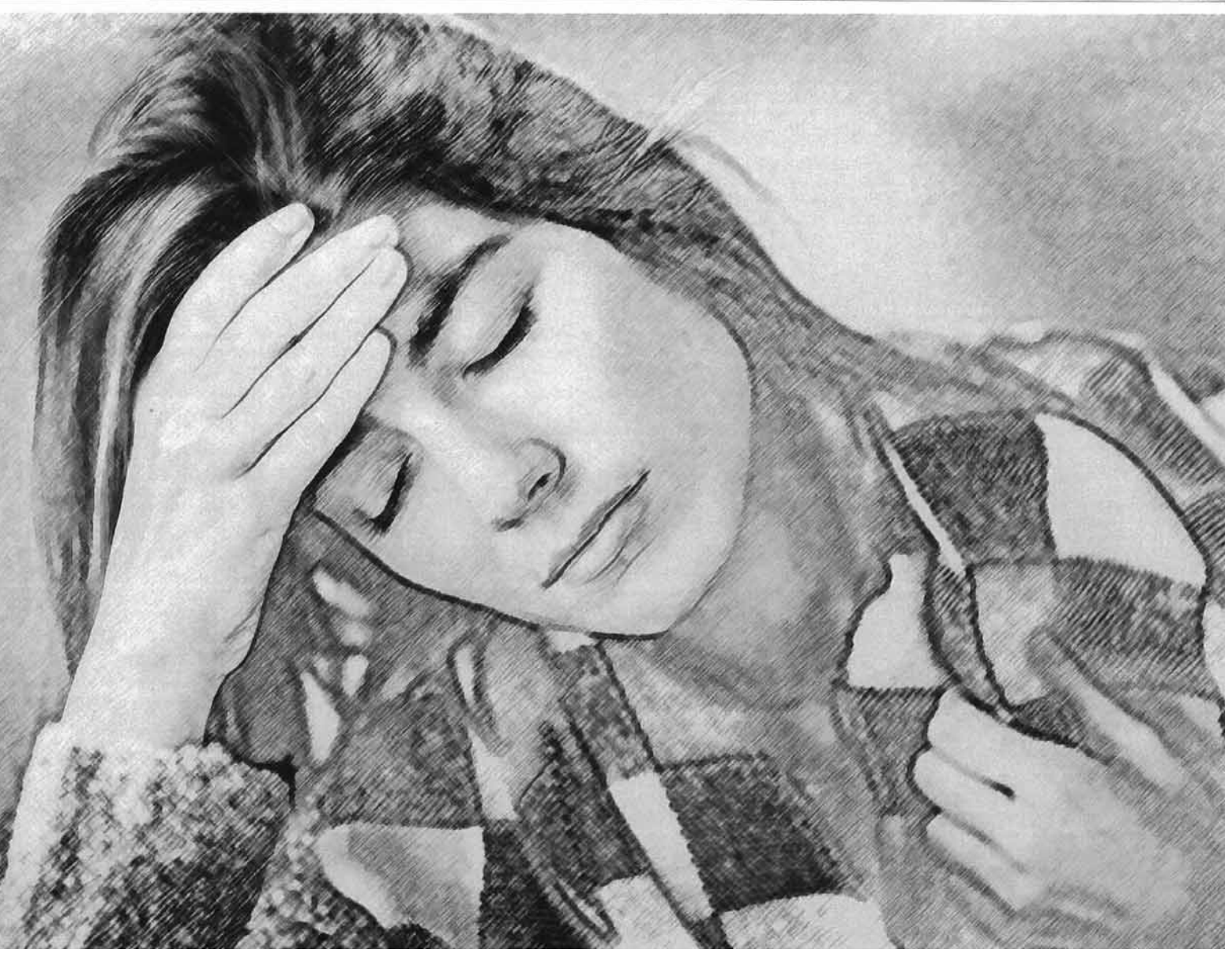
*С дочерью
Ольгой
на «Своей колее»*

После всего плохого наступают хорошие времена, и, когда они наступят, эти идеи, может, не нами, но будут точно осуществлены!

— Я тоже в это верю — в то, что придут хорошие времена, и все правильные, направленные на процветание нашего отечества проекты, какими бы фантастическими они кому-то ни

хожу ответы на все свои вопросы. Но сейчас, после нашего разговора, почему-то на ум приходят его строки: «Коль дожить не успел, так хотя бы допеть! Я коней напою, я куплет допою — хоть мгновенье еще постою на краю...» Ведь 25 января Владимиру Семеновичу исполнилось бы 85 лет... □

Беседовала **Марина Бойкова**

КРЕМ С ШАМПАНСКИМ

— Три тысячи пятьсот восемьдесят три рубля. Оплата наличными или картой? — Кассир в красно-белой шапке с грустью посмотрела на покупательницу.

Девушка лет двадцати пяти выудила из кармана модного пуховичка кошелек и достала из него карту.

Вновь окинув покупательницу грустным взглядом, кассирша вздохнула. Очередь и общее количество покупателей в торговом зале совсем не располагали не то что к празднованию Нового года, но даже к мыслям о пятиминутном перерыве.

Девушка в пуховике тем временем оплатила покупки и, не без усилий подняв три пузатых пакета, двинулась к выходу. Однако уйти далеко от торгового центра не успела. Стоило ей очутиться на ледяном ветру, как в кармане заиграла бодрая мелодия. Делать нечего, пришлось ставить пакеты с покупками на снег и выживать телефон.

— Ленчик у аппарата, — шутливо проговорила она, увидев на экране имя коллеги. — Да, уже возвращаюсь. Через пару минут буду. Мандарины? Купила, конечно! Шампанское? Резнина, ты же знаешь, что я не рискну через проходную нести... Да, пусть сходит, у него же там «связи». Ой, да брось ты, какие у меня связи... Ой, Свет, руки мерзнут. И мандарины. Поговорим, когда вернусь... Бегу!

Подхватив пакеты с продуктами, Елена Степанова поспешила к серому зданию, расположенному в конце тупиковой улицы. Табличка справа от входа сообщала, что в этих стенах расположено предприятие госкорпорации «Ростехнология».

Она развернулась спиной, собираясь толкнуть тяжелую дверь, но усилия прикладывать не пришлось — на лестнице нарисовался коллега из смежного отдела Вадим Скопелев.

— Ленка, привет! — Придерживая сопротивляющуюся створку, он заглянул в пакет и мечтательно протянул: — О! Мандаришки? Угостишь?

— Всенепременно! Забегай через часок.

— Через час у нас совещание. Давай сейчас?

— Без повода не угощаю! — решительно заявила Лена.

— Ты через турникет сама пронеси свои покупки, а до комнаты я тебе за мандаринку помогу дотащить. Идет?

— Тоже мне, герой, — фыркнула девушка. — Мог бы прямо сейчас взять.

— Э, нет! Мне проблемы с комендатурой не нужны. Вдруг у тебя там запрещенные товары?

— Вадик, о чем ты говоришь?! Я совсем не по этой части!

Вадим и Лена подошли к турникетам, за которыми по стойке «смирно» стоял дежурный охранник — молодой лейтенант Алексей Воронков. Он, разумеется, слышал все, о чем говорили коллеги, и его крайне заинтересовал их разговор. Ведь по случаю приближающегося Нового года сверху уже была спущена директива с обещанием премии за поимку тех, кто пытается пронести алкоголь на территорию предприятия.

— Ваши документы, — подошел лейтенант к девушке. — И ваши тоже, — поспешил он остановить уже почти сбежавшего Вадима.

Не найдя никаких причин для задержания, Воронков приложил руку под козырек и отпустил его.

— Я тоже могу идти? — с улыбкой поинтересовалась Лена.

— Разумеется. Я только в ваши сумочки одним глазком загляну, — отозвался Алексей, чувствуя, как по лицу против воли расплывается широкая улыбка.

— Ну, загляни.

— И я загляну, — нарисовался за плечом лейтенанта капитан Сергей Михайлов. — Дабы избежать предвзятости.

— Серега, ну какая предвзятость?

— Разговорчики! А вы, девушка, лучше сразу скажите: алкоголь есть?

— Нет ничего. Мандарины, два пакета сока, колбаска и конфетки.

Кивнув, Михайлов бесцеремонно запустил руки в поставленные на пол пакеты.

— Та-а-ак! — вдруг протянул он. — А это у нас что? Шампанское?

— Конфетки, — покачала головой Лена. — Я такие всегда приношу на праздники. Как говорит наш Владимир Николаевич — и выпить, и закусить...

Капитан прищурился, поднес почти к самому носу пластиковую бутылку, внутри которой шуршали золотистыми обертками шоколадные конфеты, и протянул:

— Триста грамм... Начинка — крем... А ведь они с шампанским! Так...
Лейтенант Воронков! Ведите девушку в досмотровую. Думается мне, что у нас улов сегодня.

— Серега, ты шутишь, что ли? — нахмурился Алексей.

— Веди, веди!

Воронков виновато посмотрел на Лену и украдкой улыбнулся ей. Она в ответ недовольно поджала губы и кивнула на пакеты, давая понять, что сама нести их в досмотровую не собирается.

Комната отдела была полностью готова к празднику. На стены и на оконные стекла приклеили бумажные снежинки, на тумбочку поставили небольшую искусственную елку и повесили на нее то, чем каждый был богат: конфеты, завернутые в цветную бумагу мандарины, жестяные коробочки-игрушки из-под чая, пылившиеся в ящиках столов еще с прошлого праздника.

Четыре представительницы прекрасного пола расставляли посуду и раскладывали по тарелкам нехитрые припасы. Высокие, стройные брюнетки Катя, Света, Ольга и Наташа были украшением отдела. У их коллег нередко возникал резонный вопрос, что забыли эти прелестные феи в научном отделе сурового промышленного предприятия? И каким ветром примерно полгода назад занесло в эти края очаровательную смешливую конопушку Леночку?

— Свет, куда она запропастилась? — нетерпеливо поинтересовалась Катя.

— Откуда мне знать? — пожалала плечами Света. — Может, опять с Воронковым пересеклась. — Она хотела еще что-то добавить, но не успела.

— Светочка, а где у нас степлер? — раздался за ее спиной голос Бориса Леонидовича Озерова.

Девушка картинно приподняла брови. Стоявший на фоне праздничной ели старший научный сотрудник, казалось, ничего новогоднего вокруг себя не замечал. Лысый на макушке, в очках с толстой оправой и толстыми стеклами, в потертом костюме, с увесистой пачкой бумаг в руках, Борис Леонидович не терял ни минуты рабочего времени даже в день праздничного мероприятия.

— В среднем ящике моего стола, — нехотя ответила Света.

— А что он там делает? Ведь это общественный степлер. Зачем вы положили его к себе?

— Положила и положила, — проворчала девушка, — не домой же унесла. И вообще, вечно вы всем недовольны!

Борис Леонидович неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал в ответ.

— А вот и я! — Тяжело отдуваясь, в комнату ввалилась Лена и с заметной радостью на лице избавилась от своей ноши. Коллеги тут же подхватили пакеты и принялись разбирать покупки.

— Ленка, ты опять эти конфеты принесла? — послышался смех сотрудника отдела Дмитрия Шишкова.

— Как всегда! Это мой фирменный знак!

— Лучше бы «булькающее» принесла, — вздохнул Дмитрий.

— Вот еще! Я вам сейчас расскажу, что со мной случилось на проходной. Если бы было настоящее шампанское, вообще бы не увидели вы мандаринов...

Тут дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился Евгений Маниоков, средних лет мужчина с отличным чувством юмора. Внимание всех собравшихся мгновенно переключилось на него.

Заперев дверь на ключ, Евгений скинул мокрую от растаявшего снега дубленку, выпрямился, обвел коллег внимательным взглядом, после чего изобразил пару магических пассов, и за полами его пиджака «появились» две бутылки игристого вина.

— Вот это дело! — рассмеялись сотрудники. — Жень, ты Ленке пару уроков дай.

— С удовольствием, если она возьмет.

Праздник подходил к концу. Припасенные заранее две бутылки рома опустели. Та же участь постигла две бутылки шампанского и содержимое пластиковой бутылки. Два килограмма мандаринов, несколько видов нарезки тоже были съедены.

— Что же нам теперь? Работать? — растерянно протянул Маниоков.

— Поработать иногда тоже не вредно.

— Правильно говоришь, Борис Леонидович, — безрадостно вздохнул начальник отдела Владимир Николаевич Хомяков. — Будь моя воля, я бы, конечно, отпустил вас всех по домам, но вы же понимаете...

— Понимаем, понимаем. Поэтому сейчас все по местам, быстро протрезветь, и по одному...

— Женька! — погрозил пальцем Владимир Николаевич. — Протрезветь — это хорошо. А вот по местам и по домам — некрасиво. Дамы нам такой стол накрыли, теперь надо помочь все убрать.

Света, Лена и другие сотрудницы быстро убрали остатки еды, посуду, свернули клеенчатые скатерти, освободив тем самым составленные вместе рабочие столы. Эстафета уборки перешла к мужчинам: Владимир Николаевич командовал, остальные двигали мебель.

— Борис Леонидович, да не напрягайся ты, — вдруг произнес Хомяков. — Посиди у открытого окна, а то ты что-то бледный стал.

Озеров возражать не стал. Прихватив один из стульев, пожилой сотрудник двинулся в сторону приоткрытой фрамуги. Но не успел сделать и пару шагов, как, глубоко вздохнув, прошептал:

— Ох, ребяташки, что-то у меня голова совсем кружится... — и, хватая ртом воздух, в тот же миг стал оседать на пол...

— Пьянка — это хорошо, — произнес майор юстиции Георгий Краков, обводя взглядом притихших сотрудников отдела. — Нет, конечно, сама по себе пьянка — это плохо, к тому же нарушение всех ваших правил. Хорошо то, что никто ее не отрицает. А значит, разобраться с отравлением будет легче.

Полицейский следователь и эксперты прибыли на место происшествия спустя всего час после госпитализации Бориса Леонидовича. До их приезда все свидетели и вероятные подозреваемые, а также злостные нарушители внутреннего режима находились под присмотром капитана Михайлова и лейтенанта Воронкова, которые не покинули комнату и после приезда полиции. Поскольку прямого отношения к происшествию они не имели, оперативники задействовали их в качестве понятых при осмотре места происшествия.

— Так он отравился? — осторожно подал голос Владимир Николаевич. — А чем — уже известно?

Майор Краков покосился на начальника отдела и, неопределенно хмыкнув, ответил:

— Отравление метанолом. Доза небольшая: по расчетам медиков, Озеров принял внутрь четыре-пять миллилитров. Так что жить будет, но праздники проведет на больничной койке.

Коллеги переглянулись. Лена украдкой взглянула на лейтенанта Воронкова, словно ища его поддержки. А он будто нарочно смотрел на самое приметное, что было в комнате — новогоднюю зеленую красавицу. Девушка заметно погрустнела.

— Интересно, где наш старший научный сумел найти этот метанол? — озвучила общий вопрос Света.

— Синтезировал, — бросил Евгений.

Послышались приглушенные смешки, но все же коллегам хватило такта не развивать далее эту тему.

— А если серьезно, — вдруг заговорил Дмитрий. — Мы ведь все ели из общих тарелок и пили из одних бутылок, купленных в приличном сетевом магазине...

— Это не показатель, — вклинился в разговор Владимир Николаевич. — Сейчас везде суррогата полно.

— Тогда мы все сейчас на больничных койках должны валяться! — возразил Дмитрий. — Можно, конечно, предположить, что Озеров перехва-

тил где-то еще рюмочку. Но впечатление тайного алкоголика наш старший научный не производит. Он вообще к алкоголю спокойно относится. От рома сразу отказался. Стакан шампанского я ему собственноручно налил, так он и тот не выпил до конца.

— И то верно, — вздохнул Хомяков. — Как ни крути, а метанол этот нашему старшему научному кто-то нарочно подлил. Печально, но вполне закономерно. Что скрывать, Борис Леонидович — человек сложный.

— Сложный — это еще мягко сказано, — развалившись в компьютерном кресле, заговорила Света. — Он даже накраситься перед выходом с работы не давал. Я, видите ли, это делала во «все еще рабочее время». Занудой он был... В смысле, зануда он, этот наш старший научный.

Майор Краков в разговор сотрудников не вмешивался, что-то быстро записывая в своем блокноте. Лишь когда беседа начала затихать, он, подстегивая новый виток обсуждений, задал вопрос:

— А в чем еще проявлялось занудство вашего коллеги?

— В разном. В мелочах, — сложив руки на груди, отозвалась Света. — Сразу и не припомнишь. Иногда, правда, Озеров всерьез доставал. Вон, пусть Катя с Леной расскажут, как они с ним на прошлой неделе поцапались.

Упомянутые девушки пристыжено переглянулись.

— У вас действительно был с ним конфликт? — поинтересовался майор.

— Ну, был, — призналась Степанова. — Мы пытались обогреватель выписать. Холодно ведь у окна сидеть, посмотрите сами, какие щели! А Борис Леонидович считал, что все это ерунда, что нужно лишь теплее одеваться и не тратить понапрасну рабочее время...

— Он помешан был на этом «рабочем времени»! — вставил Евгений.

— Тогда мы нашли требования к микроклимату на рабочем месте, — продолжила Катя. — Ткнули его носом в то, что у нас явное нарушение. Он не поверил. Ну, мы и решили идти до конца. Дошли до председателя профсоюза!

— После этого Борис Леонидович оставил нас в покое, — кивнула Лена.

— По-вашему, это достаточный повод для убийства? — с заметной неприязнью в голосе обратилась к майору Катя.

Тот поспешил напомнить, что об убийстве речи не идет:

— Скорее, кто-то хотел просто напакостить потерпевшему.

В этот момент к нему подошел один из экспертов и сообщил, что ничего подозрительного в мусорных ведрах в комнате и на этаже найдено не было.

— А на соседних этажах?

— По камерам посмотрели — никто из сотрудников отдела после происшествия лифтом не пользовался, на лестницу не выходил.

— Под окнами?

— Только пара старых окурков.

— Посуду, которая на праздничном столе была, проверили?

— Изъяли для экспертизы. Но экспресс-тест показал, что следов метанола нет, — доложил эксперт.

Майор Краков кивнул и продолжил прерванный разговор:

— Кто-нибудь еще имел конфликт с потерпевшим?

К его удивлению, в течение следующих минут тридцати-сорока каждый из сотрудников отдела и даже представители комендатуры смогли припомнить относительно недавние разногласия с Борисом Леонидовичем. Но все споры были «копеечными», из-за подобных вещей людей метанолом не травили...

Самоотравление майор Краков тоже исключил. Из того, что он успел услышать про потерпевшего и прочитать в его личном деле, следовало, что Озеров был слишком прилежным человеком и ответственным сотрудником, чтобы таким вот образом покончить с собой, да еще и во время корпоратива.

— Кстати! — повернулся он к Маниокову. — Вы сказали, что потерпевший якобы синтезировал метанол. На предприятии есть возможности для этого?

— У нас на предприятии есть возможности для производства куда более опасных веществ, — открыто рассмеялся в ответ Евгений.

— За более опасными веществами и контроль более строгий, — заметил майор.

— Это верно.

— Как мне узнать расположение химических лабораторий? — обратился Краков к охранникам.

Капитан Михайлов вызвался показать.

Через полчаса они вернулись.

— Раз никого из сотрудников в лаборатории в прошедшие дни не видели, можно предположить, что преступник пронес метанол с улицы. Насколько тщательно вы досматриваете людей?

— В преддверии Нового года очень тщательно, — заверил капитан. — Не каждого, разумеется, для этого у нас возможностей нет. Поэтому бывает, что проносят алкоголь.

— А бывает и так, что пытаются выслужиться и цирк устраивают, — вдруг с улыбкой произнесла Света и, ничуть не стесняясь, подмигнула Михайлову.

— Что вы имеете в виду? — тут же поинтересовался Краков, с интересом взглянув на нее.

— Да я про то, как Лену сегодня обыскали на проходной. Задержали минут на сорок. Она ведь шампанское в конфетах пронесла на территорию!

Все сотрудники громко рассмеялись. Даже лейтенант Воронков позволил себе улыбнуться. Однако майор ничего забавного в инциденте на проходной не увидел. Подозвав к себе одного из экспертов, все еще снимав-

шего отпечатки пальцев на рабочем месте потерпевшего, он приказал отыскать упомянутую бутылку и показать ему. Через пять минут «виновницу переполоха» обнаружили в помойке в мужском туалете.

— Конфеты с нежной начинкой, — прочитал Краков на этикетке и, прикусив губу, внимательно осмотрел пластик со всех сторон, после чего приказал:

— Снимите отпечатки и найдите все фантики от этих конфет.

— Вы думаете, что метанол был в этих конфетах? — удивилась Лена. — Но мы же их все ели! Отличные конфеты...

— И отличный «резервуар» для проноса метанола на территорию предприятия. А также отличный способ дать яд человеку так, чтобы он ничего не заметил. Шампанское в составе крема отлично маскирует метиловый спирт.

Лена побледнела, осознав, чем грозят ей подозрения следователя, и воскликнула:

— Я не проносила ничего! Я их купила в магазине сегодня утром и сразу пошла на проходную... Димка! Ты ведь открывал бутылку и видел, что упаковка была целой! Я не вскрывала конфеты...

— Точно, — кивнул Дима. — Я еще нож искал, чтобы скотч надрезать — так приклеили, что никак не мог отодрать. Если яд и был в конфетах, то его туда не наша Лена подлила.

— В котором часу вы открывали конфеты? — спросил Краков.

— В половине первого примерно, — нахмурился Дима. — Когда все уже сидели за столом. Я их на стол высыпал, и все сразу разобрали.

— А Борис Леонидович пожаловался на головокружение спустя полтора часа после этого. По времени все сходится, — заметил майор.

Тем временем эксперты доложили, что обыск окончен: все возможные улики собраны и даже тридцать фантиков от конфет упакованы в лучшем виде. Держать сотрудников предприятия в четырех стенах больше не имело смысла. Майор Краков изъявил желание лично пообщаться с Еленой Степановой, Дмитрием Шишковым, Евгением Маниоковым и представителями комендатуры — теми людьми, кто имел отношение к подозрительным конфетам и к возможности проноса запрещенных веществ на территорию закрытого предприятия. У остальных показания взяли в письменном виде и отпустили по домам.

Для проведения допроса полиции выделили соседнюю с местом происшествия комнату. Первой на разговор следователь вызвал Степанову. Вопрос о конфетах вновь заставил девушку побледнеть и разрыдаться. Сквозь всхлипывания, она дрожащим голосом продолжала настаивать на своей невинности.

— Кто-нибудь кроме вас приносил такие конфеты?

— Нет, — всхлипывала Лена.

— Скажите, а капитан Михайлов знал, что вы принесете сегодня эти конфеты?

Девушка вдруг перестала плакать и удивленно вытаращила оливкового цвета глаза на майора.

— А причем здесь капитан Михайлов?

— Вам не кажется странным, что он задержал вас на проходной из-за такой мелочи?

— Ему «звездочка» нужна — он в капитанах засиделся, — пожав плечами, ответила Лена.

— Вы не похожи на знатока «звездочек», — улыбнулся Краков. — Откуда про нее знаете?

Лена тут же вспыхнула румянцем, подтверждая догадки майора.

Дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился лейтенант Воронков.

— Меня капитан прислал, — с порога заявил он. — Там Свете плохо — сознание потеряла...

— Кошмар какой-то! — негодовал Владимир Николаевич, наблюдая, как врачи «скорой помощи» вкалывают какие-то препараты его сотруднице.

Света лежала на полу и в сознание пока не приходила. Медики уверяли, что помощь вызвана своевременно, и прогноз в целом благоприятный. Впрочем, все присутствующие понимали, что эти слова говорят лишь для общего успокоения. Судить о чем-то пока было рано.

— И снова этот чертов метанол!

— Доза большая? — поинтересовался майор Краков, отстраняя Хомякова и чуть наклоняясь к врачу, возившемуся возле чемодана с лекарствами.

— Без анализов я ничего не могу сказать, — проворчал тот в ответ.

— Хотя бы приблизительно. Два, три, пять, десять...

— Ну, не два — точно. Больше. Она ведь сознание потеряла. А перед этим пила алкоголь, как я понимаю.

— Шампанское пила. Возможно, ром.

— В роме сорок процентов этилового спирта, который замедляет метаболизм спирта метилового.

Краков понимающе кивнул и уточнил:

— Будете госпитализировать?

— Разумеется.

Майор вновь кивнул. Подозвав оперативника, велел ему ехать в больницу вместе со «скорой», заметив при этом:

— Сдается мне, что наше присутствие возле девушки будет очень кстати. — Затем повернулся к охраннику и добавил: — Капитан Михайлов, я бы хотел побеседовать с вами...

— Состояние стабильное. Опасности для жизни нет. Еще сохраняется отек сетчатки, но прогноз благоприятный. Зрение, конечно, может ухудшиться, но потеря его девушке не грозит.

После памятного корпоратива прошло уже два дня, и сомнений в диагнозе у лечащего врача не было.

— Поговорить с ней можно? — спросил майор Краков

— Да, разумеется. К ней сегодня уже мать приходила. Просидела около часа.

— Я в курсе, дежурный доложил.

— Номер палаты знаете?

— Да, — кивнул майор.

— В таком случае, я оставляю вас. У меня смена через час заканчивается, а еще надо пару документов для отчетности подготовить.

Пожелав доктору всего наилучшего, Краков направился по коридору в сторону палаты Светланы Резниной. На лавочке возле двери сидел оперативник. При приближении начальства он поспешил спрятать смартфон в карман.

— Все тихо?

— Да. О приходе матери я докладывал. Больше ничего интересного не происходило.

— Потерпевшая покидала палату?

— В сопровождении медсестры ходила на процедуры. Она сама, как я понял, плохо передвигается.

Стандартная больничная палата была рассчитана на три койко-места. Но в преддверии Нового года врачи и пациенты постарались сделать друг другу «подарок», так что занята была только одна кровать. На ней лежала девушка с бледным лицом, под глазами отчетливо виднелись синяки. К руке Светы от подвешенного на стойке пакета тянулась трубка, по которой с заданной скоростью поступало лекарство. Услышав звук открывающейся двери, она повернула голову к посетителю и, узнав майора, попыталась сесть, но он жестом остановил ее.

Придвинув к кровати стул, Краков сел, положил на колени папку и достал из нее ручку и пару чистых листов бумаги.

— Я пришел взять у вас показания. В общих чертах следствию уже понятно, что и как произошло. Необходимо лишь уточнить пару моментов.

— Спрашивайте, — шепотом проговорила девушка.

— Какие отношения у вас с Еленой Степановой?

По мимолетному выражению лица Светы майор понял, что начал правильно.

— Мы — коллеги.

— Это я понимаю. Меня интересует, как вы относитесь к ней вне работы?

— Ну, мы не подружки, но отношения у нас нормальные.

— И то обстоятельство, что Степанова увела вашего любовника — лейтенанта Алексея Воронкова — не сказывается на них?

Света нахмурилась. Поерзав на кровати, постаралась сесть повыше, чтобы почувствовать себя увереннее.

— А какое это имеет отношение к произошедшему? Или вы хотите сказать, что это Ленка меня траванула?

В глазах пострадавшей вспыхнули яростные огоньки. Сложив руки на груди, чему не помешала даже игла от капельницы, она громко фыркнула и отпустила в адрес коллеги пару неприятных определений.

Никак не отреагировав на ее слова, Краков вновь залез в свой портфель и достал завернутую в пакет елочную игрушку — металлическую коробочку, в которую раньше был упакован чай известной марки.

— Скажите, это вы вешали данный предмет на елку?

— Нет. Я чай не пью, откуда у меня взяться такой коробке? — Света на миг задумалась, потом вспомнила: — Это мы в прошлом году на двадцать третье февраля дарили мужчинам в отделе!

— Вы открывали коробку?

— Нет. А зачем?

— В таком случае, как вы объясните, что внутри данной упаковки обнаружен свежий фрагмент вашего отпечатка пальца?

— Понятия не имею. Может, когда вешала, случайно открыла. У нас такая суматоха в последние дни, что на подобные мелочи внимания не обращаешь.

— Возможно. А, возможно, для вас, Светлана, будет лучше, если вы сами признаетесь в том, что совершили.

— И в чем же мне признаваться? — фыркнула Света. — В том, что была влюблена в Алексея? В том, что обиделась на Ленку? В том, что достал меня наш старший научный? Вы и так все знаете, а больше я ни в чем не виновата. Лучше идите к Степановой и допрашивайте, как она меня отравила, а заодно и Бориса Леонидовича.

Майор Краков едва заметно улыбнулся. Преступники часто бравировали, полагая, что у полиции нет доказательств их виновности. К несчастью для Светланы, кроме показаний свидетелей и очевидцев, в деле имелись весомые улики, доказывающие ее виновность.

— Вы завидовали Степановой и ненавидели ее. Бориса Леонидовича вы не любили, но все же не настолько, чтобы отравить. Он — всего лишь жертва стечения обстоятельств. Когда Елена Степанова шла из магазина и ее задержали на проходной, ваш старший научный сотрудник привычно решил не терять зря время и поработать. Он распечатал документ и решил скрепить его степлером, который лежал в ящике вашего стола. В том

же самом ящике, в который вы положили конфеты «Крем с шампанским», заранее накаченные метанолом. Одну из конфет Борис Леонидович прихватил вместе со степлером и съел еще до начала праздника.

— Степлер он у меня брал. А вот конфет никаких у меня не было, — твердо проговорила Света.

— Были. Вы знали, что Степанова непременно принесет свой фирменный набор, и купили такие же накануне в магазине возле дома. Накачали ядом — благо начинка у «Крема с шампанским» почти жидкая, и было несложно это сделать. Утром вы выкинули упаковку с ненужными конфетами и использованный шприц в контейнер возле подъезда. Однако мусор у вас вывозят рано утром, так что к моменту появления следственной группы вечером того же дня улики так и лежали в помойке. Ваших отпечатков пальцев и на упаковке конфет, и на шприце, и на пакете с мусором достаточно, чтобы доказать вашу вину.

Светлана прикусила губу. Отпираться было уже бесполезно, и она предпочла молча слушать.

— Перед началом корпоратива вы забеспокоились, обнаружив, что одной конфеты не хватает, и догадались, что никто кроме Бориса Леонидовича не мог ее взять. Когда же поняли, что он отравился, вы совсем перепугались. Несложно было сообразить, что, оклемавшись, он сложил бы два и два, понял, что пил алкоголь со всеми, а конфету ел из другой упаковки, и обо всех своих выводах, разумеется, рассказал бы следствию. Отравить Елену Степанову в таких условиях уже не представлялось возможным. Нужно было думать о том, как снять подозрения с себя. Да и оставшиеся конфеты необходимо было надежно спрятать до приезда полиции.

Майор прервал рассказ, заметив, как по щекам девушки потекли слезы.

— Да, я съела все, что осталось. Но не для того, чтобы отвести подозрения или что-то спрятать. А от обиды! Потому что Ленке опять повезло! Она моего парня увела, она внимание всех в отделе на себя переключила. Да тот же Озеров души в ней не чаял! Конечно, он никогда не говорил, какой умницей ее считает, но постоянно бубнил себе под нос: «Все бы такими были». Как только она пришла в отдел, ей сразу все досталось! А я ничем не хуже. Я тоже имею право на счастливую жизнь!

— Каждый имеет право на счастливую жизнь, — согласился майор. — И если бы ее обвинили в попытке двойного убийства, как вы планировали...

— Да не планировала я обвинять ее в убийстве! — оборвав его, сорвалась на крик Света. — По-вашему, я такая стерва? Но мне уже все равно было, что с ней станет!

— Если бы вам было все равно, вы бы не стали прятать фантики от конфет в этой коробке из-под чая, — покачал головой Краков. — Признаться,

оригинальный ход! После того как эксперты проверили все изъятые обертки и ничего не нашли, я уже начал сомневаться в такой стройной гипотезе. — Он покрутил в руках металлическую коробку с изображением деревянного домика и продолжил: — Так вот, вы спрятали фантики, чтобы отравленными посчитали именно те конфеты, которые принесла Степанова. Да и умирать вы совсем не собирались, хотя дозы метанола из четырех конфет вполне могло для этого хватить. Согласно показаниям Евгения Шаркова, во время корпоратива вы выпили целый стакан рома и дважды самостоятельно подливали себе шампанское. Ничего подобного за вами прежде не замечали.

— Я хотела напиться! С горя, — уже без прежнего жара заявила Света.

— Вы хотели спасти свою жизнь, в худшем случае отделавшись парой недель на больничном. Уверен, планируя убийство, вы прочитали, как действует метанол на организм, и узнали, как можно минимизировать его действие.

Майор встал, вернул стул на место, потом протянул Светлане лист бумаги и пластиковый планшет, чтобы было удобнее писать, и предложил:

— Чистосердечное?

— Мне нужен адвокат, — огрызнулась Света.

— Вы задержаны. Адвокат вам будет предоставлен в установленном законом порядке.

Писать девушка все равно ничего не стала. Краков пожал плечами и убрал бумагу обратно в портфель. Затем посмотрел на девушку и произнес:

— О, кстати! Ваша коллега Лена передала вам открытку с пожеланием скорейшего выздоровления.

Света вырвала открытку из его рук и, швырнув ее в дальний угол палаты, прошипела:

— Пусть подавится ею!

— Ну, как знаете, — кивнул майор и покинул палату.

В коридоре он обратился к дежурившему оперативнику со словами:

— Светлана Резнина с этой минуты задержана. Не пускать к ней никого, кроме медперсонала.

— Понял, — откликнулся тот.

— С Новым годом, — улыбнулся Краков.

— И вас. Подарите мне сменщика, — отшутился в ответ оперативник. □

Ирина Опимах

Фредерик Базиль

Импровизированный
полевой госпиталь

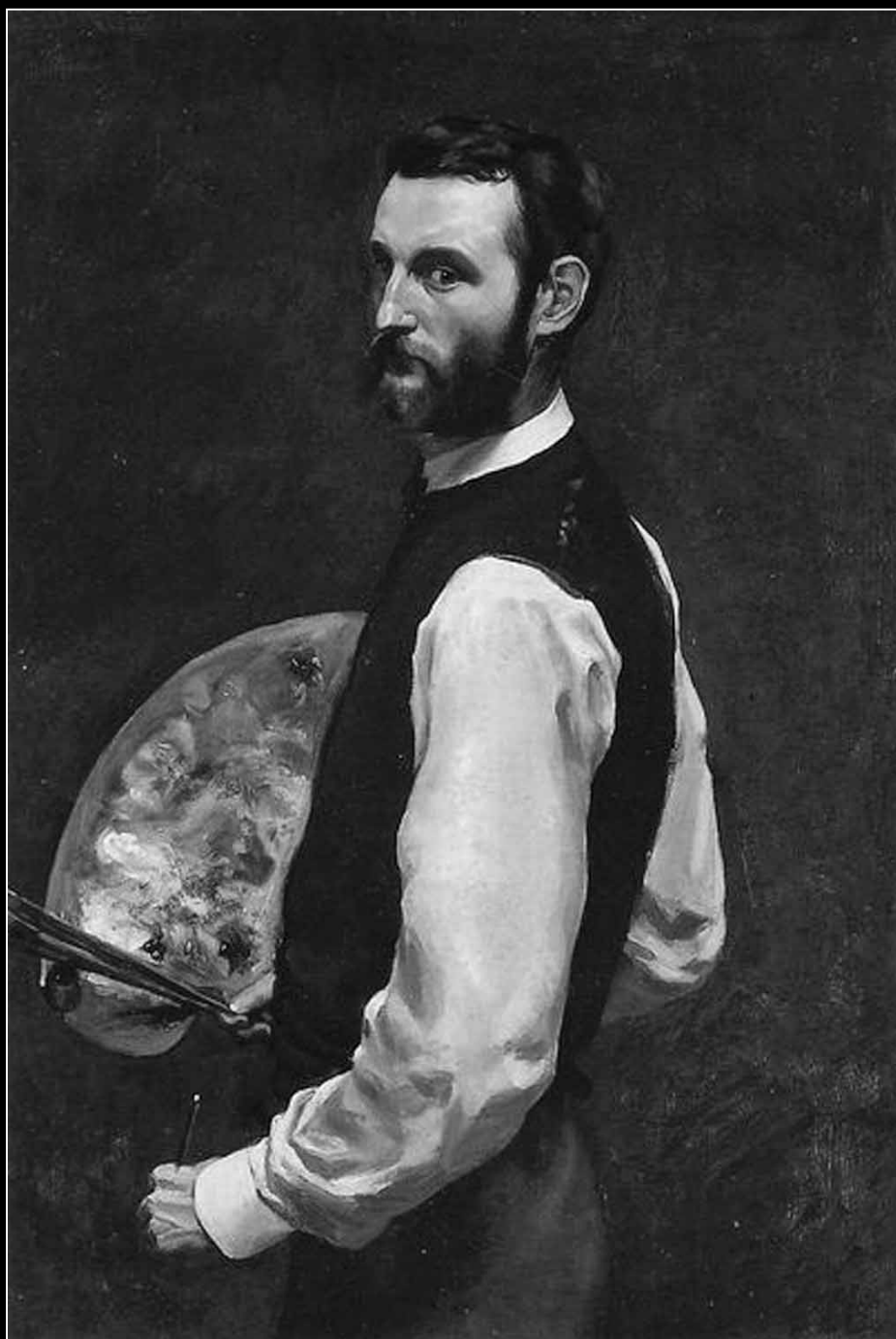
Эта картина, написанная в 1865 году и хранящаяся в парижском музее Д'Орсе, не только хороша и интересна с точки зрения художественной. Она — памятник большой дружбы двух замечательных живописцев (один — ее автор, а второй — герой), и еще — документ эпохи, отражающий уровень медицинской науки того времени.

*Фредерик Базиль.
«Импровизированный
полевой госпиталь»*

В начале 1860-х годов среди парижских художников была популярна мастерская Шарля Глейра. Говорили, что только там можно научиться живописи. Сам Глейр был довольно посредственным художником, да и

человеком внешне отнюдь не ярким. В мае 1861 года знаменитые писатели братья Гонкуры сделали такую запись в своем дневнике: «У Флобера друзья собрались на чтения его романа «Саламбо», и среди пригла-

*Фредерик Базиль.
Автопортрет*

шенных был художник Глейр, какой-то деревянный господин, напоминающий захудалого ремесленника, скучный, тусклый, недалекий». Однако оценка Гонкуров была не совсем справедлива. Глейр, швейца-

рец по происхождению, родился в 1807 году, в очень бедной семье. Он приехал в Париж, когда ему было всего 19 лет. Отчаянно нуждаясь, он все-таки поучился в разных живописных школах, а затем провел пять

*Клод Моне.
Автопортрет*

лет в Риме, вернулся в Париж и добился того, что его картина была выставлена на Салоне. Это случилось в 1840 году. Спустя три года его полотно «Вечер» («Утраченные иллюзии»), также показанное на Салоне, заслужило восторженные оценки критиков и публики. А потом последовало лестное предложение возглавить мастерскую, которой ранее руководил барон Гро, а до него — сам Давид. Конечно же, Глейр согласился.

Он был добрейшей души человеком. Никогда не забывал о своей нищей юности, а потому решительно отказался брать с учеников плату за уроки и радовался, когда они хотя бы возмещали затраты на аренду помещения, бумагу, карандаши и краски. Да, картины Глейра были скучны и не интересны, однако он блестяще вла-

дел ремеслом и умел преподавать. При этом был абсолютно равнодушен к мирским благам и жил, как рассказывал Ипполит Тэн, «в квартире, как жалкий мазила, мастерской ему служил пыльный чердак, а спальней — темная клетушка». Однако человек он был интересный, прекрасно разбирался в искусстве, а потому его жалкое жилище нередко посещали весьма достойные гости — к примеру, Мериме, Флобер, Берлиоз, Мюссе, Милле. Весь цвет парижской богемы бывал у этого «скучного, тусклого, недалекого» Глейра!

В 1862 году записался в класс Глейра и юный провинциал Фредерик Базиль — высокий, красивый, с манерами аристократа, он приехал в столицу учиться медицине, но...

Базиль родился 6 декабря 1841 года в Монпелье, в зажиточном семействе местных протестантов. Его отец был банкиром и виноделом, пользовался уважением в обществе и очень хотел, чтобы сын, если уж ему так претит заниматься отцовским делом (а сын всячески демонстрировал, как ему неинтересно все то, что составляло жизнь отца), хотя бы выучился на врача — тоже вполне уважаемая профессия. Но Базиль хотел стать художником, таким, как, к примеру, Делакруа и Курбе! Но чтобы не расстраивать родителей, он все-таки согласился поехать в Париж, изучать медицину. Прибыв в столицу, послушный сын месье Базиля-старшего поступил в медицинскую школу, и — тут же записался в мастерскую Глейра! Фредерик попал в совершенно другой мир — тут не говорили о деньгах, но жарко спорили об искусстве и осваивали секреты живописи обожавшие своего учителя молодые, начинающие художники, и среди них — Пьер Огюст Ренуар и англичанин Сислей.

В конце 1862 года в студию Глейра пришел еще один молодой талант — Клод Моне. Базиль и Моне быстро подружались. У них было много общего, а главное, они страстно хотели стать настоящими художниками. Отец Моне, бакалейщик из Гавра, совсем не рассчитывал, что его сын будет художником, и мечтал, чтобы тот продолжил его бакалейное дело. Но... Весь Гавр смеялся над карикатурами пятнадцатилетне-

го художника, которые он продавал за 20 франков и которые можно было купить в единственной художественной лавке в городе. Затем были два года в армии — Моне пришлось послужить в Алжире. Там он заболел брюшным тифом, выздоровел и — вернулся в Париж, дабы продолжить занятия живописью. Разочаровавшись в том, как преподавали на факультете искусств в университете, он пришел в мастерскую Глейра и вскоре стал главой студентов, так как уже имел за спиной немалый опыт. Но больше всего он сблизился с Ренуаром и Сислеем, а Базиля вообще считал самым лучшим своим другом.

Моне всегда очень нуждался, и на него часто накатывала страшная тоска, когда он видел, что его картины никому не нужны и не продаются. А у Базиля деньги были — родители исправно присылали сыну немалую сумму — ведь мальчик постигает такую сложную науку, как медицина. Добрый и щедрый Базиль, видя, как страдает от безденежья его друг, всегда помогал ему, когда тот попадал в трудные положения.

(Кстати, теплые отношения связывали Базиля и с Ренуаром. Однажды Ренуар спросил его, почему он первым подошел к нему в студии Глейра. Базиль ответил: «Мне нравилось то, что ты делал». А вот Базиль поначалу совсем не понравился сыну простолюдина Ренуару. Ему показалось, что «...он из тех, кто заставляет своего лакея разносить

*Пьер Огюст Ренуар.
«Портрет
Фредерика Базиля»*

новые туфли». Но потом они действительно стали близкими друзьями. Свидетельство их дружбы — два портрета 1867 года. Один — портрет Ренуара «Базиль за работой», второй — «Портрет Ренуара», написанный Базилем.)

В июне 1864 года Фредерик провалил экзамены в медицинской школе. Оставалось только покаяться перед родителями и убедить их, что художником быть не постыдно, и он обязательно добьется успеха. В конце концов мать и отец смирились

с его выбором. А что им еще оставалось делать?

Теперь следовало найти себе помещение, где можно было бы работать и жить. И Базиль нашел его — он арендовал мастерскую в доме Делакруа, умершего незадолго до этого, в 1863 году, и пригласил к себе Моне. И хотя характер у Моне был нелегкий — он часто и порой очень несправедливо раздражался, злился, Базиль очень его любил. Ведь Моне обладал сильной волей, упорством, яростно преодолевал всяче-

*Фредерик Базиль.
«Портрет
Ренуара»*

ские трудности, был по природе своей победителем. И умел воодушевить Базиля на борьбу с самыми разными обстоятельствами и проблемами. Они очень дополняли друг друга, и мягкий, добрый, тактичный Базиль нуждался в сильном, опытным, практичном Моне. Ну и никогда не отказывал, когда тот просил у него денег. Широко известна история о том, как он купил у Моне картину «Женщины в саду» за огромную по тем временам сумму — 2500 франков. Таких денег у него не бы-

ло, и Базиль выплачивал их частями, по 50 франков, которые были Моне очень кстати.

В 1866 году открывался очередной Салон. Базиль, как и Моне, как и другие его друзья, представил туда свои работы. Как же ему хотелось, чтобы его картины были приняты! Фредерик писал родителям: «Я ужасно боюсь быть отвергнутым...» Но... именно так и произошло. В Салон приняли только две работы Сислея.

Однако молодые художники не отчаивались. Они верили в себя, в то, что

они на правильном пути, и впереди их ждет успех. Вечерами, простояв долгие часы у мольберта, они шли в небольшое, уютное кафе «Гербуа» на улице Клиши. Какие жаркие споры звучали в этих стенах! А какие блестящие люди собирались в заведении папаши Гербуа. Имя его вошло в историю искусства благодаря его гостям, среди которых были художники — Ренуар, Писсарро, Моне, Сислей, Базиль, Сезанн, Фантен-Латур, Уистлер; писатели — Золя, Астрюк, Пруст, и многие другие, определившие культуру конца 19-го и начала 20-го века. О чем же они говорили? О том, как жить дальше? Стоит ли снова и снова пытаться выставляться в Салоне? Как и где искать покупателей для своих картин? И вообще — как выжить, если в кармане пусто? В «Гербуа» никто не чувствовал себя одиноким, а вместе ведь гораздо легче переносить непонимание Салона и публики...

Лето 1870 года резко изменило привычный ход вещей. Грянула Франко-прусская война. И перевернула судьбы завсегдатаев «Гербуа». Ренуара зачислили в кирасиры и отправили в Бордо объезжать лошадей. Дега, утверждавший, что никогда не слышал, как стреляют пушки, попал в артиллерию. Моне уехал с семьей в Гавр, Сезанн отправился в Марсель.

Базиль проводил то лето, последнее лето своей жизни, в поместье родителей недалеко от Монпелье. Ему работалось как никогда — казалось, все под силу, и «он, наконец, достиг

того единения с природой, которое отличало Писсарро, той легкости и непринужденности, которая была присуща Ренуару, и той уверенности в собственных возможностях, что было главной силой Моне» (Дж. Ревалд). А еще его вдохновляло то, что его работы были наконец-то выставлены в Салоне! «Я в восторге от своей экспозиции, — писал он своим родителям. — Моя картина прекрасно размещена, все ее видят, и все о ней говорят. Правда, больше говорят плохое, чем хорошее, но, во всяком случае, я стал объектом внимания, и с этого времени, что бы я ни выставлял, я не останусь незамеченным».

Но о каком искусстве можно было говорить, когда страна в беде! И Базиль отправился на войну сражаться с бошами, угрожавшим его родине! 10 августа 1870 года он записался в полк зуавов, которым приходилось выполнять самые опасные задания. И 28 ноября один из самых талантливых импрессионистов погиб в сражении под Бон-ля Роланд, не дожив нескольких дней до дня рождения — ему должно было исполниться двадцать девять лет. Это стало огромным ударом для всех, кто его знал. Погиб совсем молодой, такой талантливый, такой многообещающий художник, такой чудный, умный, тонкий, добрый человек...

В начале 1870 года, еще до начала войны, Базиль написал большую картину — «Мастерская художника на улице Кондамин». (Улица Кондамин находилась неподалеку от кафе папаши Гербуа, в квартале Бати-

«Мастерская художника на улице Кондамин»

ньоль. В этом же квартале была мастерская Мане, где часто бывали его молодые коллеги и друзья. Поэтому их стали называть «батильонцами».)

На картине — мансарда, и сразу становится понятно, что это мастерская художника: на стенах большие картины и рисунки, эскизы. Стол, стул, фортепьяно — и шесть молодых мужчин.

Один из них, плотный коренастый человек, — Эмиль Золя. Его собеседник — Огюст Ренуар. У мольберта обсуждают новое полотно Базиля Мане и Моне. Рядом с ними — высокий, стоящий в профиль мужчина, — сам автор картины. Фредерик Базиль. За фортепьяно — Эдмон Метр, большой друг Базиля, музыкант-любитель. Конечно, Базиль не мог

предполагать, что ему осталось жить всего лишь несколько месяцев. Не мог предугадать, что эта картина станет его прощанием с живописью и со всеми его друзьями, с теми, кого он так любил и кому всегда был готов прийти на помощь.

Фредерик Базиль, человек выдающегося дарования, рано сложившийся как художник, несомненно, истинный импрессионист, не успел услышать слово «импрессионизм», но его работы стали истинными шедеврами этого течения.

Он по-прежнему в их ряду — в романах, монографиях, в фильмах, посвященных импрессионистам... Всегда готовый прийти на помощь и поделиться со своими пылкими и талантливыми друзьями всем, что у него есть... □

Марина Федункив — популярная актриса ТВ и кино, блогер, певица и телеведущая. Став известной благодаря участию в команде КВН, а также сериалу «Реальные пацаны», Марина решила попробовать свои силы в завоевании столицы. И ей это удалось — перед харизмой пермской красавицы пали отечественные телеканалы. О своем артистическом пути, о том, как собирается праздновать Новый год, и многом другом — в интервью нашему журналу.

Марина Федункив

**«Моим героиням верят,
потому что они списаны
с реальных женщин»**

Фото
из личного
архива

— Как вы учились в школе? Были у вас дополнительные нагрузки в виде музыки, танцев, спорта?

— Я не была отличницей, но училась неплохо. Конечно, гуманитарные науки мне нравились куда больше, чем естественные. А еще в школьные годы я была очень активна: пела в хоре, вела праздники, играла роли в постановках, постоянно была на виду.

— Вам нравилась Пермь? Были какие-то места, о которых вы сейчас с ностальгией вспоминаете?

Школьные годы я провела у деда с бабушкой за городом, а в Пермь, к родителям, вернулась, когда перешла в старшие классы. Поэтому все мои самые светлые воспоминания связаны с деревней, а Пермь у меня ассоциируется с юностью, студен-

чеством. Конечно, культовое для меня место — это Пермский государственный институт искусства и культуры, где я училась. Мы практически жили в нашей alma mater.

— Чем особенно запомнилось обучение в пермском институте культуры?

— Я бы не назвала свое поступление в институт каким-то особенным. Я пыталась стать студенткой московских театральных вузов, но у меня не получилось, и я вернулась в родной город, чтобы попытаться счастья там. Так как на тот момент я уже потерпела фиаско с поступлением в Москве, страха не поступить и в Перми не было. Я знала, что, если не повезет, устроюсь на работу, а на следующий год опять рвану в Москву. Но все сложилось именно так, как надо. Правда, на втором курсе меня отчислили из-за конфликта с преподавателем. Я заступилась за своего любимого мальчика: ему нельзя было таскать тяжести из-за здоровья, а приходилось это делать. После словесной перепалки мне решили преподать урок и отчислили. И, знаете, эта ситуация стала одной из самых важных в жизни. Несмотря ни на что, я вернулась в институт. Тогда я поняла, что в одну реку можно войти дважды, и не важно, что скажут и подумают другие.

— Ваше замужество очень порадовало всех, кто следит за вашей судьбой. Расскажите, по-

жалуйста, о самых счастливых моментах ваших первых месяцев супружества.

— Я никогда не думала, что супружеская жизнь может быть настолько спокойной и легкой. У меня всегда было так, что я взваливала на себя всю ответственность, тащила на себе, а мне потом еще и предъявляли. Но если с первым гражданским мужем мы были молодыми, в поиске себя, то со вторым «Марина равно ломовая лошадь» превратилось в норму. А когда в моей жизни появился Стефано, оказалось, что бывает иначе. У меня как будто сняли груз с плеч, окружили заботой, любовью, разделили финансовые обязательства. И дело тут, конечно же, в самом муж-

чине. У нас очень позитивная семья, мы постоянно шутим и подкалываем друг друга.

— Как и где вы будете встречать Новый год? Что будете готовить к празднику?

— Новый год традиционно буду встречать на работе. А потом сразу поеду домой. 1 января — долгожданный выходной дома, да еще и с нашими животными, которых у нас аж 6 на двоих. Мы со Стефано непременно будем готовить что-то вместе. Но, так как ни я, ни он не фанаты многочасовых застолий, приготовим что-то легкое.

— Какой подарок вам хотелось бы получить на Новый год?

— Вот честно, никогда не загадываю. И, быть может, поэтому всегда появляются какие-то неожиданные и мегаприятные подарки. Так и сейчас, я не ожидаю чего-то конкретного и не мечтаю прямо-таки о чем-либо сверхъестест-

венном. Но вот от отпуска в качестве подарка не отказалась бы. Это у нас, кстати, тоже семейное — и я, и муж работаем очень много, а вот отдыхаем нечасто.

— Марина, у вас классное чувство юмора и, что немаловажно, самоиронии. Этому можно как-то научиться, «прокачать»?

— Говорят, чем смешнее человек шутит, тем больше он в своей жизни страдал. Я не могу полностью согласиться. Я бы, наверное, назвала это иначе — он старался жить в полную силу. Поэтому, чтобы прокачать

свое чувство юмора, не нужно делать что-то специально, просто живите: знакомьтесь, не бойтесь разочаровываться в людях, любите, слушайте свое сердце, если не можете быть вместе — уходите... Не принимайте все происходящее слишком близко к сердцу. Помните — если вы можете посмеяться над собой, вы непобедимы.

— Ваш самый запоминающийся Новый год?

— Наверное, те праздники, что были в детстве, когда мы отмечали их в деревне. Собирались все вме-

сте, дети водили хороводы, приходил Дед Мороз, а взрослые гуляли до утра. Веселый и беззаботный праздник, чувствовала себя абсолютно счастливым человеком и верила в чудо.

— Что вы будете дарить на Новый год близким?

— Люблю дарить сертификаты, чтобы мои близкие сами выбирали себе подарки. Тут есть небольшая хитрость: выбирайте вариант, где можно «разгуляться», тогда человек обязательно потратит свой сертификат. Любимым девочкам дарю сертификаты в салон красоты — «почистить перышки» любят все. Отличный подарок для мужчины — абонемент в фитнес-клуб или бассейн.

— Как известно, в Европе больше уделяется внимание встрече Рождества. Как вы планируете отметить церковный праздник?

— Идеальный вариант — поехать в другой город. Но, поскольку декабрь у меня очень насыщенный, постараемся с мужем провести тихий вечер при свечах дома.

— В какую обычно церковь вы ходите?

— Не скажу, что бываю в церкви регулярно, прихожу, когда душа просит. На гастролях стараюсь не только посмотреть город, но и побывать в местной церкви.

— Вам пришлось поработать проводницей. Расскажите пожалуйста, о самом запоминающемся своем пассажире...

— Раньше на железной дороге промышляли профессиональные карточные шулеры. Они садились на одной станции, проез-

жали небольшой отрезок пути и за это время успевали кого-нибудь обыграть. Были случаи, когда и проводницы становились жертвами этих шулеров, и нам строго-настрого было запрещено вмешиваться в игру. Но однажды я нарушила это правило: заглянула в купе, а там сидит мужчина с мольбой о помощи в глазах. Я знала, что он едет в Москву, везет деньги на лечение жены, и сделала вид, что это мой брат, забрала его к себе в купе якобы на ужин. Столько страха натерпелась, была готова, что будут вскрывать двери, чтобы его достать и забрать деньги. Но все обошлось. Я тогда и минуты не сомневалась, что должна поступить только так и никак иначе. А этот мужчина, Роман его звали, был очень благодарен, они с женой мне потом деньги в благодарность предлагали, а я отказалась, им было нужнее.

— Работа в детском доме была сильным испытанием? Или в молодости вы относились легко к сложным ситуациям?

— Это был не детский дом, а интернат для детей из неблагополучных семей. Конечно, я переживала за всех детишек. Они как будто маленькие взрослые, возраст небольшой, но жизнь их побила, они много видели и натерпелись. Конечно, я сильно переживала за каждого.

— У вас настолько искренний образ в любой роли, что зрите-

ли невольно отождествляют вас с героинями. Это врожденное умение так органично играть, или вам пришлось много работать, добиваясь такого совершенства?

— Когда меня называют талантливой, я поправляю, говорю, что я способная. Моим героиням верят, потому что они списаны с реальных женщин, со своими достоинствами и недостатками, со своими радостями и бедами. Я не придумала их, они действительно встречались мне на жизненном пути. Они не идеальны, они такие же, как и все мы. Это и мои близкие, в том числе мама, и женщины, с которыми я работала на железной дороге, теплоходе и овощебазе.

— Ваша непосредственность очень импонирует поклонникам, но не мешает ли она вам в жизни, в карьере?

— Нет, не мешает. Непосредственность — часть меня, она украшает, это моя фишка (смеется). Лично для себя, в период подростковых терзаний, я решила, что мои сильные стороны — это чувство юмора и непосредственность. Кому-то дана красота, а кому-то харизма.

— Ваши любимые писатели? Композиторы?

— Иван Бунин, Михаил Булгаков, Михаил Зощенко — самые любимые, читала их произведения не один раз. Любимые композиторы — Петр Чайковский и Сергей Проко-

фьев. Не могу сдержать слез, когда слышу их произведения.

— Как вы обычно готовитесь к роли или эфиру?

— Если это роли, стараюсь максимально понять и полюбить своего персонажа, каким бы он не был. Представляю всю его жизнь — детство, как дошел до такой жизни, что любит, а что нет. Если это эфир, стараюсь максимально разобрать сценарий, пропустить через себя.

— Критики ставят вас в один ряд с такими легендарными актрисами жанра, как Фаина Раневская, Рина Зеленая. А ваши любимые актрисы — это...

— Обожаю обеих. С Раневской мы, кстати, родились в один день. Из зарубежных на ум сразу приходит Моника Беллуччи. Ее имя мы обыграли в моей песне и сольной концертной программе. Очень люблю Мерил Стрип. Вообще восхищаюсь прекрасными и талантливыми женщинами!

— Загадываете ли вы желания под Новый год? Сбываются ли они?

— У меня всегда было два больших желания — стать актрисой и выйти замуж за итальянца. Выходит, что оба сбылись! Обычно не загадываю что-то конкретное, хочу, чтобы близкие были здоровы и были рядом. А что еще для счастья надо?

— Верите ли вы в судьбу? В какие моменты она была к вам неблагоприятна, а в какие — лояльна и добра?

— Верю, что у каждого из нас свой путь. Верю, что нам приходят испытания, которые под силу, которые мы сможем преодолеть. Не могу сказать, что недовольна тем, что было послано мне судьбой, если бы не все сложности и горести, возможно, не было бы сейчас той Марины Федункив, которую вы знаете.

Благодарна за все, что было в моей жизни.

— Что бы вы пожелали читателям «Смены»?

— Верить в себя и не сдаваться. Чтобы добраться до звезд, иногда нужно идти через тернии. Это знаю по себе. Берегите близких людей и цените каждую минуту вместе. И, конечно, счастливого всем Нового года! □

Беседовала **Дарья Соколова**

Филипп Тараторкин

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Москвы-реки изогнутая просинь,
И с каждым шагом Кремль все видней,
Заиндевелый набережных профиль
И заостренный профиль фонарей.

Горбатых мостиков изящная наивность,
Домов купеческих разнообразный строй,
Дворов заснеженных уютная картинность,
И лужи бесконечные весной.

Часа за три, а, может быть, быстрее,
Все обойдешь здесь из конца в конец:
Увидишь Третьяковской галереи
Причудливый приземистый ларец.

Особняков узорные ограды,
Просветы колоколен и кругом
Дворянских гнезд нарядные фасады
С фронтонами над верхним этажом.

А на рассвете розовые дали
В Замоскворечье яркие и легки,
И крепнут неприметные вначале
Порывы ветра от Москвы-реки.

ЗИМНЯЯ УЛИЦА

Фонари в сугробы врыты,
Шум метели за окном,
Наша улица укрыта
Белоснежным полотном.

Под сугробом-великаном
Спит промерзшая земля,
Выступает из тумана
Башня ближняя Кремля.

От последствий снегопада
Тротуары в колеях,
По такой дороге надо
Было б ехать на санях.

Перестанет снег кружиться
Где-то к середине дня,
Все тогда преобразится
В ясный полдень января.

Островежного фасада
Весь заснежен серый скат,
В сизом инее ограда —
Все, как много лет назад.

Солнце выглянет — и с ходу
Заискрится в вышине
И прикажет небосводу
Нам напомнить о весне.

МОСКОВСКАЯ МЕТЕЛЬ

Печально исчезает тонкий след
Вчерашнего морозного узора,
Пластами покрывает мокрый снег
Главу блестящую кремлевского собора.

Ленивая московская метель
Разыгрывает мнимую суровость,
И, сквозняком захватывая дверь,
Вдруг замирает, чтоб начаться снова.

Деревьям за окном не устоять
Одним против утех этой метели,
Набрякший снег их будет утешать
Предчувствием живительной капли.

И дню такому, кажется, к лицу
Уютная архивная недвижность.
Книг корешки, как войско на плацу,
Здесь смотр своим войскам проводит книжность.

И любовью к старине согреты
Факты в исторической канве.
Как же умещается все это
В этой поседевшей голове?
Учит он доискиваться сути,
Видеть потаенный смысл идей,

Словно сам стоит на перепутье
Всех эпох, явлений и людей.
И сегодня тоже ожидаю,
Что под завывание пурги
Снова в отдалении узнаю
Старого профессора шаги.

ПРОГУЛКА В ЛЕСУ

По зимней искристой дороге
С неверной ее колеей
В какой-то невнятной тревоге
Иду заметенной тропой.

И взгляд оторвать невозможно —
Такая кругом благодать!
С какой это стати тревожно,
Пытаюсь все время понять.

Вот с веток поникших и зябких
Отбросят неровную тень
Тяжелые снежные шапки,
Надетые чуть набекрень.

Над замершим зеркалом пруда
Дрожащая дымка видна,
Явилась не ясно откуда,
Из морока зимнего сна.

И вот на исходе дороги,
На склоне короткого дня
Я понял причину тревоги,
Всего охватившей меня.

Когда про прогулку такую,
Я думал во время пути,
В стихах рассказать захочу я,
Вдруг будет мне слов не найти?

Евгения Гордиенко

От «Московской Венеры» до «Пиковой дамы»

Сегодня об этой женщине наверняка сняли бы биографический фильм. Длинный — пришлось бы уместать в картину 93 года. Причем это были очень насыщенные годы. Съемки вышли бы дорогостоящими — сколько стран пришлось бы захватить: Дания, Германия, Франция, Англия, Россия... А уж сколько балов, платьев, драгоценностей пришлось бы показать в кадре!

Наталья Петровна Голицына известна нам не только потому, что стала прототипом пушкинской «Пиковой дамы». Скорее наоборот — Александр Сергеевич вдохновился образом одной из самых известных, самых узнаваемых женщин своего времени. Поэт писал в дневнике: «Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и Натальей Петровной и, кажется, не сердятся». А ведь могли и рассердиться! Но, к счастью, к моменту публикации повести в 1834 году Голицына была уже немолода и снисходительна ко всему на свете.

Она родилась в 1744 году в семье дипломата Петра Чернышева. Тут стоит отступить на несколько десятилетий назад и рассказать о том, как возник «богатейший» род Чернышевых. Дед Натальи, Григорий

Петрович Чернышев, служил денщиком при Петре I. Царь выдал за него свою возлюбленную, красавицу Авдотью Ржевскую, дав за ней 4 тысячи душ приданого. А сыновьям новоиспеченной семьи дарил

деньги «на зубок» и деревни. Императрица Елизавета, вслед за отцом, также жаловала семейству поместья, и со временем Чернышевы разбогатели. Немудрено, что при такой милости ходили слухи о том, что Наталья была внучкой Петра I.

Будущая княгиня Голицына родилась в Берлине, где ее отец состоял на дипломатической службе. Затем его перевели в Англию, и детство она провела в Лондоне. Потом была передышка в России на несколько лет, после чего Петра Чернышева отправили ко двору Людовика XV. Наталья и ее сестры пользовались успехом в Версале, а отец дослужился до сенатора и вернулся в Петербург.

К тому времени Наталье был уже 21 год. Она получила блестящее воспитание и образование. Свободно владела четырьмя языками. Но, по меркам времени, была уже весьма

цы. Она отлично ездил верхом, фехтовала и стреляла. На устроенной в Петербурге в 1766 году «карусели» (по сути — рыцарском турнире, где нужно было продемонстрировать разнообразные навыки), Наталья в движущейся колеснице стреляла из лука. Среди женщин она стала первой. Вручая ей приз, главный судья, немолодой фельдмаршал Миних, сказал: *«Государыня моя! Вы та персоне, которой я уполномочен от Ее Императорского Высочества вручить первый приз, выигранный вашим приятным проворством».*

А вскоре к Наталье Петровне посватался Владимир Голицын, представитель знатной княжеской фамилии. Именно фамилия и подкупила девушку. Ее семья была богата, и выбирала она тоже из богачей. Но вот древность рода она ценила выше всего (не говорило ли в ней то,

Во Франции семья прожила семь лет. При дворе Марии-Антуанетты Наталью Петровну называли «Московской Венерой», а в туманном Альбионе за ней ухаживал сам Георг, будущий король. Терзая сердца поклонников, Голицына никому взаимностью не отвечала. Она отправляла назад все букеты и драгоценные подарки, поскольку богатства самых знаменитых французов не могли сравниться с ее богатством

и весьма взрослой, ей давно пора было выходить замуж. Но девушка не спешила. Напротив, ей нравилось блистать в свете. Став придворной фрейлиной Екатерины II, Наталья тут же попала в любимицы императри-

цы. что ее роду — пусть и весьма обеспеченному — всего три поколения, а дед ее был денщиком?) Она приняла предложение. Императрица сама украшала прическу невесты бриллиантами, благословила

ее в придворной церкви и присутствовала при венчании.

С фамилией связан один забавный эпизод, о котором упоминает цензор Иван Снегирев в своем дневнике: «Она все фамилии бранит и выше Голицыных никого не ставит, и когда она перед внучкой своей 6-летней хвалила Иисуса Христа, то девочка спросила: «Не из фамилии ли Голицыных Иисус Христос?»»

Состояние новоиспеченного мужа княгини пребывало, как тогда говорили, «в расстройстве», то есть было в некотором упадке, запустении. Но Наталья Петровна взялась за дело и железной рукой навела в нем порядок, так что деревни и заво-

ды стали приносить прибыль. Она расширяла фабрики мужа, оснащала их техникой, высаживала в поместьях новинку — картофель.

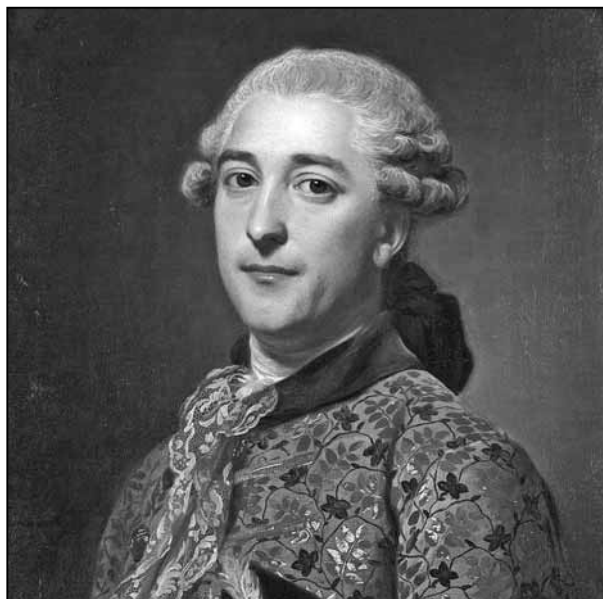
При дворе княгиня Голицына отныне появлялась только по приглашению. Ее семья росла — она родила пятерых детей — трех сыновей и двух дочерей, воспитанием которых занималась весьма активно. Когда сыновья подросли, Наталья Петровна решила уехать в Париж. С формулировкой «ради здоровья супруга и учебы детей» Голицыны покинули Россию. При дворе отъезд не одобряли, но княгиня едва ли нуждалась в чем-либо одобрении.

Во Франции семья прожила семь лет, периодически посещая Англию, где Наталья Петровна выросла. При дворе Марии-Антуанетты ее называли «Московской Венерой», а в туманном Альбионе за ней ухаживал даже Георг, будущий король.

Терзая сердца поклонников, Голицына никому из французов

взаимностью не отвечала. Она отправляла назад все букеты, перевитые синими, серебристыми и коралловыми лентами (цвета герба Голицыных), и многие драгоценные подарки, доставленные в приемную ее «дипломатического» особняка в Париже, поскольку богатства самых знатных французов не могли сравниться с ее богатством.

После французской революции Екатерина II приказала всем своим поданным вернуться в Россию. Голицына не была довольна, но послушаться прямого приказа императрицы все

Князь Владимир Борисович Голицын

Зная, с каким уважением к Наталье Петровне относится царская семья, весь Петербург съезжался на поклон к княгине. Ее благосклонность дорогого стоила. Дом Голицыной был обязательным «пунктом» и для только начавшей выезжать юной девушки, и для молодого офицера, недавно получившего чин.

А балы у Голицыной проходили каждую среду

же не посмела. «...И вот, наконец, я вне пределов Франции, которая внушает мне такой сильный страх. Впрочем, с тех пор, как я пересекла ее границу, я больше, чем когда бы то ни было, сожалею о том, что рассталась с нею. Я покинула страну, где провела самым приятным образом семь лет», — записала в путевой дневник Наталья Петровна.

В Петербурге семья поселилась в доме на углу Гороховой и Малой Морской (его и сейчас показывают туристам как «Дом Пиковой дамы»).

Скучая по Франции, Наталья Петровна превратила свой дом в салон для французской эмиграции. Злые языки говорили даже, что «княгиня Голицына старается устроить у себя в доме нечто похожее на Сен-Жерменское предместье». Екатерина II видела в этом обществе опору против вольнодумства и поддерживала его, впоследствии ему покровительствовал Павел. Все это способствовало укреплению положения Натальи Петровны при дворе. Ее авторитет был непререкаем в

обеих столицах: она была образцом придворной дамы, осыпанной наградами и почестями. В 1824 году Голицыну приняли почетным членом крупнейшего научно-хозяйственного общества, признавая ее равной со всеми членами общества во всех правах и имуществвах. К 60 годам к прочим своим титулам она получила чин статс-дамы, крест и орден.

С возрастом у Голицыной выросли усики, за что ее за глаза прозывали княгиней Усатой. Но едва ли

кто-то осмелился бы сказать подобное в лицо. Ее опасались, почитали — хотя бы внешне. Зная, с каким уважением к Наталье Петровне относится царская семья, весь Петербург съезжался на поклон к княгине. Ее благосклонность дорогого стоила. По воспоминаниям Феофила Толстого, музыкального критика и композитора, «к ней ездил на поклонение в известные дни весь город, а в день ее именин ее удостаивала посещением вся царская фа-

милия. Княгиня принимала всех, за исключением государя императора, сидя и не трогаясь с места. Возле ее кресла стоял кто-нибудь из близких родственников и называл гостей, так как в последнее время княгиня плохо видела. Смотри по чину и знатности гостя, она или наклоняла только голову, или произносила несколько приветливых слов. И все посетители оставались, по-видимому, весьма довольны. Но княгиня Голицына при-

лом Глинкой и внуком княгини Сергеем Голицыным (Фирсом), «обстановка была еще скромнее. Так, например, для Глинки, Фирса и меня была отведена одна комната и для троих один только умывальник».

Дело в том, что ее дом был обязательным «пунктом» и для только начавшей выезжать молодой девушки, и для молодого офицера, недавно вступившего в чин. А балы проходили каждую среду.

*Усадьба
Вяземы*

влекала к себе не роскошью помещения или великолепием угощения. Единственным украшением парадной гостиной служили штофные занавески, да и то довольно линялые. Ужина не полагалось, временных буфетов, уставленных богатыми винами и сервизами, также не полагалось, а время от времени разносили оршад, лимонад и незатейливые конфеты».

Тот же Толстой вспоминал также, что в Марьине, где он однажды гостил у Голицыной вместе с Михаи-

Со своими детьми княгиня была порой строга чрезмерно. Невестку, считая «неровней», изводила, а сыну Дмитрию (генерал-губернатору Москвы) назначила совсем небольшое содержание. Второго сына Бориса отказывалась принимать после ссоры. Борис так и не женился, его внебрачные дочери воспитывались в семье Дмитрия, что всеми силами скрывалось от Натальи Петровны. Лишь после смерти матери Дмитрий унаследовал огромное состояние,

но пережил ее всего на шесть лет.

После кончины Голицыной наследникам достались шестнадцать тысяч крепостных душ, множество деревень, домов и поместий по всей России. До этого, при жизни, управляя сама всеми имениями, Наталья Петровна в приданое дочерям дала по 2 тысячи душ, а сыну Дмитрию выделила только имение Рождествено в 100 душ и годичное содержание в 50 тысяч рублей. Лишь по личной просьбе императора Николая I она удвоила эту сумму.

Историю о трех картах Пушкину поведал внук Голицыной. Он проигрался и попросил у бабки взаймы. Та отказала, но сообщила секрет, который позволял отыгаться. Взамен внук дал слово, что больше никогда не будет играть.

Якобы много лет назад подобная история произошла с ней во Франции. Она пристрастилась к игре и однажды проиграла крупную сумму самому герцогу Орлеанскому. Муж, который до этого сквозь пальцы смотрел на азартные увлечения жены, внезапно отказал ей в выдаче денег. Но карточный долг — долг чести, и должен быть отдан! И Голицына отправилась к графу Сен-Жермену за ссудой — тот давно проявлял нежные чувства к Наталье Петровне. Денег у графа не было, зато он знал «секрет трех карт», благодаря которому княгиня отыгралась. С нее, правда, никто слова никогда больше не играть не брал, и она была страшно азартна до самой смерти. Выигрывать, кстати, не перестала, напротив, с опытом это происходило даже чаще. Когда в старости княгиня

стала плохо видеть, для нее специально изготовили большие карты.

Наталья Петровна Голицына пережила Пушкина. С ее смертью связана мистическая легенда о черном офицере, который прогуливался по улице под окнами особняка Голицыной, но видела его только княгиня. Родня, наслушавшись рассказов старухи о преследующем ее офицере в черном («ангеле смерти», как она говорила), решила показать княгиню лейб-медику Арендту. Наталья Петровна и ему пересказала свои видения, добавив, что офицер в черном появился еще в те времена, когда в особняке жила ее воспитанница (очевидно, прототип Лизы из «Пиковой дамы»). Военный часами бродил под окнами, бросая на них тоскливые взгляды. Княгиня предположила, что он ухаживает за воспитанницей, но девушка клялась и божилась, что не знает этого человека... Тогда старуха, от греха подальше, отправила ее в деревню. Но странный офицер продолжал появляться под ее окнами до самой смерти...

Скончалась княгиня Голицына в возрасте 93 лет. Похоронили Наталью Петровну в Москве, на кладбище Донского монастыря: в усыпальнице Голицыных. По легенде, до революции игроки приносили к ней на могилу букеты, перевитые трехцветной лентой, и молили явиться, как к Герману, чтобы открыть им секрет, как отыгаться или все время выигрывать. Не исключено, что кому-то из них и «повезло», как пушкинскому герою... □

ТАЛДОМ

погружение в историю

Фото автора

Талдом, один из самых маленьких городков Подмосковья, расположен у границы Московской области с соседней Тверской. Собственно говоря, к ней, к Тверской губернии, и относилось до революции старинное село Талдом, ставшее с приходом новой власти небольшим, но все же городом. В его названии слышится что-то древнее, финно-угорское: в ряде языков этой группы имеются слова с корнем «тал» (тало — «дом», талоус — «хозяйство»).

В наши дни от столицы до Талдома на автомобиле всего два часа ходу, но, оказавшись здесь, словно попадаешь в другой мир. Летом Талдом утопаем в зелени садов, застройка преимущественно малоэтажная и частная, а ритм жизни, особенно в сравнении с бешеными скоростями мегаполисов, необычайно размеренный и спокойный. Словом, очутившись в этих краях, как-то незаметно попадаешь под очарование неспешного уюта русской провинции.

В самом центре города, на улице, носящей ныне имя Салтыкова-Щедрина (у классика русской литературы в окрестностях находилась родовая усадьба Спас-Угол), в бывшем доме купца-старообрядца Дмитрия Ивановича Волкова расположился Талдомский историко-литературный музей. Это один из старейших музеев Подмосковья, свое существование он ведет с 1920 года. Примечательно и само здание очага культуры — двухэтажный, добротный особняк конца позапрошлого столетия, первый каменный дом Талдома. Особняк неоднократно перестраивался и свой нынешний вид, в модном тогда стиле ар-нуво, приобрел к 1914 году: фасад дома был обли-

цован красивой зеленой керамической плиткой «кабанчик», появилась балконная ковка в стиле модерн, а сами потолки и балконы спроектированы по последнему слову тогдашней науки, конструкции Жозефа Монье (изобретателя железобетона). И спустя век в доме купца Волкова, ставшего музеем, сохранилась планировка комнат, лепнина, двери и часть кафельных печей.

Судьба хозяина дома удивительна: в ней тесным образом переплелись невероятные взлеты и невыносимые падения. Выходец из крестьян, Дмитрий Волков родился на следующий год после отмены крепостного права, в 1862 году. Отец сам выучил его грамоте и привил тягу к знанию и вере: маленький

мальчик рос очень впечатлительным и набожным. А в 14 лет так и вовсе решил оставить родительский дом в Талдоме и отправиться в Москву, чтобы посвятить свою жизнь Богу. Ушел он тайно, без спроса. Отец догнал его уже почти у самой Москвы и уговорил все-таки вернуться обратно домой.

В 18 лет Дмитрий посватался к девице Марии Шлихуновой, а спустя всего несколько дней в Талдоме состоялось венчание молодой пары. Несмотря на столь юный возраст обоих и предельно краткий срок знакомства, брак оказался на редкость удачным: супруги Волковы стали друг для друга по-настоящему

духовно близкими людьми и делили все радости и невзгоды, выпадавшие на их семейном пути. Вскоре Дмитрий Иванович основал небольшое дело по торговле обувью и кожаными изделиями. До революции обувной промысел был фактически главным занятием жителей Талдома. В наши дни это может показаться невозможным, но на рубеже XIX — XX веков обувь из торгового села Талдом была невероятно популярна на просторах Российской империи. Да что там России, многие парижские модницы щеголяли в изящных туфельках и сапожках, сшитых в Талдоме. А иные так и вовсе приезжали за

ними из самого Парижу! Вот такие были удивительные времена.

Дела же у молодого купца быстро пошли в гору. Да так, что спустя несколько лет он смог построить для своей семьи в самом центре Талдома большой и красивый дом, которым мы можем любоваться и сейчас. Впрочем, дела торговые, успешное занятие бизнесом были для Дмитрия Ивановича лишь средством обеспечения своей семьи. Все свое свободное время он посвящал изучению литературы, искусства, религии и даже политики. В своем доме Волков собрал большую и разнообразную библиотеку с множеством книг на самые разные темы, а в гостях у радушно-го и приветливого хозяина частень-

ко бывали разные интересные люди. Например, крестьянский, ныне фактически полностью забытый поэт и прозаик, уроженец Талдомского края Сергей Клычков. Волковы также увлекались астрономией — на балконе дома стоял большой телескоп, в который по вечерам супруги любили разглядывать на небе созвездия.

Став уважаемым человеком, купцом первой гильдии, Дмитрий Иванович активно занялся общественной и благотворительной деятельностью, направленной на улучшение условий жизни и быта родного Талдома и своих односельчан. По его почину и во многом на его средства были построены школа, больница, пожарная каланча, торговые

ряды, обновлен храм Архангела Михаила. На Рождество Волковы устраивали в своем особняке благотворительные елки, и пришедшие на праздник талдомские ребята никогда не уходили домой без подарков: мальчикам вручали деревянных лошадок, а девочкам — небольших фарфоровых кукол.

По своему внешнему виду торговое село Талдом становилось все больше и больше похоже на небольшой, чистый и опрятный уездный городок. Когда в 1914-м году Россия вступила в Первую мировую войну, купец Дмитрий Волков отдал под лазарет свой второй дом, который ранее выстроил для своих уже подросших детей. Кстати, на свои же средства он полностью оснастил

лазарет всем необходимым медицинским оборудованием.

Память об исключительном благородстве и высоких духовно-нравственных принципах этого замечательного человека сохранялась среди его земляков многие десятилетия, дожив буквально до наших дней. Так, по воспоминаниям многих старожилов о Волкове, нередко кустари-башмачники оставались должны предпринимателю деньги за материалы, и тогда приходили на поклон к нему с просьбой: «Дмитрий Иванович, ты уж подожди с долгом. Жена вот-вот родит, ребятки...» А Дмитрий Иванович и не собирался ждать, он просто... вычеркивал долг из записной книжки, да еще и денег

на роды давал. А скольким людям он помогал без всяких просьб, только услышав, что человек попал в затруднительное положение.

Но вскоре в стране подули совсем другие ветры. Старый мир в одночасье вдруг как-то рухнул. Талдом превратился в Ленинск, вошел в состав Московской губернии, а затем и вовсе стал именоваться Собцовском, в честь местного особа ретивого «экспроприатора экспроприаторов» Николая Собцова, убитого горожанами еще в мае 1918 года в ходе антибольшевистского голодного бунта в Талдоме. Название продержалось совсем недолго: уж слишком сомнительны даже для новой власти были «подвиги» большевика Собцова, больше походившие на обычный бандитизм и ма-

родерство. И в 1931 году городу вернули историческое название — Талдом.

А купцы Волковы сразу после революции стали не нужны новой власти — их просто «обнулили» и отменили: в одночасье выкинули на улицу из родного дома, разом лишив не только всего имущества, но и любимого дела, которому Дмитрий Иванович посвятил всю свою жизнь. Обездоленное семейство было вынуждено бежать в Москву и ютиться в коммуналках, перебиваясь случайными заработками.

Супруга Волкова Мария Игнатьевна не смогла принять и вынести столь резкие и разительные перемены в жизни: ее охватила черная меланхолия, она стала быстро угасать и в 1920-м году отошла в мир

иной. А вот Дмитрий Иванович, будучи глубоко верующим человеком, смиренно переносил жизненные невзгоды и считал: «Бог дал, Бог взял». Он жил в постоянном ожидании ареста и скорой расправы над ним как представителем «бывших», но при этом не терял вкус к жизни и живо интересовался происходящим вокруг. В 30-е годы ему не удалось избежать застенков Лубянки, однако он сумел выжить и там, а после освобождения был выслан в Тверь, ставшую Калинином. Когда же в 1941-м началась Великая Отечественная, 80-летний старик Волков участвовал в обороне Москвы! Его не стало в том же году: пройдя долгий и трудный земной путь, он нашел упокоение на Новодевичьем кладбище в одной могиле со своей супругой.

...История движется по спирали. И то, что еще вчера казалось окончательно и

бесповоротно выброшенным на свалки истории или сданным в утиль, снова находит свое место. Неисповедимы пути Господни: многие мемориальные вещи семейства Волковых из их особняка в Талдоме спустя много десятилетий вновь вернулись на свои места в тот самый дом, давно ставший музеем. В котором, кстати, имеются и подлинные артефакты, связанные с жизнью и деятельностью писателя и чиновника Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826–1889).

Невероятно, но факт: 8 ноября 1886 года живого классика отечественной литературы в его петербургской квартире на Литейном про-

спекте посетила делегация столичных студентов, в числе которых были брат и сестра, Александр и Анна Ульяновы. По воспоминаниям старшей сестры будущего вождя мирового пролетариата: «...Щедрин вышел к нам. Помню, что он был хмурый, худой и желтый, с отросшей бородой, в потертом домашнем костюме. С устным приветствием от общего имени обратился к нему М. Мандельштам (Михаил Мандельштам, тогда юный участник революционного движения, будущий адвокат и писатель). Поблагодарив за теплые слова, Михаил Евграфович всем нам пожал руки... когда дошла очередь до Александра Ильича, он так крепко, от всей души пожал руку Щедрину, что тот схватил ее другой рукой и заворчал: «Ой-ой! Нельзя же так сильно... мне больно». Александр Ильич был страшно смущен, покраснел и стал бормотать какие-то извинения. «Ну, ничего, ничего», — сказал тогда добродушно Щедрин... У меня осталось в памяти, что вся наша делегация чувствовала себя смущенно, держалась угловато, что приветствие Мандельштама вышло скомканным и неумелым, а Саша при выходе выглядел хмуро и недовольно».

Многие высказывания М.Е. Салтыкова-Щедрина как никогда актуальны и в наши дни. Чего стоит, к примеру, такой шедевр: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения». Бу-

дем надеяться, что представленная в музее на макете родовая усадьба писателя в селе Спас-Угол, сгоревшая вскоре после революции, найдет свое воплощение в натуральном объеме и будет полностью восстановлена к 200-летию со дня рождения мастера российской словесности.

Всего через месяц после той памятной встречи с Салтыковым-Щедриным старший брат Ленина, подающий большие надежды талантливый студент, создаст «Террористическую фракцию» «Народной воли», а в начале следующего 1887 года на вырученные от продажи своей золотой медали средства приобретет взрывчатку для бомбы, предназначенной для ликвидации императора Александра III.

Дальнейшее хорошо известно. Заговор будет раскрыт, несостоявшийся террорист Ульянов вместе с пособниками схвачен и в мае 1887 года повешен в Шлиссельбургской тюрьме. Спустя несколько месяцев, в августе того же 1887 года близ имения Спас-Угол на воздушном шаре приземлится вылетевший из Клина великий русский химик Дмитрий Менделеев.

В 1918 году усадьба Салтыкова-Щедрина будет конфискована новой властью у его потомков, а вскоре по недосмотру сгорит дотла. А в усадебной церкви Спас-Преображения, в которой некогда крестили одного из самых известных русских писателей XIX столетия, до начала 70-х годов прошлого века хранили семенной картофель... □

Итоги конкурса «Песня первой любви»

Дорогие читатели!

Спасибо всем, кто принял участие в нашем конкурсе. Мы рады, что, несмотря на все сложности года, наш читатель продолжает сохранять в душе Любовь, понимание и воспоминания о прекрасной юности. Мы не ожидали, что на конкурс о первой любви придет такое количество писем, из которых почти каждое достойно стать победителем. Но, так как призовых мест только три, победителями в результате стали:

1-е место — Юлия Макарова, Тверская область, поселок Раменки, рассказ «Тася и Гомон»

2-е место — Ольга Новикова, Московская область, рассказ «Каштановая весна»

3-е место — Геннадий Гусаченко, Новосибирская область, город Бердск, рассказ «Черемуха душистая»

Счастья, здоровья и удачи всем в новом году!

1-е место

Юлия Макарова

Тася и Гомон

Легкий теплый ветерок залетел в приоткрытое окно и с явным удовольствием принялся играть почти прозрачным тюлем. Следом за незванным гостем на подоконник села пчела, но ничто не заинтересовало ее здесь, и полосатая труженица, сурово прожужжав, вернулась на улицу.

Ветерок не последовал ее примеру, а, наоборот, проник еще дальше в комнату, и, заметив спящую в кровати девочку лет четырнадцати, быстро подлетел к ней. Теплые ладошки ветерка пощекотали девичьи щечки,

слегка растрепали светлые волосы и принялись играть выбившейся длинной прядью.

И то ли от этих легких прикосновений, то ли от того, что Тася просто выпалась, но ресницы ее дрогнули, и через минуту она открыла глаза. Словно заметив это и обрадовавшись Таськиному пробуждению, ветершалун взметнулся вокруг нее с еще большей силой, а потом вырвался обратно в открытое окно, прихватив с собой кусок занавески.

Наблюдавшая этот «побег» девочка рассмеялась и, отбросив одеяло, села на кровати. Некогда разлеживаться в такое славное утро! Юность скоротечна, и промчится с такой же скоростью, как и этот ранний гость-ветер.

Тася встала и прошлепала босыми ногами по еще прохладному полу к окну. Вернув занавеску на место, девочка сделала несколько упражнений, и, посчитав, что для утренней зарядки этого вполне достаточно, надела на себя легкое платьице и выпорхнула из комнаты.

По небольшому домику давно уже растекался вкуснящий запах свежеспеченных блинов. Тася заглянула на кухню. Так и есть — хозяйка дома, тетя Нина, стояла у плиты и ловко переворачивала на сковороде огромный румяный блин.

Тетя Нина не была кровной родственницей Тасе, но с недавних пор они стали одной семьей. Просто недавно Тасина мама вышла замуж за сына тети Нины, и теперь Таська и тетя Нина как бы приходились друг другу бабушкой и внучкой. Жили они, правда, очень далеко от матери и отчима, но зато сейчас приехали на весь отпуск к ней в гости. Она жила в небольшом рыбацком поселке на берегу моря, и для летнего отдыха это было очень кстати.

— Ой, матушка! Чего это тебе не спится?! — воскликнула тетя Нина, увидев Тасю. — Рано ж еще совсем! Или постель неудобная?

Тася улыбнулась ей в ответ и заверила, что все отлично, просто она уже выпалась. Тете Нине ее ответ понравился, и она тут же усадила девочку за стол.

— Блины надо есть с пылу с жару! Тебе какого варенья дать — абрикосового, черешню или яблочного? Хотя чего я говорю — ты ж не маленькая, бери сама, вон банки на буфете стоят. Взрослые-то пусть поспят, а мы с тобой пока почаевничаем.

Тася наелась, что называется, «от пуза», а заодно и поболтала с тетей Ниной. Называть ее «бабушкой» у Таськи как-то язык не поворачивался, да та и не просила. Зато они легко поладили и разговаривали непринужденно, словно были знакомы всю жизнь. А потом девочка отправилась к морю.

Море встретило Тасю сверкающей на солнце водной гладью. Легкая рябь шла по воде, а отражающееся в каждой маленькой волне небесное

светило дробилось на великое множество золотистых зайчиков и сразу создавало радостное настроение.

Берег в округе был каменистый, лишь небольшой песчаный «лизун» сбегал к морю. Оттого и не рвались в поселок шумные толпы туристов, в основном на лето приезжали близкие и родственники самих сельчан. Но это нисколько не расстраивало местных жителей, привыкших жить тихой размеренной жизнью.

Вот и сейчас на берегу было тихо и пустынно. Но это ничуть не испортило хорошего настроения Таськи, да и от чего было унывать? Когда тебе всего четырнадцать, ты приехала на море и впереди целый месяц отдыха в уютном домике тети Нины — да от этого плясать надо, а не расстраиваться!

Тася вообще была не нудным человеком, и потому у нее было много знакомых. Друзьями она их не называла, скорее это были просто приятели. Подруга у нее одна, и дружба эта была проверена временем. Но сейчас подружка далеко...

Таська полюбовалась морем с высокого берега, потом осторожно спустилась с каменного выступа ближе к воде и прищурилась, глядя на переливающее золото морской глади. А потом широко распахнула руки, словно собираясь обняться с морем, и мечтательно произнесла:

— Эх, Людка, тебя бы сюда!

И, словно услышав слова Таси, море игриво подкатило к ее ногам более шустрой волну, а проказник-ветер растрепал Тасины волосы и плотно облепил подолом платья ее ноги.

Но девочка не обратила на это внимания. Она только опустила руки и продолжала стоять, вглядываясь вдаль. Наверное, точно так же стояла когда-то на берегу прекрасная Ассоль в ожидании алых парусов.

Через некоторое время Тася услышала сзади какой-то шорох. Она с неохотой повернула голову. Так хорошо быть здесь одной... Жаль, что кто-то собрался нарушить ее покой.

Наверху стоял мальчишка чуть постарше Таси. Сунув руки в карманы выгоревших добела штанов, он наблюдал за ней. Тася бегло оглядела его, потом снова повернулась к морю. Но мысли девочки уже перекинулись на незнакомца. Явно местный — лицо, руки и открытые до колен ноги загорели чуть ли не до черноты. У Таси пока не было никакого загара — это здесь, на юге, солнце давно уже жарит всюю, а там, откуда она приехала, теплые солнечные дни пока еще только-только вступали во власть. Тетя Нина сразу предупредила, что к южному солнцу нужно привыкать постепенно. «Ты сначала закрепи загар-то, а потом уже будешь ходить по улице, сколько хочешь!» — напутствовала она Тасю.

Тася нахмурилась. Может, он все же уйдет? Как-то не входило в ее планы уходить с берега... Но и мальчишка явно не собирался покидать места, где стоял. Девочка просто спиной чувствовала его взгляд! «Ну и пусть! Пусть он стоит, сколько влезет! — мысленно фыркнула Тася. — Я просто не буду его замечать!»

— Ты купаться пришла? — вдруг громко спросил паренек.

Таське пришлось обернуться, не станешь же разговаривать с человеком, стоя к нему спиной, да еще и на приличном расстоянии. А не отвечать вовсе было неприлично, он ведь не сделал ей ничего худого.

— Нет! — очередной порыв ветра растормошил Тасины светлые волосы, и ей пришлось убрать их с лица, чтобы видеть незнакомца. — А ты что, купаться собрался?

— Ну да, — утвердительно кивнул мальчишка и ловко спрыгнул с выступа вниз.

Приблизившись к девочке, он глянул на нее с любопытством. А Тася, еще минуту назад не собиравшаяся его замечать, вдруг отметила про себя, что у паренька очень странного цвета глаза. У всех ее знакомых мальчишек глаза или карие, или голубые, или просто серые, а у него цвет глаз был необычным, темно-зеленым, словно бутылочное стекло.

— А чего тогда пришла так рано? — поинтересовался он.

— Просто так, — пожала плечами Тася.

— Не спится на новом месте? — хмыкнул мальчишка.

— А откуда ты знаешь, что на новом?

— Так ты же только вчера приехала!

— А ты местный? — спросила Тася, чтобы подтвердить свою догадку.

— Ага. Меня, кстати, Женькой зовут. А тебя?

— А я — Тася.

— Таисия, значит? — неожиданно произнес он ее полное имя.

— Ну да. Это меня так в честь маминой бабушки называли, моей прабабушки, получается.

— Нормальное имя, — пожал загорелыми плечами мальчик, — красивое.

И Тасе ее имя тоже нравилось. Только его очень редко кто полностью произносил, чаще звучало сокращенное — Тася или просто Таська. А Таисия... Это как-то совсем по-взрослому, немножко даже величественно, хотя сама Тася ни капельки не была заносчивой, да и взрослой тоже пока не была. «Года — дела наживное!» — сказала ей сегодня за завтраком тетя Нина. Девочка сидела за столом и, болтая ногами, уписывала за обе щеки блины и рассуждала о «взрослости» своего имени. «Не заметишь, как и тебя станут Таисией величать. Да еще и по отчеству... Особенно, если вырастешь достойным человеком. Но ты не спеши взрослеть, девонька! Самая славная у тебя пора — сейчас!»

Тася еще раз посмотрела на Женьку и улыбнулась. Странные все-таки у него глаза, никогда таких не видела...

А потом Женька пошел купаться, а Тася любовалась морем и время от времени смотрела, как он плавает. Несколько сильных гребков — и Женьку почти уже не видно, он словно растворился в солнечном золоте моря... Тася даже приложила к глазам ладошку козырьком, пытаясь разглядеть пловца. Но не успела она толком взглядеться, как Женька уже свечкой вынырнул на поверхность. Заметив, что девочка смотрит в его сторону, он махнул ей рукой и снова погрузился в воду. Потом снова вынырнул и неторопливо поплыл параллельно берега. Тася невольно смотрела на Женьку и в душе немного завидовала. Что и говорить — плавал он отменно!

— Не хочешь искупаться? Вода классная! — спросил он, выйдя на берег.

— Нет. — Тася потупилась. — Я плавать не умею.

— Можно же просто у берега побултыхаться, на глубину не заходить.

— Нет... Да я и полотенце не взяла.

— Так бери в следующий раз, — просто заявил Женька и попрыгал по очереди то на одной, то на другой ноге, вытряхивая воду из ушей. Потом подхватил брошенную на песок одежду и обернулся к девочке:

— Ладно, я пойду, а то меня отец ждет, мы в город собираемся ехать. А ты еще погуляешь?

Если честно, то Тасе отчего-то расхотелось оставаться одной, но она не решилась сразу идти с новым знакомым, и только качнула головой:

— Да, я пока тут побуду.

Женька кивнул ей на прощание и быстро зашагал в сторону поселка. Уже отойдя на приличное расстояние, он обернулся и крикнул:

— Если хочешь, я могу тебя плавать научить! Это совсем не трудно!

— Ну-у... я не знаю... — засомневалась Тася.

— Ну, думай! Если чего, то я помогу, только не сегодня! Мы с отцом поздно вернемся!

— Хорошо, спасибо! — крикнула девочка в ответ и махнула ему рукой.

Женька тоже помахал ей в ответ и стал подниматься на береговой выступ.

Обычно, если ничего не делать, то время тянется очень долго, просто мучительно! Но сегодня день пролетел почти незаметно, ведь Тася, очутившись на новом месте, с удовольствием знакомилась со всем, что здесь было. А нового и интересного оказалось на самом деле очень много. Это и сам дом тети Нины, и двор, и огород, а тем более — улица. После обеда Тася отправилась прогуляться. Южное солнце жарило уже вовсю, и мама заставила Таську надеть на голову шляпу с широкими полями. Шляпа была новая и очень красивая. Вообще-то мама покупала ее для себя, но сейчас она никуда не собиралась, и потому твердо заявила:

— Давай, надевай! Не хватало еще в первый же день свалиться от солнечного удара! К тому же она великолепно смотрится с твоим сарафанчиком, словно специально подобраны!

Тася натянула шляпу и подошла к зеркалу. Оно продемонстрировало девочке, что мама права. Легкий сарафан на тоненьких бретельках и широкополая шляпа отлично подходили друг другу. Мама немного сдвинула шляпу ей на затылок и завернула верх, приоткрывая лицо. Отклонилась назад и, полюбовавшись на дочку, удовлетворенно кивнула:

— Класс! Почти француженка!

Таське тоже понравилось отражение в зеркале, и она улыбнулась. Потом, немного покрутившись и полюбовавшись новым образом, собралась идти на улицу.

— Иди-иди, нечего такую красоту дома прятать! — напутствовала ее заглянувшая в комнату тетя Нина.

— Сандали с ремешками надень, они тоже к такому наряду подойдут! — напутствовала мама.

— Ого, новенькая! — услышала Тася, не успев сделать нескольких шагов от калитки. Она обернулась и увидела неподалеку трех мальчишек и двух девочек примерно ее возраста. Ребята смотрели на нее с любопытством.

Таська поздоровалась, ей вполне дружелюбно ответили. Она не была гордячкой и решила подойти к компании.

— Да, я новенькая, мы вчера вечером приехали. А вы все местные?

— Здешние, — кивнула одна из девочек и критическим взглядом окинула Таськин наряд. — Классная у тебя шляпа.

— Это от солнца. Мне еще нельзя много загорать, надо постепенно. Это у вас вон, какой загар — прямо как шоколадные!

Они ознакомились, и Тася до самого вечера была с ними. Время от времени новые знакомые упоминали какого-то Гомона. Сначала Тася не придавала этому особого значения, однако по тому, как уважительно они говорили об этом человеке, Тася невольно заинтересовалась и спросила, о ком это идет речь?

— Гомон? А-а, это Женька! Классный парень! — коротко бросил один из мальчиков и пожал плечами. — Он сегодня с батей в город поехал.

Тася понимающе кивнула и подумала — получается, что Женя, с которым они познакомились утром, и есть тот самый Гомон.

Когда солнце неожиданно быстро скатилось за горизонт, Тасе пришлось вернуться домой — на ужин. Стол накрыли прямо во дворе, под небольшим, увитым виноградом навесом. Это тоже было непривычно для Таси, никогда раньше она не ела на улице. Одно дело — перехватить что-

нибудь на бегу: пирожок какой или чипсы. А тут прямо настоящее застолье, даже какие-то новые родственники пришли.

Взрослые засиделись за столом, а Тася понемногу заскучала, и потому с удовольствием вызвалась помочь тете Нине принести из дома графин с водой. Когда она проходила по тропинке, ее вдруг окликнули:

— Ну что, пойдешь купаться?

Женька стоял по ту сторону забора и с улыбкой поглядывал на нее.

— Я же плавать не умею! — напомнила Тася, тоже расплываясь в улыбке. Она и сама не знала почему, но была рада его видеть.

— А ты так, без плавания. Я тебя на глубину и сам не пушу! — заверил ее новый знакомый.

Тася быстро отнесла воду к столу и спросила разрешения сходить к морю с Женькой. Мама выгнула бровь дугой, но тетя Нина одобрительно закивала:

— Пусть идет, Женька — парень надежный. Да и вода сейчас — самое то. Только ненадолго!

И Тася второй раз за день очутилась на берегу моря. Сейчас, после захода солнца, оно было другим, совсем другим. Если утром его можно было сравнить с игривым желтым котенком, то сейчас морская гладь была темной и казалась немного густой, напоминая разлитые чернила. Пока ребята шли от дома, на краешек неба осторожно вскарабкался тоненький серп молодого месяца. И теперь, глядя на все это великолепие, Тася невольно ахнула. Ее сердечко замерло от предвкушения чего-то большого и волшебного. Как же прекрасна жизнь в четырнадцать лет!

Вода оказалась очень теплой, и Тася с удовольствием в нее погрузилась. Женька привычно уплыл дальше в море, строго-настрого наказав ей быть только около берега. Но в одиночестве Тася оставалась недолго, вскоре он вернулся и стал учить девочку плавать.

Великой пловчихой в этот вечер Тася не стала, но на воде держаться научилась, да и страх перед глубиной у нее прошел.

Когда ребята возвращались домой, она поинтересовалась:

— Жень, а почему тебя зовут Гомон?

— А-а, это от фамилии моей, вообще-то я — Гомоновский. Вот отсюда и Гомон.

— Понятно.

У калитки они остановились.

— Не замерзла? — спросил Женька. Вечер был теплый, но после воды воздух на самом деле казался прохладнее.

— Нет, — успокоила его Тася. После непривычно жаркого дня она наслаждалась прохладой, к тому же предусмотрительно взяла с собой кофту.

— У тебя неплохо получается, еще несколько занятий, и ты поплывешь.

— Буду стараться! — Девочка встала по стойке «смирно», а потом прыснула от смеха.

Женька тоже рассмеялся.

— Только мне до тебя, как до луны! — махнула рукой Таська.

— Это ерунда! Я же на море живу, а ты нет. У нас тут все плавают чуть ли не с пеленок. Да и ты научись! — Он посмотрел девочке прямо в глаза и неожиданно смутился.

Непонятно от чего, смутилась и сама Тася. На пару секунд повисло неловкое молчание. Но Женька быстро его нарушил, пообещав при удобном случае продолжить обучение. После этого они распрощались.

В эту ночь Тася долго не могла уснуть. Она открыла окно и, забравшись на подоконник, смотрела в сторону моря, туда, где тихо плескалась темная вода, где вздыхало и что-то бормотало, словно огромное живое существо, море. И, вспоминая смеющееся Женькино лицо, Тася и сама мягко улыбалась.

Женька не обманул — еще через пару дней Тасе удалось самостоятельно проплыть несколько метров. Потом она, правда, не удержалась и встала на ноги, нащупав ступнями песчаное дно. Но это было ее первое самостоятельное плавание, и это была настоящая победа!! Поняв, что ей все-таки удалось проплыть одной, без Женькиной поддержки, девочка радостно завизжала и от избытка чувств повисла на шее у стоявшего рядом учителя. Женька не ожидал от нее такой реакции, качнулся, и они вместе рухнули в воду.

Потом, громко хохоча и отплевываясь, ребята выбрались на берег и растянулись на горячем песке, подставив солнцу мокрые животы.

— А ты молодец! — похвалил Таську Гомон.

— Спасибо, я старалась. А вообще — это ты молодец, а не я. Я ведь не собиралась учиться плавать. Если бы мне так хотелось, то я бы и у себя в городе в бассейн ходила.

— Так чего же не ходила? — Женька перевернулся на живот и посмотрел на Тасю своими темно-зелеными глазами.

— Не знаю. Лень было, да я как-то и не думала об этом. А тут ты!

— Да чего я, — улыбнулся Женька. — Было бы желание... А вообще, уметь плавать — это дело хорошее, да и для здоровья полезное!

— Это точно! Вот стану я старше, растолстею, как бочка! Я и так чувствую, что поправлюсь здесь — тетя Нина только и кормит нас всякими вкусностями! Так что круглые бока мне обеспечены!

— Да ну тебя, скажешь тоже! — фыркнул Гомон. — Ты вон какая стройная!

Ребята посмотрели друг на друга, и неожиданно что-то промелькнуло внутри у каждого. Это «что-то» было таким неясным и непонятным, но очень ощутимым, словно в их юные головы ворвался жаркий ветерок, летавший

над южным берегом. Он согрел все внутри и как-то странно растревожил. Женька и Тася вдруг смутились, отвели друг от друга глаза. Гомон даже кашлянул и снова улегся спиной на песок, но на этот раз немного подальше от девочки. Однако легкую улыбку ему сдержать не удалось, губы сами собой заулыбались, придавая Женькиному лицу счастливый вид. В светлом летнем небе парило несколько крохотных облачков. Они и на облака-то не были похожи, скорее на легкие росчерки, сделанные кистью невидимого художника. Солнце светило радостно, но, казалось, не обжигало, несмотря на разгар лета. И вообще день был славный и будто бы прозрачный. Хорошо-о-о!

Тася тоже смотрела на небо, видела те же облачка, грелась под тем же солнцем. И, видимо, оттого ей казалось, что сейчас их с Женькой вдруг что-то объединило. Связало еще некрепко, но появилось у них уже что-то общее. И потому Таське было сейчас так хорошо, оттого дышалось свободно и не хотелось уходить с морского берега. Девичье сердечко, даже еще совсем юное, бывает очень чутким...

... А потом был почти целый месяц, который Тася с Женькой проводили в основном вместе. Под чутким гомоновским руководством Таська научилась очень хорошо плавать. «А у тебя талант! — хвалил ее учитель, — можно подумать, что ты давно уже плаваешь! Почти русалка!»

Тасю безоговорочно приняли и друзья Женьки. Они научили ее «печь блины» — то есть кидать в море плоские камешки так, чтобы они не тонули в воде, а, наоборот, отскакивали от нее и, сделав как можно больше прыжков, все дальше убегали от того, кто этот камень бросил.

Таська хорошо загорела и теперь без боязни проводила на солнце много времени. Волосы ее, и без того светлые, выгорели почти добела, и мама стала шутя называть ее блондинкой.

Не удалось Тасе только одно — увидеть дельфинов. Почему-то ей казалось, что, если есть море, то должны быть и дельфины. Но когда она спросила о них Женьку, он сказал, что и сам их давно здесь не видел. «Не знаю почему, но только не плывут они в наши края».

Но вот уже день отъезда не за горами. Вроде бы еще не завтра уезжать, но Тасе временами становилось все грустнее. Пока все было так же — те же хлопоты по дому (надо ведь помогать тете Нине и маме), те же встречи с друзьями. Почти каждый вечер ребята проводили вместе: ходили гулять, купались, играли в карты (одна из девочек, Соня, оказалась очень крутым игроком, даже лучше мальчишек!), просто болтали.

Но, чем бы ни была увлечена Таська, нет-нет, да и ловила на себе взгляд Женьки-Гомона. Если она погружалась в воду, он всегда оказывался поблизости и надежно страховал ее. Если лезла куда-то вверх или же, наобо-

рот, спускалась с приличной высоты, именно Женька протягивал ей свою руку для поддержки.

В последний вечер перед отъездом Таська отпросилась у взрослых и за- сиделась с друзьями на берегу моря. Они развели костер и просто болтали. Хотя все было вроде как обычно, однако все ощущали легкую грусть.

— А знаете, я вот тут подумала... — медленно произнесла вдруг Соня. — Может, это только мне так кажется, но как-то странно... Вот жили мы с вами тут, в поселке, жили... А Таська у себя в городе жила — жуть как далеко отсюда! И знать мы друг про друга ничего не знали. А вот теперь познакомились и привыкли друг к дружке... И так мне жалко, что завтра ты уедешь! Блин, Таська, знаешь, как мне жалко!! Так неохота с тобой расставаться!!!

Остальные ребята согласно закивали головами — да, жаль, что ты уезжаешь, очень жаль!! Услышав это, Тася прерывисто вздохнула и с трудом сглотнула подступивший к горлу ком. Взгляд ее метнулся в сторону Женьки. Он не качал головой. Он просто смотрел на нее. И глаза его были чернее самой черной ночи. Только отблеск пламени костра отражался в его зрачках, но сейчас это казалось не огнем, а бьющейся внутри Женьки болью.

И Тася не смогла отвести взгляда от его глаз. Не обращая внимания на других ребят, эти двое смотрели друг на друга и без слов понимали все, что творилось в их душах. И не ведали они, что их настигло самое сильное, самое прекрасное в мире чувство. Чувство, которое учит летать без крыльев, чувство, которое с давних времен воспевалось самыми лучшими стихами и песнями, и будет воспеваться до тех пор, пока существует человечество. Первая любовь... Она пришла к Тасе и Женьке внезапно, и, на счастье для них обоих, оказалась взаимной.

— Я приеду, я на следующий год опять приеду, обязательно! — дрогнувшим голосом прошептала Тася всем ребятам, но сейчас ее сердце говорило только с одним Гомоном.

И он понял это. Взгляд его потеплел, а губы чуть улыбнулись. Конечно, приедешь, а я буду тебя ждать!

Долго еще сидели ребята на берегу моря, но потом все равно пришлось прощаться. Все вместе проводили Тасю до дома, девчонки расчувствовались и даже расцеловались на прощание, мальчики просто пожали Таськину руку. Потом все разошлись по домам.

...Женька никак не мог спокойно уснуть. Провертевшись в постели без сна, он, едва за окном стало светать, выскользнул из дома. Ноги привычно принесли его на берег моря, туда, где с каменного выступа он впервые увидел эту светловолосую девочку.

Показавшееся из-за горизонта солнце золотило морскую гладь точно так же, как и в тот раз, вот только самой Таси сейчас здесь не было. И еще долго не будет, много-много дней... Целый год...

Женька впервые в жизни ощутил, как он возненавидел это огромное расстояние, которое скоро разделит их, как он возненавидел время, которое будет тянуться так долго!!!

Он глубоко вздохнул. И вдруг глаза его что-то увидели вдалеке. Не веря себе, он вытянулся в струнку, вглядываясь в морскую даль. Не может быть! Невероятно!!! Их же не было в этих краях очень давно! Неужели они все-таки приплыли?!

Да, они плыли к нему навстречу — эти прекрасные морские жители, самые лучшие, самые красивые и умные — ДЕЛЬФИНЫ!!! Их было несколько, целая стайка, и они поочередно показывались над водой, блестя на солнце мокрыми спинами.

— Ребята, миленькие! Подождите немного, пожалуйста! Я быстро, только не уплывайте! — прошептали Женькины губы, и он сорвался с места.

Дельфины, видимо, услышали его просьбу, и, когда через некоторое время он вернулся на берег с только что поднятой с постели и мало что понимающей Тасей, эти волшебные эльфы морей были здесь. Увидев дельфинов, Тася замерла с широко раскрытыми глазами.

— Боже мой, как здорово! — шепотом восхитилась она. — Я уже и не думала, что увижу их!

— Я же тебе говорил, что они сто лет сюда не заплывали! Это они только сейчас... Как будто специально для тебя! — так же шепотом отозвался Женька.

А дельфины, увидев ребят на берегу, повели себя немного странно. Они стали приближаться к берегу, а потом немного отплывать обратно. И делали так несколько раз, пока Женька, сообразив вдруг что-то, быстро не скинул одежду и не вошел в воду. В несколько гребков он отплыл от берега, и дельфины неожиданно поплыли ему навстречу. Потом они словно приняли мальчика в свою стаю и стали плавать вместе с ним, даже играть. А потом пара дельфинов снова устремилась к берегу, туда, где со слезами на глазах за ними наблюдала Тася.

И она приняла их приглашение. Без боязни девочка вошла в море и, помня наказания Женьки, неторопливо поплыла к остальным. Когда она оказалась на допустимой глубине, пара дельфинов разделилась и поплыла рядом с нею, словно охраняя Тасю с обеих сторон.

А потом было настоящее чудо. Тася и Женька плавали вместе с дельфиньей стаей, играли с ними, гладили их мокрые спинки, дельфины тыкались своими мордочками в ладони ребят, а время от времени дугой взлетали над переливающейся золотом морской гладью и издавали разные по тональности звуки.

Это была настоящая песня! И вставшее из ночной колыбели солнце озарило истинное волшебство — пели дельфины, пело море, и вместе с ними пели два юных сердца! И это была одна из самых прекрасных в мире песен — песня первой любви! □

От первой звезды до крещенской воды

Святки начинаются 6 января в Рождественский сочельник и длятся до Крещения 19 января.

На Руси всегда являлись главным, самым веселым зимним праздником, посвященным языческому богу Святовиту.

К сожалению, многие традиции этого праздника оказались утерянными или забытыми. Стоит попробовать вспомнить самые, пожалуй, любимые когда-то в народе обязанности каждого доброго христианина на Святки. А также те забавы и ритуалы, которые были распространены на Руси еще во времена язычества.

Действие многих произведений русской литературы совершается на Святки. Это не случайно: с одной стороны, Святки — время всяческих чудес, необыкновенных происшествий, время преображения мира,

смещения привычных ценностей. Таково время Святков в «Ночи перед Рождеством» Н.В. Гоголя, в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Но, с другой стороны, это и время хаотического смешения всего, время опас-

ное, странное, время, несущее неясные перемены, чреватое, возможно, гибельными событиями.

Впрочем, провести четкую границу между этими двумя сторонами Святка вряд ли удастся. Во втором томе «Войны и мира» есть несколько эпизодов, события которых разворачиваются в имении Ростовых на Святки. В один из вечеров появляются ряженые: «Наряженные дворовые: медведи, турки, трактирщики, барыни, страшные и смешные, принеся с собою холод, сначала робко жались в передней; потом, прячась один за другого, вытеснились в залу; и сначала застенчиво, а потом все веселее и дружнее начались песни, пляски, хороводы и святочные игры».

Молодежь в доме Ростовых тоже вовлекается во всеобщее веселье, в переодевание, в святочные проказы.

Говоря о Святках и народной демонологии, нельзя не вспомнить Гоголя. События почти всех повестей из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», так или иначе, связаны с потусторонним миром, нечистой силой, а часть сюжетов разворачивается именно в период календарных праздников. Особенно в «Ночи перед Рождеством». В повести, как это и положено на Святки, много смеха, веселья, озорства. Черт не страшен и в конечном итоге будет побежден.

С самого первого появления нечистой силы в повести страх отменяется, снимается ироничным тоном рассказа. Смех и страх — несовместимы. Мы с удовольствием будем

читать о том, как черт обжигает пальцы, пытаюсь стянуть с неба месяц, как будет рассыпаться мелким бесом (каламбур здесь более чем уместен) перед Солохой:

«Черт между тем не на шутку разнежился у Солохи: целовал ее руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал и сказал... что готов на все: кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло».

И вполне в духе святочных превращений окажется эпизод, когда ухажеры Солохи попадут в один и тот же мешок и будут сидеть друг у друга на голове — и в самом низу, естественно, черт. Эта сцена как бы рифмуется со знаменитым полетом кузнеца Вакулы на черте в Петербург — в обоих случаях нечистая сила побеждена, осмеяна самим своим положением в пространстве, «оседлана». Такими увидел Святки Гоголь.

Святочное веселье представлено в повести «Ночь перед Рождеством» с большим знанием дела — известно, что Гоголь внимательно изучал фольклор, народные обычаи, пытаясь постичь через них дух своего народа. Ему с блеском удалось передать саму атмосферу праздника Святка, атмосферу игры и разнообразных превращений.

Одно из обязательных действий на Святки — гадание. Святочные гадания разнообразны и многочисленны. Одни из них — скорее шутки, чем гадания. Бросят, например, девушки за ворота валенок и смотрят, в какую сторону носком лег — от-

туда и жених. Или бегут спрашивать у первого прохожего имя — так и жениха будут звать.

Можно было также подойти к поленнице и взять вслепую первое попавшееся полено: если гладкое на ощупь — жених будет красивый и добрый, а если сучковатое, с занозами, то и будущий муж будет с плохим характером и неприглядный на вид.

Излюбленным гаданием было гадание на воске: горящую свечу наклоняли над стаканом с водой, капавший

воск в воде застывал и принимал самые разнообразные формы. По контурам расплавленного воска пытались угадать будущее. А в будущем девушку (а именно девушки, иногда под руководством более старших женщин, занимались на Святки гаданиями) интересовало, прежде всего, выйдет ли она в этом году замуж или еще останется «в девках», будет ли богата или бедна, вообще будет ли жива или умрет.

Если же девушка хотела узнать свою судьбу по-настоящему, без об-

мана, то нужно было выбирать гадания пострашнее и посерьезнее — уже не шутя встречаться с потусторонним миром, что может закончиться и смертью. Часто гадали ночью в темной бане или комнате, со свечой и зеркалом, в котором должен был появиться «суженый-ряженый». Гадали и на перекрестках дорог: в полночь, сев на перекресток, очертившись защитным кругом, девушки вызывали нечистую силу и слушали. По характеру звуков, доносящихся до них, они старались угадать будущее.

Многие гадания упомянуты в балладе В.А. Жуковского «Светлана».

*Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали;
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клади перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.*

Что же это за подблюдные песенки, и как с помощью их гадать? В.А. Жуковский достаточно точно описал сам обряд: девушки складывали в большую чашу или блюдо колечки, сережки или какие-нибудь другие украшения, наливали воду, закрывали чашу платком и под пение особых коротеньких песенок вытаскивали колечки по очереди.

К владелице украшения и относилась спетая только что песенка. По содержанию подблюдные песни не были разнообразны — в них, как и в других гаданиях, предсказывались свадьба или смерть, счастье или несчастье, богатство или бедность. Но предсказание было зашифровано в текстах песен, представлено в виде каких-то символических картинок — поэтому количество известных фольклористам текстов очень велико.

ниями считались те, которые приходились в ночь перед Рождеством и в канун Крещения.

Все двенадцать дней праздника никто не брался за работу по вечерам, опасаясь беды. Этот запрет касался абсолютно всех. Считалось, что Бог накажет того, кто продолжает работать в Святки.

Если кто-то осмеливался шить одежду или плести лапти, то у них от гнева Божьего мог стать скот кривым, а то и вовсе слепым. А тот, кто

Впрочем, символы разгадывались, как правило, легко. Если, например, в песенке пелось про то, как кошечка ведет за собой котика, то всем было понятно, что речь идет о свадьбе. Если же за кошечкой шли котята, то у девушки будет много детей.

А вот такая песня предсказывала бедность:

*Ходит старушка посреди избы,
На ней сарафан весь истрескался,
Весь истрескался, изверескался.*

Святочные гадания проходили две недели, но самыми значимыми гада-

игнорировал праздники и продолжал изготавливать предметы быта, — грозил оставить скотину без приплода. Тем, кто нарушал данный запрет, все деревенское сообщество выказывало сильное неодобрение.

Следующие семь святочных дней считались временем бесов — разгулом для всякой нечисти. Люди полагали, что в этот момент души тех, кто умер, возвращаются, нечистая сила начинает потехи, а ведьмы устраивают шабаш. Согласно поверьям, Бог открыл адские врата для того, чтобы

различная нечисть — бесы и черти — получила возможность отпраздновать великое Рождество.

Главным отличительным знаком Святков всегда были заклинания на весь год и гадания о будущем, чтобы узнать о предстоящем урожае. Цель обрядов также состояла и в общении с духами, так как искренне считалось, что благополучие в мире мертвых — для народа означало счастье в мире живых. По поверьям, нечисть проникала в мир живых. Для того, чтобы от нее защититься, люди на окнах и дверях рисовали кресты.

Традиционно, в самые первые дни праздника необходимо было посетить родных, знакомых, близких и друзей. Нужно было всем дарить подарки, так как этот ритуал — своего рода память о подношениях, которые когда-то были принесены волхвами.

В Святки обязательно нужно было вспомнить убогих, больных, бедных и любых нуждающихся людей. Необходимо было навещать разные приюты, детские дома и дома престарелых, а также больницы и тюрьмы.

В прошлые времена в эти праздники тюрьмы посещали тайно переодетые в простых людей цари, для того чтобы подать милостыню осужденным.

Верующие должны были обязательно посещать богослужения для прославления Господа, который отправил Иисуса Христа на Землю. Во время праздников каждый уважающий себя христианин обязан был

отслужить в церкви хотя бы одну службу.

Православные проводят один из главных обрядов праздничного периода — святочные колядования, который включает в себя пение благостных песен — колядок, славящих Спасителя и Рождество. Целью колядования считалось пожелать всем благосостояния, хорошего урожая и максимального достатка.

Из домов в дома ходили колядующие небольшими группами, как правило, детвора, переодетая или ряженая в образы разных животных, кикимор или даже бесов. Ряженая детвора пела поздравительные колядки, плясала, веселила хозяев, а по окончании требовала угощений, после которых снова плясала, теперь уже в знак благодарности за полученные дары.

А каждая хорошая хозяйка считала своим прямым обязательством одарить ряженых выпечкой, конфетами и другими сладостями. Было принято считать, что от угощения и подарков колядующих напрямую зависел достаток в будущем году.

В ночь на Коляду разжигали костры, которые горели все 12 дней. С высокой горы было принято пускать вниз горящее колесо, которое символизировало уходящий год со всеми его неприятностями и невзгодами.

В домах отгадывала загадки, пела песни и плясала ряженая молодежь, главной задачей которой являлось приманить удачу и избежать

неурожая. Многие песни исполнялись под действия, которые изображали земледельческие работы.

Особое место было отведено приметам, по которым пытались определить достаток в хозяйстве и угадать погоду в течение всего предстоящего года.

У православных христиан святочные угощения считались больше символом праздника, чем насыщением. К столам подавались пироги и разные

ца. Готовили разные печенья из пресного теста, которое называлось колядками.

Символом благосостояния и будущего удачного урожая считался жареный поросенок, которому люди особо отдавали свое предпочтение. Подавали поросенка на столы непосредственно в Рождество. В святочные праздники также употреблялись и остальные особые деликатесы из мяса: гуси, куры, дичь и баранина.

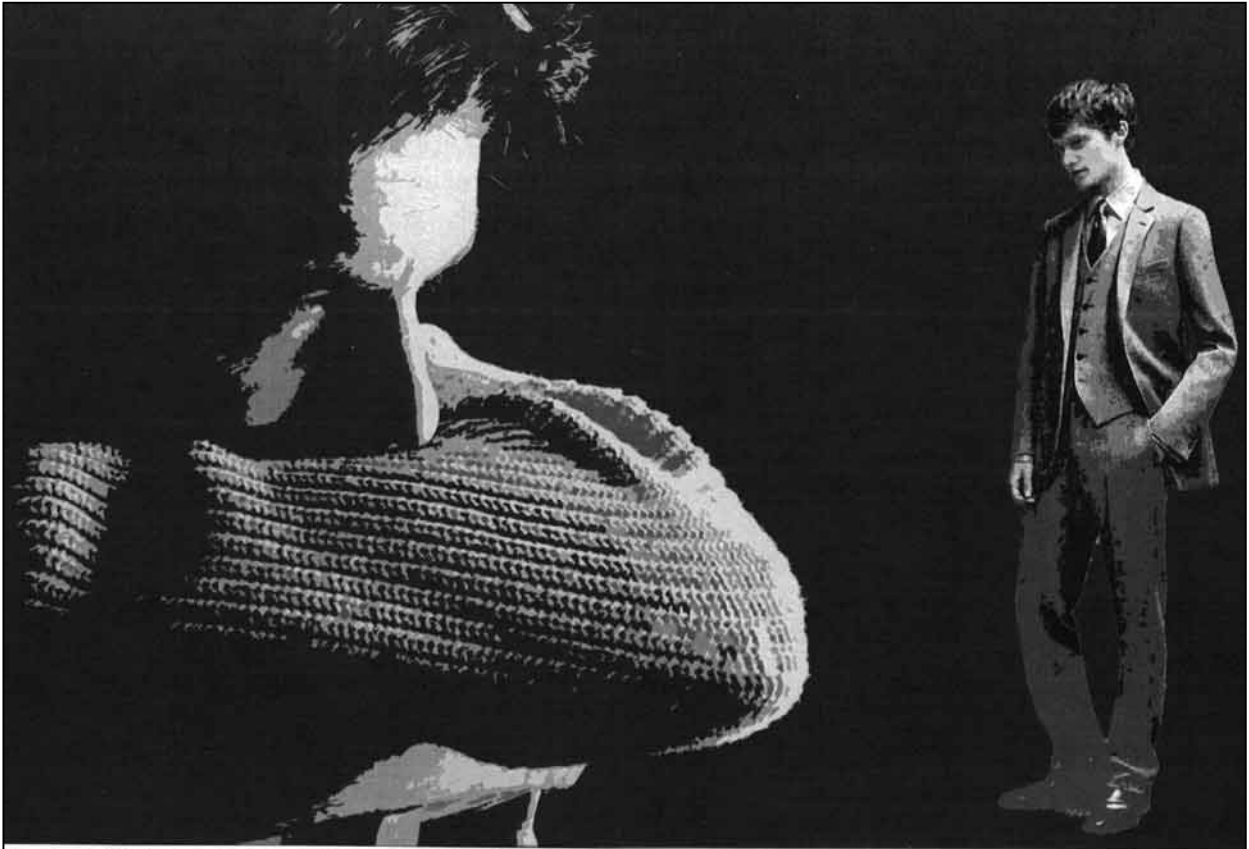
К.Е. Маковский.
«Святочное гадание»

пряники, традиционная кутья, которая по обычаю состояла из зерна и меда. В домах побогаче люди могли себе позволить приготовление кутьи с добавлением орехов и даже изюма.

На столы подавался также узвар — популярный напиток, в состав которого входили мед и сухофрукты.

Традиционно в святочные праздники пекли блины, которые являлись символом тепла, света и солн-

ца. После того как гуляния подходили к концу, 19 января все приходили к замершим водоемам и окунались в освященную прорубь крестообразной формы, украшенную разноцветными лентами и разными формами из дерева, чтобы смыть и очиститься от всех своих грехов, от которых людей освобождало великое водосвятие на Крещение Господне — символ очищения и возвращения порядка. □

12

Злополучный понедельник, навсегда оставшийся в памяти Виктора Бекушева днем-чемпионом по бестолковости, абсурдности и безрезультатности, ознаменовал начало самой неудачной рабочей недели за всю его милицейскую карьеру. Во вторник Виктор ехал на Петровку, полный решимости вытряхнуть душу из коллег покойной Морозовой, устроивших накануне коллективную пьяную истерику с элементами то ли безобразного фарса, то ли высокой трагедии. Однако на «летучке», традиционно проводимой Песичем по утрам, выяснилось, что на их многострадальный отдел свалилась новая напасть в виде убийцы-маньяка. Не лишенный своеобразной художественной жилки, изувер облачал зверски умерщвленных мужчин и женщин в яркие искусственные шелка и оставлял на берегу какого-либо водоема, придав мертвому телу позу глубокой задумчивости.

Первую жертву маньяка, мужчину, нашли чуть больше месяца назад на северо-востоке Москвы, под горбатым пешеходным мостиком через Язу. Поскольку было еще неизвестно, единичное это убийство или начало серии, дело оставили в окружной прокуратуре. Вторая жертва, женщина, встретила свою злую судьбу две недели спустя, но в столичные сводки не попала — на сей раз маньяк художественно разместил фигуру под ивой, над текучими водами подмосковной речки Уча. Третий несчастный, снова мужчина, угодил в лапы садиста вечером вчерашнего проклятого понедельника и был обнаружен ранним утром тоже под мостом, неподалеку

Продолжение. Начало в №12, 2022.

от платформы «Москворечье». Как и в первых двух случаях, все одеяние жертвы состояло из несуразной женской ночной рубашки ацетатного шелка, ярко-оранжевый цвет которой следователь районной прокуратуры, выезжавшая на первый труп, поэтично обозвала в протоколе «шафранным». Эта характерная деталь, врезавшаяся в память кому-то из дежурных по городу месяц назад, позволила быстро объединить два московских трупа в серию, а после соответствующего запроса добавить к ним и подмосковный. Засим, как и следовало ожидать, дело радостно передали в горпрокуратуру, которая быстренько подключила Петровку. Песич бросил на поимку маньяка лучшие силы отдела, в том числе и Бекушева с Халецким. Два с половиной дня ударная бригада рыскала по городу и области, пытаясь выявить свидетелей, видевших, как убийца извлекал тела из машины или пристраивал их на берегу, определить хотя бы приблизительно географическое положение берлоги, где маньяк расправлялся с жертвами, установить фирму-производителя шафранных ночнушек (как выяснилось, давно почившую в бозе), нащупать связь между погибшими, найти хоть какую-нибудь общность в их знакомствах, интересах, образе жизни и манере поведения.

К исходу четверга стало ясно, что раскрыть преступление по горячим следам не удалось. Песич отменил аврал, милостиво позволив подчиненным заняться и другими делами, спешно оставленными ради поисков маньяка. Получив высочайшее дозволение, Виктор сломя голову помчался в гнездо рекламщиков, почтовиков и дизайнеров, гадая, успеет ли добраться до конца рабочего дня. Без пяти семь он взбежал на крыльцо особняка, мысленно ликую: «Успел!», но на этом везение кончилось.

Первым делом Виктор отправился в офис рекламного агентства и пожелал увидеть Николая Усова, чьи бегающие глазки не давали ему покоя с самого понедельника. Тут-то и выяснилось, что оперативник пропустил много интересного. Усов бесследно исчез по пути на работу во вторник утром, и как раз сегодня его обезумевшая от тревоги мать уговорила милиционеров родного отделения принять от нее заявление. Но это еще не все. В среду таинственным образом пропал директор агентства почтовой рассылки Эдуард Вязников, один из самых близких друзей покойной Морозовой. Обстоятельства второго исчезновения выглядели еще загадочнее первого, поскольку произошло оно практически на глазах у коллег. Вчера, в одиннадцать утра Вязников приехал на встречу с клиентом. Без пятнадцати двенадцать стороны пришли к соглашению об условиях будущего контракта, директор «Голубя» пообещал подготовить текст договора и проводил клиента до дверей. В холле Вязникова перехватила Полина Кузнецова, исполнительный директор «Пульса». Она сообщила о звонке

изнемогающей от тревоги матери Усова и попросила совета. Обсудив положение, обе пришли к выводу, что бить в набат пока не стоит, возможно, Николай, основательно перебравший в понедельник, мог стать жертвой заурядного запоя и вполне типичного в таких случаях провала в памяти.

После разговора с Полиной Вязников вернулся к себе в офис и около часа работал над очередным отчетом для клиента. Потом передал свои записи секретарю, поручив ей набрать текст на компьютере, и объявил, что прогуляется до дизайн-студии. Его визит привел к мелкому инциденту, быстро исчерпанному благодаря вмешательству директора студии. Один из художников, некий Михаил Король по прозвищу «Чезаре», принес из дома портрет Морозовой, написанный несколькими месяцами раньше. Покойная не любила фотографироваться, поэтому портрет оказался чуть ли не единственным ее изображением, оставшимся в распоряжении коллег. Увидев его, Вязников с ножом к горлу пристал к автору, выпрашивая портрет на память. Чезаре наотрез отказался как подарить, так и продать свою работу, сказав, что эта вещь дорога ему самому. Директор «почтовиков» продолжал настаивать, и они едва не повздорили. Тогда директор дизайнеров предложил сфотографировать картину, отсканировать снимок, увеличить и раздать копии всем желающим. Вязников согласился и отправился в «Пульсар» за светочувствительной пленкой. Рекламщики предложили ему поискать пленку в столе Усова. Покопавшись там, Вязников вышел от рекламщиков и заперся в конференц-зале. Больше его никто не видел.

Вернувшиеся после обеда сотрудницы агентства «Голубь» обнаружили, что пальто их обожаемого директора, висевшее в офисе, исчезло. Поначалу девушки не особенно обеспокоились — мало ли куда и по каким делам могло уехать начальство. Однако когда директор не явился сегодня утром, — а по предварительной договоренности с клиентом именно на сегодня было запланировано подписание выстраданного накануне контракта, — их беспокойство заметно усилилось. Ему несколько раз звонили и домой, и на мобильный — без ответа. Курьер, отправленный к нему на квартиру, явился ни с чем.

Работники всех трех злополучных фирм почувствовали себя пассажирами тонущего лайнера. Если убийство неизвестного, произошедшее у них под носом, взбудоражило их и слегка выбило из колеи, а гибель Ирен потрясла и повергла в ужас, то неведомая и потому самая страшная судьба двух исчезнувших коллег породила панику. Виктор безошибочно узнал ее признаки в пронзительно звенящих голосах, резких репликах, рыданиях, напряженных позах, беспокойно снующих туда-сюда руках.

Хотя рабочий день закончился, все сбились в конференц-зале и, старательно хмурия лбы, пытались вспомнить хоть какую-нибудь мелочь, спо-

собную пролить свет на события последней недели. На Виктора обрушили массу подробностей, наблюдений, толкований и догадок, но ничего полезного для себя он из этой информации не выудил. Только одно сообщение показалось достойным внимания.

— По-моему, исчезновение Эдика каким-то образом связано с тем, что он рылся в столе Мыколы, — предположила Полина. — Никто не заметил, было ли у него что-нибудь в руках, когда он выходил от нас, но пленки, ради которой и затевались поиски, в дизайн-студии так и не дождались. А в ящике, между тем, лежат две или три коробочки. Думаю, Эдик наткнулся на что-то чрезвычайно важное, настолько важное, что забыл о репродукции, которую очень хотел получить. Может быть, Мыкола оставил записку?..

Виктор и раньше подозревал, что Николай Усов располагал сведениями, которыми не торопился делиться со следствием, теперь же уверился в этом окончательно. Почему парень, демонстрирующий дружелюбие и открытость, вдруг резко сменил курс? Побоялся расправы? Спасовал перед угрозой разоблачения какой-нибудь неприглядной тайны? Или, наоборот, сам решил шантажировать преступника? Что ни возьми, а записка, уличающая убийцу, — логичная мера предосторожности со стороны носителя опасной тайны. Но что, в свете этой версии, означает исчезновение Вязникова? Может быть, прочитав записку Николая, он захотел лично свести счеты с убийцей дорогого ему человека? А вдруг Вязников и есть убийца? Возможно, прочитав и уничтожив записку, он начал опасаться, что это не единственная страховка Усова, и скрылся от греха подальше, ожидая, как будут развиваться события.

— Как вы думаете, у кого Вязников попросил бы убежища, если бы решил скрыться? — спросил он.

— У Эдика очень много приятелей, — покачала головой Полина. — Думаю, о многих мы даже не слышали. Но если он жив и здоров, то непременно придет завтра на похороны Ирен.

Виктор не разделял ее уверенности, но отложил вопрос до завтра. Если у Вязникова и впрямь так много приятелей, его поиски займут не один день. А пока можно наведаться к матери Усова, проверить, не припрятал ли он дома вторую записку, не намекнул ли родным, откуда ждет беды.

Свидание с Верой Николаевной Усовой стало тяжелым испытанием. Ее запавшие глаза, набрякшие веки, красные пятна на лице, дрожащие губы и нестерпимый запах аптеки в доме — все кричало о горе, навалившемся на немолодую уже женщину.

— Я чувствую, с Коленькой случилось что-то страшное, — шептала она, комкая в руке мокрый платок. — Вы ведь знаете: между матерью и ребен-

ком существует неразрывная связь, она рвется только со смертью одного из них, и я... я чувствую... не могу выговорить эти страшные слова...

— И не нужно, — убежденно сказал Бекушев. — Я знаю, неопределенность — это очень тяжело, но она оставляет надежду. Давайте попытаемся сделать все возможное, чтобы найти вашего сына здоровым и невредимым. Расскажите, пожалуйста, все, что помните: как Коля выглядел, уходя позавчера на работу, в каком был настроении, не говорил ли о том, что собирается с кем-то встретиться или куда-то заехать по пути?

— Нет, ни о чем таком речи не было. Коля и так опаздывал и заметно нервничал... А выглядел он неважно. Вы, наверное, слышали, в понедельник у них на работе случилась какая-то крупная неприятность. Я даже не поняла толком, какая. Коленька приехал в таком состоянии... никогда его таким не видела. Пришел, упал на пол лицом вниз — прямо в куртке, в ботинках... Еле-еле его растормошила, довела кое-как до кровати. Ночью ему было так плохо, я думала, утром он не поднимется, а когда встал, даже уговаривала отлежаться денек. Но Коленька только отмахнулся. Не могу, мол, мать, заказов очень много, каждый час на счету. Он у меня такой ответственный...

— А он как-нибудь объяснил, почему напился?

— Я же говорю: ночью ему не до того было, а утром пробормотал что-то насчет неприятностей на работе. Я так поняла, что неприятности связаны с тем мертвым бандитом... Вы ведь знаете, что у них на прошлой неделе нашли мертвеца?

— Знаю, — подтвердил Виктор. — А вам Коля рассказал?

— Да, конечно. Приехал в прошлый четверг весь такой возбужденный. Мама, говорит, у нас такое случилось! Праздновали день рождения в двух шагах от покойника. Вот переполоху было, когда этот сюрприз обнаружился! От чего умер — непонятно. Но так он это сказал, что я не поверила. Присмотрелась повнимательнее, а физиономия у моего сыночка хитрющая. Признавайся, говорю, ты что-то знаешь. А он отвечает: «Не знаю, но подозреваю. Похоже, убили этого типа. И я даже догадываюсь, кто. Посмотрим теперь, долго ли ей осталось потешаться».

— Вы догадались, кого он имел в виду?

— Конечно. Коленьку на работе все любят. Только одна мегера вечно к нему придирается, насмешничает, нападает, буквально проходу не дает. То ли из зависти, то ли с досады, что Коля на нее внимания не обращает. Знаете, бывают такие стервозные бабы...

— Коля называл вам ее имя?

— Ириной ее зовут. Или еще — Ирен. Знаете такую? Я ему говорю: «Коленька, если ты подозреваешь ее в убийстве, иди завтра прямо с утра

в милицию и обо всем им расскажи». А он: «Не волнуйся за меня, мама. Она и не догадывается, что я ее подозреваю».

— А он не сказал, чем вызваны его подозрения?

— Нет. Напустил на себя такой таинственный вид. Он ведь у меня в душе совсем еще мальчишка...

Вера Николаевна заплакала. Виктор выдержал сочувственную паузу, потом задал новый вопрос:

— А в пятницу Коля ничего нового не рассказывал?

Она отняла от лица платок и, посмотрев на него с каким-то непонятым выражением, ответила:

— Нет. А знаете, я сейчас подумала: он ведь какой-то странный в пятницу пришел. Задумчивый, молчаливый. На Коленьку это совсем не похоже. Я даже забеспокоилась: не заболел ли? Заглянула к нему в комнату, а он сидит за столом, пишет что-то. Услышал, как я вошла, закрыл бумагу ладонью, другой рукой помахал мне — не мешай, мол.

— Вера Николаевна, — взмолился Виктор. — Позвольте мне, пожалуйста, осмотреть комнату вашего сына.

— Ну что же... если это необходимо...

Осмотр занял полчаса, но результат был нулевой, если не считать таковым знакомство с обширной коллекцией порнографических журналов и снимков, припрятанных в укромных уголках Колиной комнаты. Виктор изучил буквально каждую бумажку, попавшуюся ему на глаза, но вожаделенной записки не нашел. Забрав, с разрешения Веры Николаевны, две старые записные книжки Николая, он простился с несчастной женщиной и поехал домой.

В пятницу ни Вязников, ни Усов на похороны Морозовой не пришли. Бекушев подозревал, что так оно и будет, но все равно был разочарован. Коллеги же Ирен, Эдика и Николая окончательно пали духом. Разглядывая хмурые, заплаканные, потерянные лица, Виктор думал, что никогда еще не бывал на похоронах, где царило бы столь тотально похоронное настроение. Люди выглядели даже не подавленными, а раздавленными горем.

Тут одна из створок тяжелой бурой двери под вывеской «Морг» приоткрылась, в щель выглянула невзрачная востроносая тетка и деловито выкрикнула:

— На Морозову у кого документы?

От группы провожающих отделилась Полина и поспешила к двери, на ходу открывая сумочку. Переговорив о чем-то с теткой, она обернулась, махнула рукой и скрылась в здании. Повинуясь ее знаку, двое мужчин — Кулаков, он же Эжен, и Король, он же Чезаре, — подошли к задней двери автобуса-катафалка, приняли гроб и занесли его следом.

«Стало быть, организацию похорон взяли на себя сотрудники Морозовой, — догадался Виктор. — Странно. Правда, Халецкий говорил, что сожитель Ирен в больнице, а родственники ее не жаловали... Но не до такой же степени, чтобы наплевать на всякие приличия... А подруга, верная Лизавета, не оставлявшая Ирен ни в здравии, ни в хвори? Неужели она тоже не пришла?»

Он огляделся, и только сейчас заметил незнакомую пару, стоящую поодаль. Человек лет тридцати пяти-сорока, высокий, рыхловатый, и девушка. В автобусе Виктор их не видел, значит, приехали отдельно, своим ходом. Кто они? Родственники? Знакомые?

Мужчина стоял, опустив непокрытую голову. Мокрые пряди волос облепили лоб, по щекам и подбородку медленно катились капли — то ли слезы, то ли талый снег. А девушка... Вот она, случайная пташка, залетевшая поглазеть на чужую скорбь. На лице написаны любопытство и... что? Нетерпение? Азарт? Беспокойство? Кого-то она выискивает глазами. Вон, взяла спутника за рукав, уговаривает подойти ближе. Кто же это? Неужели дочь Морозовой? Да, прав Халецкий, — тот еще экземпляр!

Обе створки двери снова открылись. Первой вышла Полина. Затем Эжен и Чезаре тяжело выкатили высокую тележку со стоящим на ней гробом. Еще два человека отделились от остальных и поспешили к ним на помощь. Толпа расступилась, освобождая проход к катафалку.

В эту минуту кто-то крепко стиснул локоть Виктора. Он обернулся и увидел Халецкого, но в первый миг его не узнал. Борька — знаменитый на все ГУВД трепач, паяц, симулянт и сибарит — выглядел, словно гончая, учуявшая зайца. В глазах — огонь, ноздри трепещут, тело подрагивает...

— Борис? Ты что здесь делаешь?

— Ш-ш! Быстро пошли отсюда! Ну, давай же, шевелись!

— Неудобно как-то уходить, похороны все же... Куда ты меня тянешь?

— В машину. Прекрати вырываться, веди себя прилично. Неудобно ему! Сейчас ты у меня забудешь про неудобства.

— Да что случилось?! Террористы взорвали Кремль?

— Хуже! Мы лишились всех свидетелей.

— Ты про Усова с Вязниковым? Так я уже знаю.

— Как, еще и Усов?! Твой лепший кореш с бегающими глазками? И он пропал? Как? Когда?

— Во вторник утром, по дороге на работу. А в среду исчез Вязников — прямо с работы.

— Пых, помяни мое слово: мы имеем дело с нечистой силой. Давай полезай в машину, ибо стоя мои новости выслушивать не рекомендуется.

Виктор покорно сел на пассажирское сиденье дряхлой Борисовой «копейки» и приготовился слушать.

— Вчера, получив благословение папы-Песича, поехал я в больницу, повидаться с загадочным сожителем Ирен, — газанув с места, начал Халецкий. — Ты будешь смеяться, но меня замучило жгучее любопытство по поводу его мрачного прошлого. В больнице мне сообщили, что Петр Кронин во вторник отказался от их услуг, собрал вещички и укатил домой. Я спросил, переписали ли они его паспортные данные — меня интересовала прописка. Мне объяснили, что Кронин лежал в платном отделении, его лечение оплатили за несколько дней вперед, поэтому в паспорте и страховом полисе нужды не возникло, а в регистратуре переписали данные с журналистского удостоверения пациента. Данные, скажите, пожалуйста! Знаешь, что под ними подразумевалось? Имя и фамилия! Даже отчества нет, не говоря уже про год и место рождения.

— А кем выдано журналистское удостоверение?

— Спроси что-нибудь полегче. В регистратуре считают, что эта информация не заслуживает внимания. Только и запомнили, что оно международного образца, — имя и кириллицей и латиницей пропечатано.

— А кто оплатил лечение?

— Лизавета, подруга Ирен. Она оставила номер телефона лечащему врачу, просила звонить, если что. И навещала больного тоже она, сиделка по описанию признала. В общем, из больницы я поехал в дом Ирен. Решил, что найду сожителя там, а если нет — узнаю его адрес у Лизаветы. Приехал. Звоню в квартиру Ирен — никого. Звоню в квартиру Лизаветы — тоже тишина. Звоню к соседям — ничего не видели, ничего не знают. Ладно, думаю, у меня в запасе есть еще один свидетель — Вязников. Лизавета говорила, что он дружил с Ирен, захаживал в гости, стало быть, с сожителем знаком и, быть может, знает, где его искать. Приезжаю к Вязникову, звоню в квартиру. Как ты думаешь, что происходит? Правильно: ничего. За дверью глухо. Хорошо хоть соседи объяснили мне, что жена Эдика за границей, контракт у нее на три месяца, а его самого они видели накануне, то есть в среду утром. Он торопился на важную встречу и вообще вид имел хмурый. И все. Больше соседи его не видели и не слышали. Я снова поехал к Лизавете. На часах — первый час ночи. Думаю, должна уже вернуться, у нее дочь — школьница. Черта с два! Школьница с папочкой оказались в наличии, а Лизавета — как бы не так. Муж ее сам ума не приложит, что произошло. Они с дочерью ездили в гости к своим родителям, а Лизавета отказалась, сославшись на необходимость приглядывать за соседом. Муж поворчал немного для виду, но уступил. Лиску, говорит, не перевоспитаешь, она с детства всякую беспризорную живность, всякую бродячую

собаку в дом тащит, спорить с ней — себе дороже. В общем, уехали они вдвоем с дочерью. Возвращаются — на кухонном столе записка: «Тема, Ритунчик, мне нужно срочно уехать на несколько дней. Вернусь — все объясню. Целую, мама». Артем бросился к соседу — никого. Позвонил в единую справочную по больницам — ни Петр Кронин, ни Михаил Кронин, ни Елизавета Волчек в их списках не значатся. Проверил одежду жены — вроде все на месте. Нет только пальто, сапог и сумочки с документами.

— Ну и что, по-твоему, все это значит? — поинтересовался Виктор.

— Хороший вопрос. А главное — уместный, — съязвил Халецкий. — По-моему, это значит, что против нас играет сам шайтан. В одной команде с убийцей Козловского. Смотри, какая дивная картина получается! В четверг труп Козловского находят в холле особняка, где работает чертова пропасть двигательщиков торговли, не считая дантиста с медсестрой. Убийство происходит на пересечении всех торных троп, но, тем не менее, убийце удается обделать все втихаря. В пятницу больная Ирен за каким-то лешим вылезает из теплой постели и попадает под колеса неизвестного авто с неизвестным водителем. В понедельник ты сидишь в этом гадюшнике, когда нашим подозреваемым сообщают, что их любимая сотрудница погибла, однако никто не спешит с саморазоблачениями и вообще ничем себя не выдает — это под твоим-то бдительным оком! Единственный, на чьем лице читаются признаки то ли вины, то ли большей по сравнению с другими осведомленности, ускользает от тебя между пальцев и на следующий день, во вторник, растворяется в туманной дали. В среду его примеру следует близкий друг убиенной Ирен. В четверг испаряются сразу трое: возлюбленный Ирен с младенцем и ее ближайшая подруга, она же соседка. Не удивлюсь, если сегодня все три фирмы прекратят существование по причине повального переселения штата сотрудников в тонкие миры. И если ты предложишь разумное объяснение всей этой чертовщине, я буду счастлив.

— Предложу, — скромно признался Виктор.

Халецкий выпустил руль и всем корпусом повернулся к другу:

— Выкладывай!

Виктор начал с рассказа об обстоятельствах исчезновения Вязникова, а потом вдохновенно изложил свою версию.

— Допустим, что Козловского убил Вязников, а Морозова видела их вместе. Когда труп обнаружили, она, разумеется, промолчала — из дружеских чувств к своему Эдику. Возможно, Ирен просто не хотела верить, что он убийца. Но, терзаемая подозрениями, в пятницу все же позвонила Вязникову, чтобы либо подтвердить их, либо убедиться в его невиновности. Усов случайно подслушал разговор и понял, что Вязников беседует

с Ирен и назначает ей встречу. А может, и не случайно: Мыкола подозревал в убийстве Козловского свою врагиню и мечтал вывести ее на чистую воду. Сначала разговор показался ему невинным. Но когда стало известно, что в тот же вечер Ирен погибла, Колюня заподозрил неладное. Не знаю, что он предпринял. Может, вообразил себя сыщиком-любителем и попытался самостоятельно разоблачить убийцу, может, решил подзаработать шантажом, но, так или иначе, он дал Вязникову понять, что знает о его встрече с Ирен...

— И Вязников каким-то образом избавился от шантажиста, или там сыщика-любителя, а потом наткнулся в его столе на изобличительный документ. Испугавшись, что это письмо может быть не единственным, предусмотрительный Эдик «сделал нам ручкой». Но каким образом он замешан в исчезновении близких Ирен? Заметь, они даже на похоронах не появились. Лучшая подруга и любимый мужчина! По-моему, это возможно только в двух случаях: либо они до такой степени напуганы, что удрали из города, либо их обоих уже нет в живых. Даже троих, считая ребенка. Неужели Вязников похож на такое чудовище? Устроить бойню, избавиться от трупов и не оставить следов... Сомнительно... Не верится мне ни в кровавого маньяка Эдика, ни в его хитроумные замыслы...

— И куда мы так мчимся? — перебил Бориса Виктор. — И вообще, как ты меня нашел и зачем уволок с похорон?

— Нашел случайно. Заехал на минутку взглянуть, не придут ли Лизавета с Крониным отдать покойной последний долг, гляжу — ты! А уволок, потому что мне нужна помощь. Одна приятная новость у меня все-таки есть: я напал на след Козловского. Оказывается, последнее время он постоянно крутился на знакомой тебе улице. Две недели проработал охранником в супермаркете, что через дорогу, наискосок от нашего особняка, десять дней — грузчиком на картонной фабрике, что слева. Чует мое сердце: остальные три месяца из четырех после взрыва Козловский так же ударно трудился на близлежащих предприятиях. Представляешь, сколько народу нам придется опросить, выясняя, что он там вынюхивал?

13

Похороны не произвели на Людмилу того впечатления, которого она ждала. Ну, гроб и гроб. Знание, что в нем лежит «эта тварь», ее не волновало.

Людмила не могла припомнить, чтобы когда-нибудь так сильно злилась на отца. Конечно, временами он страшно раздражал ее своими попытками вступить за «эту тварь», а его полнейшая беспомощность, абсолютное неумение отстоять свои интересы в конфликтах с бабушкой вызывали

презрительную жалость. Тем не менее, отца Людмила любила и даже отчасти понимала, а именно, в том, что касалось противостояния бабушке. Тихий, безропотный, с грустными глазами, он чем-то напоминал ей безнадежно больного ребенка и временами вызывал желание утешить, окружить заботой. Но только не сегодня. Сегодня он вызывал у нее глухое раздражение и даже ярость. Мало того, что папаша публично расплакался, как пятилетний мальчишка, мало того, что всю церемонию держался, точно бедный родственник — в сторонке, так он еще и Людмиле не позволил приблизиться к скорбящим, хотя уж она-то имела полное право находиться в первых рядах.

Впрочем, как раз в первые ряды она не стремилась. Привлечение к себе внимания не входило в ее планы. Скорее наоборот. Незаметно смешаться с толпой, послушать разговоры, вычислить подружку «этой твари», присмотреться к ней и, может быть, ненавязчиво завязать знакомство. Казалось бы, вполне скромный, незатейливый и легко осуществимый план. Но присутствие отца смешало Людмиле все карты — он крепко держал дочь за руку, пресекая все ее попытки внедриться в ряды скорбящих. А вырваться отчаянно хотелось. Знал бы папаша, насколько осложнил ей жизнь! То, что на похоронах могло пройти естественно и просто, в других условиях будет выглядеть нарочито и грубо. Придется изобретать всякие тонкие ходы, пускаться на хитрости, прибегать к уловкам...

Нельзя сказать, чтобы Людмила была к этому не готова. Напротив, она с самого утра запаслась одной хитрой штучкой — как раз на тот случай, если не сумеет смешаться с толпой. Миниатюрный «жучок», похожий на булавку с черной головкой, и принимающее устройство, оформленное в виде плеера с наушниками, давали возможность подслушать любой разговор в радиусе ста метров. Так, во всяком случае, уверял приятель Людмилы, у которого она позаимствовала игрушку. Правда, сначала нужно было как-то прицепить «жучка» к одежде подслушиваемого, но с этим Людмила надеялась справиться без труда. И только у морга до нее дошло, насколько странно она будет смотреться на похоронах с плеером в кармане и проводами, свисающими с ушей. Таким образом, запасной вариант сразу отпал. А основной с треском провалился из-за папаши. А под конец, когда им предложили поехать на поминки, он окончательно погубил дело своим вежливым, но твердым отказом.

Домой ехали молча. Людмила злилась, а папаша все еще пребывал в своей странной отключке.

— Ну как? — набросилась на внучку Светлана Георгиевна, едва они уединились в Люсиной комнате. — Познакомилась с Елизаветой? Видела любовника Таисьи? Узнала, что он за человек?

— Три раза нет. Я не познакомилась с Елизаветой. Не видела любовника Таисьи, а если и видела, то не знаю этого. И не выяснила, что он за фрукт. У меня даже не было возможности подслушать сплетни. Знала бы, что так обернется, подсыпала бы утром папочке в кашу слабительного! — И она коротко рассказала о своих кладбищенских мытарствах.

— Так, говоришь, тебя звали на поминки? — Светлана Георгиевна встала. — Поехали скорее, мы еще успеем! Даже лучше, что не к началу. Они там как раз выпьют, разговорятся...

— Погоди, бабушка! Я так поняла, что поминки справляют у матери на работе. Ты знаешь, где это?

— На работе? Странно... Нет, не знаю, но сейчас попробуем выяснить. Как я подозреваю, твой отец все-таки поддерживал с Таисьей связь, несмотря на все, что она с нами сделала. Думаю, у него есть ее рабочий телефон. Подожди меня здесь, не стоит соваться к нему вдвоем, тут нужен деликатный подход.

Едва Светлана Георгиевна вышла, Людмила тут же надела наушники и включила «плеер». Придя домой, она первым делом прицепила «жучок» к отцовским домашним тапочкам — нужно же было проверить, как работает новая игрушка!

— Как ты себя чувствуешь, Андрюша?

— Спасибо, мама, нормально.

— Как все прошло? Много было народу?

— Прилично.

— Лизу видел?

— Нет. Она не пришла. Ума не приложу, что случилось. Я уже звонил ей домой — никто не отвечает.

— Может, она в отъезде и ничего не знает?

— Да нет же, я виделся с ней на днях. Это она сообщила мне про похороны. Может, заболела?

— Не обязательно. Возможно, ее попросили помочь с организацией поминок. Или вышла какая-нибудь накладка — время перепутала, автобус застрял в пробке, мало ли что... Не переживай. Лучше расскажи, кто там был?

— Не знаю. Думаю, в основном, коллеги по работе. А почему ты...

— А любовник... — Светлана Георгиевна осеклась, но было уже поздно.

— Откуда ты знаешь? — сурово спросил отец.

— Откуда? — переспросила она растерянно, и Людмила на миг испугалась, что бабушка ее выдаст, но та быстро нашлась. — От одной приятельницы. Ее знакомая случайно живет в том же доме. — Бабушка стремительно перешла в контрнаступление: — А ты откуда знаешь?

— Мне Тася сказала. Да, мы общались! И не смотри на меня, как на врага народа! Тася была замечательным человеком...

— Она тебе что-нибудь о нем рассказывала?

— Она нас даже познакомила, — ответил отец с вызовом.

— Кто он? Откуда? Что из себя представляет?

— Журналист. По-моему, из Прибалтики — у него легкий акцент, почти незаметный. Приличный парень. Симпатичный. А почему это тебя так волнует, мама?

— Я собираюсь с ним увидеться. Если он такой симпатичный, как ты говоришь, то не откажет нам в небольшом займе в счет Люсиного наследства. Он же должен понимать, что восемнадцатилетней девчонке нужно учиться, а не зарабатывать на хлеб. У Таисьи денег куры не клевали, наверняка целые залежи остались, так почему ее родная дочь не может получить несколько тысяч долларов прямо сейчас? По-моему, это будет в высшей степени справедливо. Ты не знаешь, где Таисья работала? Адрес или хотя бы телефон? Люсенька сказала, что поминки устраивают на работе...

— Ты собираешься на поминки?!

— Да, а что такого? Люсеньку позвали, а я — ее бабушка, нет ничего неприличного в том, что я поеду с ней.

— Мама! Остановись на минутку и попробуй взглянуть на себя со стороны. Представь, что это я умер, что меня сегодня похоронили. И вот, не успела ты вернуться с кладбища, как к тебе заявляется совершенно незнакомая женщина — допустим, моя жена, с которой я расписался втайне от тебя — и начинает требовать у тебя деньги в счет будущего наследства. Ты можешь вообразить, как это будет выглядеть?!

— Знаешь, Андрей, что меня всегда в тебе поражало? Твоя готовность отстаивать чьи угодно интересы, кроме интересов собственного ребенка! Девочка по вине матери получила страшную травму, потом эта самая мать открестилась от нее, как от прокаженной. Казалось бы, ты, отец, должен сделать все возможное, чтобы защитить своего ребенка...

— В этом нет нужды. Ты защищаешь ее лучше, чем целый гвардейский полк...

Наступила тишина. Людмила, словно воочию, видела, как они стоят лицом к лицу и сверлят друг друга гневными взглядами. Но вот послышался звук шагов и скрип дверцы гардероба.

— Что ты ищешь, мама?.. Зачем тебе моя записная книжка?

— Так... Двести сорок пять пятнадцать семнадцать. Отлично!

— Мама, я тебя прошу, не ездь на поминки. Это бессмысленно! Тасино-го мужа там не будет, его не было на похоронах! Он болен! Мне Лиска говорила, у него больное сердце!

Людмила еле успела снять наушники, прежде чем бабушка влетела к ней в комнату.

— Люсенька, я пошла одеваться, а ты позвони по этому номеру. Ничего не объясняй, просто спроси, как до них добраться.

Бабушка ушла к себе, а Людмила услышала, как хлопнула входная дверь — отец и дед пошли на лестницу, догадалась она и снова нацепила наушники. Ей хотелось послушать, чью сторону примет дед, который во время скандалов всегда отмалчивался.

— ...А ведь когда-то она была такой чуткой, такой понимающей! Или мне это приснилось, папа?

— Была. Знаешь, Андрюша, мне кажется, это что-то вроде душевного заболевания. Она очень переживала тогда... ну, ты понимаешь. Тася ведь предупреждала ее, что Людмила растет совсем неуправляемой, что надо бы с ней поосторожнее, а мама отмахивалась. Вот и получила.

— Я все понимаю, папа. Но когда родной человек утрачивает всякое чувство меры, всякое представление о приличиях, с этим невозможно мириться. Ты представляешь, как они с Люськой будут выглядеть, когда заявятся на поминки и устроят дележ наследства? Господи! Ты бы видел ее сегодня там... Она была похожа на голодную гиену, учуявшую падаль. Так и рвалась к гробу с горящими алчными глазами. Меня едва не стошнило. Нет, я не допущу, чтобы они поехали к Тасе на работу!

— Да как их удержишь?

Папаша помолчал, а потом неожиданно спросил:

— Ты не возражаешь, если мы сегодня пойдем куда-нибудь и напьемся? Прямо сейчас?

— Нет, но... к чему такая спешка?

— Потом объясню, пошли скорее одеваться!

Не разозлилась Людмила до такой степени, она наверняка сообразила бы, что задумал отец. Но от подслушанного разговора ее буквально распирало, и мозги на пару минут заклинило. Просветление наступило слишком поздно. Сначала знакомый звук из прихожей возвестил о том, что кто-то запирает внутреннюю, а за ней и внешнюю дверь на оба замка. Только тут Людмилу посетило страшное подозрение. Она бросилась в прихожую, оцупала карманы своего пальто — ключей не было! Схватила бабушкину сумочку, вытряхнула на тумбочку перед зеркалом, лихорадочно разгребла содержимое, но знакомого футлярчика не нашла. Обшарила карманы бабушкиной шубы, пальто, дедовой куртки — все тщетно.

И вот тогда ее захлестнула ярость.

— Чтоб ты сдох! — прошипела она сквозь зубы. И громко позвала: — Ба! Нас посадили под домашний арест!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

14

Надежда влюбилась в малыша с первого взгляда. Тугие темно-рыжие колечки волос, черные блестящие пуговики глаз, веселая круглая мордашка в миг разворошили ее память и выудили образ плюшевого Мишутки, первого и горячо любимого Надиного друга.

Малыш, стоявший перед ней в кроватке, был похож на медвежонка и моментально завоевал сердце Надежды. А когда она наклонилась к нему и он вскарабкался по ней с обезьяньей ловкостью, а потом обхватил за шею, доверчиво положил голову ей на плечо и сказал непонятно: «Ты собючи», — Надежда поняла, что никому его не отдаст.

До сих пор она была уверена, что обделена материнскими чувствами. Не то чтобы дети вызывали у нее отвращение, нет, они ей скорее нравились. Надежда с удовольствием возилась с чадами своих многочисленных приятельниц, придумывала для юных разбойников страшные и веселые истории, затевала с ними буйные игры, но мысль обзавестись собственным потомством никогда ее не посещала, несмотря на десять лет замужества. Впрочем, замуж она выходила как бы понарошку. У нее вообще был такой стиль жизни — как бы понарошку.

Знакомые, очарованные ее беспечной, легкомысленной жизнерадостностью, все как один считали Надежду любимицей судьбы, избалованным созданием, ни разу не столкнувшись с темной или хотя бы тяжелой стороной жизни. Надя никогда не пыталась их разубедить, хотя не сомневалась, что по части знакомства с мрачной действительностью любому из них даст сто очков вперед. Вряд ли на свете существует еще одна бабка, садистка и психопатка, задавшаяся целью вытравить из душ дочери и внучки всякое представление о счастье и радости и имеющая такую власть над своими жертвами.

Замуж Надя вышла исключительно из-за бабки. Только так можно было добраться до пустующей квартиры, которую старуха держала на запоре, точно скупой рыцарь свои сундуки, и вырваться из филиала ада, устроенного этой ведьмой в их собственном — мамином и Надином — доме. Нет, существовал, конечно, и другой выход — перевести бабку к чертям и сковородкам. Но мама не пережила бы, если бы ее Надюшку упекли за решетку. Из-за мамы — доброй, тихой и кроткой — был закрыт и самый простой путь — выселить ведьму на ее территорию. Бабка искусно играла на дочернем чувстве долга и сострадания, прикидываясь больной немощной старухой. Когда Надя была молодой и глупой, она пыталась бунтовать, отстаивая свои и мамины права, но быстро поняла, что только усугу-

бляет мамины страдания, делает их совсем уж невыносимыми. Бедная мамочка разрывалась между почтительным ужасом перед бабкой, опасением довести старуху до инфаркта и желанием защитить дочь. Робкие попытки примирить враждующие стороны обрушивали на ее голову дополнительные мегатонны бабкиного гнева.

Однажды, после очередного катаклизма, мама призналась сквозь слезы: — Мне было бы гораздо легче, если бы ты жила отдельно, Надюшка.

Сначала Надя не поверила и обиделась. Потом подумала и поняла, что мама права. Пока бабка жива, мама к ней приговорена, и нет такой силы, что могла хотя бы облегчить наказание. Придя к этому выводу, она решила отселиться. Естественно, она понимала, что добром бабка ее в свою квартиру не пустит. Но если внучка объявит, что беременна и выходит замуж, и потребует освободить ей большую комнату, старухе придется либо переселиться в конуру, чего она, разумеется, не сделает, либо обратиться к сыну, либо уступить молодоженам свою роскошную двухкомнатную «сталинку». Для воплощения смелого замысла недоставало одного — кандидата в мужья. Беременность необязательна, на первых месяцах ее все равно не разглядишь, а потом — мало ли что случится? Выкидыш в наше время — обычное дело. А вот без «мужа» никак не обойтись. Только где его взять?

Поклонников у Надежды хватало, но предлагать поклоннику фиктивный брак не очень-то красиво. А настоящего брака Надя пока не хотела. Глупо вырваться из лап бабки-тирана и тут же попасть в зависимость от нового господина и повелителя. Оправдать такую глупость может только большая любовь, а единственный человек, Эдик, которого Надежда готова была полюбить, не годился для семейной жизни. Поклонники — тоже. Других кандидатов у Надежды не было. Она решила отсрочить исполнение своего плана, положившись на судьбу, и судьба ее не подвела.

Долгожданное знакомство состоялось в троллейбусе. Чьи-то визгливые вопли оторвали Надю от книги, которую она читала. Богатырского вида тетка, нимало не стесняясь посторонних, во всю мощь гренадерских легких чихвостила своего сына. Перечень преступлений парня включал великое множество пунктов, и он не знал, куда девать глаза, однако каким-то образом ему удавалось сохранять молчаливое достоинство, что, на Надин взгляд, было высшим пилотажем.

Бросив напоследок: «Опоздаешь — пеняй на себя! Домой не пуцу», — сердитая мамаша начала протискиваться к двери. Сообразив, что парень едет дальше, Надежда встала и подошла к нему:

— Молодой человек, извините, пожалуйста, вы не уделите мне несколько минут? Думаю, мы с вами могли бы здорово выручить друг друга.

Если вы согласитесь выйти со мной на ближайшей остановке, я обещаю изложить идею до прихода следующего троллейбуса.

По реакции парня Надежда поняла, что не ошиблась в нем. Мимолетное удивление, смущение и тут же — спрятавшая их иронически-вежливая улыбка и совсем уж иронический галантный полупоклон.

— Располагайте мной, прекрасная незнакомка.

Надежде хватило пяти минут, чтобы обрисовать обстановку в семье и изложить свой план. Сашке понадобилось меньше трех, чтобы обдумать и принять ее предложение. Вероятно, их пара стала абсолютным мировым рекордсменом на дистанции от первой фразы, сказанной одним из будущих супругов другому, до заключения брачного соглашения.

Они стали друзьями, добрыми и надежными. Ради нее джентльмен Сашка безукоризненно сыграл свою роль при знакомстве с Надиной бабушкой, а Надежда не менее виртуозно усмирила его мамашу...

Они уважали личную свободу друг друга, делились радостями, неприятностями и даже подробностями своих романов, вместе планировали свой скудный бюджет и бодро тащили в одной упряжке нехитрый воз студенческого быта. Они помогали друг другу советом, делом и просто участием. Иногда, в промежутках между своими романами, они засыпали в одной постели, но никому из них не приходило в голову, будто это дает право требовать от партнера большего.

Такой вот занятный был у них брак. Фиктивный, не фиктивный — бог разберет. Ясно только, что детей при таких свободных отношениях заводить не принято. Они и не заводили. И правильно сделали, как выяснилось. В конце концов Сашка нашел женщину своей мечты и женился по-настоящему. А родись у Нади ребенок, все могло кончиться печально. Но ребенка, к счастью, не было. Да и не нужен он ей.

Так она думала до той минуты, пока не увидела Мишутку. До той минуты, пока он не обнял ее за шею, не вскарабкался обезьянкой, не положил голову ей на плечо и не обозвал непонятным словом. Собачкой, кажется. Да пусть бы хоть гадючкой окрестил, все равно по тону понятно было, что она, Надежда, очень ему понравилась. А уж он Надежде совершенно вскружил голову. Так что даже убийца, сбивший Мишуткину мать, почти на Надиных глазах расстрелявший отца мальчика и, возможно, подстерегающий где-то Эдика, отошел на второй план. Надя, наверное, и вовсе забыла бы о нем, если бы не мысль, что Мишутка остался сиротой. А если его отец не выживет, то круглым сиротой. И даже если отец ребенка выживет, до его выздоровления мальчика по закону все равно положено поместить в специальное государственное учреждение. А что Мишутка за это время может

погибнуть или превратиться в злобного волчонка, так до этого казенным дядям и тетям нет никакого дела. Они исполняют свой долг, и точка.

«Не отдам, — думала Надежда, прижимая к себе теплое тельце. — Никому не отдам. Заберу к себе, спрячу, подожду, пока не выздоровеет его отец... А если не выздоровеет, что-нибудь придумаю... Дам взятку, раздобуду фальшивое свидетельство о рождении, перееду...»

В эту минуту в дверь позвонили. Надежда замерла. Мысли лихорадочно заметались под черепушкой, сталкиваясь, разлетаясь, переплетаясь в клубок. «Кто это? Убийца бы не посмел... Или посмел?.. Не открою... На полу в прихожей — кровавая лужа... объясняйся теперь. Позвонят немного и уйдут. Никого нет дома...»

Звонок повторился — длинный, настойчивый.

— Ди до! — громко закричал Мишутка, оторвав голову от Надиного плеча. — Винг! Ди до!

— Вот тебе и динь-дон, — пробормотала Надежда. После Мишуткиного восторженного вопля притворяться, будто в квартире никого нет, стало бессмысленно. Звонок заливался протяжной трелью. — Нет, это не убийца. Не до такой же степени он наглый! Сейчас все соседи на уши встанут. Еще милицию вызовут. Кто там? — спросила она у двери дрожащим голосом.

— Раечка, это Лиза, соседка! А где Петя? У вас ничего не случилось? — затараторили за дверью женским голосом.

Помедлив секунду, Надя повернула замок. («Только никому не открывай! — заклинал Эдик. — Прошу тебя, Надька. Я позвоню условным звонком: три коротких, два длинных, три коротких. А больше никому не открывай, сиди тихо, хорошо?») Не откроешь тут, как же!). На пороге стояла женщина весьма примечательной внешности. Несмотря на опухшие веки и черные тени под глазами, весь облик прямо-таки дышит пионерской отвагой и бескомпромиссностью.

— Кто вы? — подозрительно спросила соседка Лиза. Тут ее голос слегка дрогнул: — Что здесь происходит?

— Лика! — радостно воскликнул Мишутка и потянулся к старой знакомой. — Ты пишел! А мама де?

Елизавета подхватила его на руки и шагнула в прихожую, машинально повинувшись приглашающему жесту Надежды. Надя торопливо заперла дверь и потянула гостью в комнату. Та послушно шагнула за Надеждой, но тут же застыла, наткнувшись взглядом на подсыхающее темное пятно, обезобразившее пол.

— Что?.. Что это?

— Лиза, ради бога, давайте пройдем в комнату! — взмолилась Надежда. — Я все объясню, только не под дверью! Вы сами сейчас поймете почему.

Упершись в нее шальным взглядом — то ли гипнотизирующим, то ли, наоборот, загипнотизированным, — Лиза медленно вошла в комнату. Надежда тут же прикрыла дверь.

— Сядьте, прошу вас. Это займет немало времени. Меня зовут Надежда. Я — близкий друг Эдика, а он, в свою очередь, дружил с Ирен. Она когда-нибудь упоминала его имя?

— Я знаю Эдика, — медленно выговорила Елизавета. — Но... как вы здесь оказались? И где Петя?

— Позвольте мне изложить все по порядку.

И Надежда немного сбивчиво, но все же довольно внятно поведала о вчерашнем визите пьяного в дрезину Эдика с тетрадкой пропавшего Мыколы; о трупе неизвестного, обнаруженном в прошлый четверг в вестибюле здания, где работали Ирен, Эдик и Мыкола; о неожиданном приезде больной Ирен вечером следующего дня; о ее признании, сделанном Эдику, о загадочном исчезновении Мыколы и содержимом найденной в его столе тетради, о терзаниях Эдика, считающего себя косвенно виновным в гибели Ирен, о подозрении, что убийца расправляется со всеми возможными свидетелями и сейчас охотится за Эдиком; о неожиданно посетившей их мысли, что Ирен могла сказать что-нибудь важное своему мужу или подруге; о приезде сюда; о черном человеке, метнувшемся от квартиры к лифту, когда Надежда взбежала на площадку между этажами; об открытой двери и лежащем на полу прихожей человеке с простреленной грудью.

— Петенька! — вскрикнула Лиза и прижала ладони к побелевшим впалым щекам. — Он... он...

— Жив, — торопливо успокоила Надежда. — Славик сказал, что стреляли из пистолета небольшого калибра. Пуля зацепила ребро и ушла вбок, прострелено легкое, но другие жизненно важные органы вроде бы не задеты. Много крови он потерять не успел, мы с Эдиком сразу же туго перебинтовали его...

— А кто такой Славик? Врач?

— Военный хирург, замначальника отделения в госпитале Бурденко. Мой давний поклонник. Я звонила ему почти невменяемая, он решил, что ранили меня, и примчался сюда за тридцать пять минут. Наверное, рекорд установил. У меня есть еще один знакомый хирург, но не военный, к тому же он не позволяет мне вертеть собой так, как Славик... Да и Славу пришлось едва не на коленях умолять, чтобы он спрятал раненого у себя в госпитале и ничего не сообщал полиции. Он сказал, что из-за меня вся его карьера может полететь к чертовой матери. Наверное, придется теперь выходить за него замуж...

— Почему?

— Почему придется выходить замуж?

— Нет, почему вы попросили его ничего не сообщать полиции?

— По многим причинам. Главным образом, для того чтобы до Пети не добрался убийца. Милиция вряд ли поставит около него круглосуточный пост, поэтому, чем меньше людей знают о его местопребывании, тем в большей он безопасности. Ну, и еще из-за Эдика. Его и так можно считать лучшим подозреваемым года. В первом убийстве его даже Ирен подозревала... то есть не подозревала, но не исключала его причастности. Потому и приехала на следующий день предупредить, что ничего предпринимать не собирается. И тем самым снабдила Эдика отличным мотивом для ее убийства — так наверняка решит следствие. Когда Ирен сбили, Эдик бродил где-то по городу, размышлял над ее рассказом, алиби у него нет. В тетрадке Мыколы — явная на него наводка. А когда Мыкола исчез, у Эдика было похмелье, он сидел дома. Опять без алиби. Если бы мы вызвали милицию и сообщили, что в мужа Ирен практически на наших глазах стрелял некто в черном, и больше мы о нем ничего сообщить не можем, они навесят на Эдика все. Я-то знаю, что он не мог стрелять, потому что бежал за мной, отставая на пролет или два, но мне, скорее всего, не поверят.

— Но Петенька придет в себя и скажет им, что это был не Эдик.

— Во-первых, не обязательно. Стрелок был в какой-то темной штучковине вроде вязаной шапочки, натянутой на лицо. Во-вторых... — Надежда замялась, но все же закончила с мрачной решимостью: — неизвестно, придет ли он в себя.

— Как?! — вскочила Елизавета. — Вы же говорили, что ранение не тяжелое...

— Да, но Славику очень не понравилось его сердце. Петенька был сердечником?

— У него был микроинфаркт, когда Тася... Ирен умерла. Его не хотели отпускать из больницы, а он все равно ушел. Из-за Мишутки.

Надежда вздрогнула и посмотрела в сторону малыша. Тот крепко спал прямо на ковре, прижимая к себе яркий пластмассовый паровоз.

— Как вы его назвали?

— Мишутка. Это Ирен его так звала. А Петенька — Микки. Бедный мальчик! В полтора года потерять мать и чуть не потерять отца... Все же я надеюсь, что Петя справится. Должен справиться ради Мишутки.

Они помолчали. Елизавета встала с кресла, взяла малыша на руки и положила его в кроватку.

— Так вот, значит, куда она ездила, — пробормотала она как бы про себя, вернувшись в кресло. — К Эдику... А я понять не могла, как она на улице очутилась. Больная совершенно. Ночью у нее градусник зашкали-

вал. Господи, почему я домой пошла, почему не осталась ее сторожить? Эх, Таська, Таська, что же ты натворила!..

— А почему — Таська? — осторожно спросила Надежда.

— Так ее звали... раньше. Она не любила свое имя. Таисья — означает счастливая, а у Таськи жизнь была... не дай бог никому. После того как ее мама умерла, она поменяла имя на Ирину. Хватит, сказала, мне счастья, теперь хочу покоя. Вот и успокоилась... — Лиза заплакала.

Надежда неловко заерзала в кресле и спросила, словно не замечая Лизиных слез:

— Скажите, Петя — священник?

— Нет. А почему вы так решили? — удивилась Лиза.

— Понимаете, когда я добежала до него, он еще был в сознании. И даже пытался что-то сказать. Мне послышалось: «мой сан!» Показалось, наверное.

— А! Это он, наверное, про Мишутку. Son — сын. Таська разговаривала с малышом по-русски, а Петя только по-английски, чтобы мальчик с детства знал второй язык. Петенька по-английски говорит совершенно свободно и почти без акцента, только употребляет много американизмов. Конечно, произношение не оксфордское... — Лиза осеклась и недоуменно воззрилась на визави, которая вдруг расплылась в улыбке.

— Так значит, он меня не собачкой обозвал! — туманно объяснила Надежда. — Не собючи, а so beauty — такая красавица.

— Кто обозвал? Петенька?

Серия звонков — три коротких, два длинных, три коротких — перебила Надин ответ.

— Это Эдик! — Она вскочила и побежала открывать дверь.

Вот у Эдика, похоже, никаких проблем с проявлением сочувствия не было. Увидев заплаканную Елизавету, он широко шагнул к ней, сгреб в охапку, притянул ее голову к своему плечу, поцеловал в макушку и забормотал:

— Лиска, Лиска, ты — сильная девочка. Ирен всегда говорила, что лично ее мир держится только на тебе. А теперь — тем более. Кто, кроме тебя, расскажет Мишутке, какой была его мама? Держись, родная! — И все это — без единой фальшивой ноты. Может быть, потому что их горе было общим.

Елизавета пару раз всхлипнула и отняла голову от его груди.

— Как там Петенька? Ты ведь отвозил его в госпиталь, да?

— Да, Славик попросил сесть за руль. Сам не мог — возился с пациентом. Два раза колоть пришлось по дороге. Славик все говорил: «Главное — довести живым, а там подключим к аппарату и вытащим». Довезли, слава богу. Живой. Теперь все будет хорошо. Как здорово, что ты здесь оказа-

лась, Лиска! Я не знал, застанем ли мы тебя дома. Тебе Надежда уже все рассказала? Собирайся скорее, поедешь с нами.

— Куда? Зачем? — опешила Лиска.

— Ты ничего не объяснила? — укоризненно посмотрел на Надю Эдик.
— Лизок, ты только не волнуйся, но тебе угрожает опасность. Похоже, этот маньяк устраняет всех, кто мог получить от Ирен какую-либо информацию об убийстве у нас на работе. Видишь ли, у нас там порешили какого-то «братка», а Ирен чуть не застучала злодея на месте преступления.

— Я знаю, Надежда сказала...

— Стало быть, ты должна понимать, что тебе необходимо скрыться. Этот нелюдь уже добрался до Ирен, кажется, и до парня, который подслушал наш с Ирен разговор, до Иркиного мужа. И до меня бы добрался, если бы я не спрятался у Надежды. Нам нужно немедленно смываться — вдруг он еще крутится у дома?

— Но я не могу! У меня семья, и Мишутка вот...

— Мишутку заберем с собой. Мужу оставь записку вроде: «Вынуждена срочно уехать, потом все объясню». Куда и почему уезжаешь, не пиши, мало ли, к кому попадет записка. Опять же мужу спокойнее: меньше знаешь — крепче спишь...

— Погоди, Эдик, — встряла Надежда. — Как же мы поедем, да еще с ребенком, если убийца кружит у дома? Он же всех нас перестреляет из кустов!

— Спокойно, я все продумал. Внизу, в подъезде — служебный вход в магазинчик, через который можно выйти на улицу, перед выходом машина — я у Славика одолжил. С парнем из магазина я договорился, он нас впустит. Войдем через служебный вход, выйдем через парадный, нырнем в машину, и привет. Если убийца нас караулит, то, скорее всего, тайком следит за подъездом со двора. Вряд ли он после своей пальбы рискнет внутри дежурить, мозолить глаза соседям. Давайте, девочки, собирайтесь живее, я обещал Славику подогнать машину через два часа.

Елизавета опомнилась только в машине.

— Постой, Эдик! Нет смысла убегать! Убийце незачем караулить нас у дома. Он без труда найдет нас завтра на кладбище. Мы же не можем не пойти на Тасины похороны!

— Завтра похороны? Черт, я не знал!.. Ладно, что-нибудь придумаем.

— И вообще, мне кажется, вы неправы. В смысле, это безумие какое-то — убивать людей просто потому, что они что-то могут знать. Петя точно ничего не знал, в четверг Ирен с ним почти не разговаривала, только просила уехать, чтобы Мишутка не заразился — он у них недавно ветрянкой переболел. Я это знаю, потому что она меня на помощь позвала — уговаривать. Ирен совсем больная пришла, едва на ногах держалась, и легла

сразу. Я Петю с Мишуткой сама собирала и провожала... Она даже подойти им к себе не разрешила, боялась заразить. Да, к чему это я? О чем я говорила?

— О том, что это безумие — убивать, не зная толком, известно что-нибудь жертве или нет, — напомнила Надежда. — Я согласна. Но кто поручится, что убийца не спятил. Например, на почве страха перед наказанием.

— Но тогда получается, что прятаться нужно абсолютно всем! Если бы Та... Ирен мне что-нибудь рассказала, я могла поделиться со своим мужем, с коллегами по работе, с милиционером, который к нам приходил. Ирен и сама могла кому-нибудь позвонить...

— А она тебе точно ничего не рассказывала? — спросил Эдик.

— Нет. Говорю же, пришла совсем больная. Полночи бредила, потом температура немного спала, и она уснула, а проснулась совсем слабенькая, как новорожденный котенок, только пищать и могла.

— А в бреду?

— В бреду Таська что-то непонятное говорила. Мне показалась, она какую-то детскую страшилку вспоминает. Помните — «Черная перчатка», «Желтое пятно»?

— Почему тебе так показалось? Ты помнишь какие-нибудь ее слова?

— Нет, она совсем бессвязно говорила, — покачала головой Лиска. — Один раз только села вдруг на кровати, произнесла целую фразу, совершенно бессмысленную, на мой взгляд, потом посмотрела на меня и жалобно так спросила: «Но этого же не может быть, правда?» Я уложила ее обратно и заверила, что, конечно же, не может.

— Лизанька, умница, пожалуйста, постарайся вспомнить эту фразу. Хоть что-нибудь! — взмолился Эдик.

— Попробую. Но ничего не обещаю. В голове осталась полная ахиня, типа: «Все там, но никого нет». Только фраза длиннее была, а по смыслу примерно так...

Когда они добрались до Надиного дома, Эдик помог им отнести Мишутку, убедился, что в квартире нет следов постороннего пребывания, а на лестнице никто не крутится, и поехал возвращать машину Славику. Надя с Лизой устроили малышу безопасное лежбище и пошли на кухню пить чай. После чаепития, в процессе которого дамы перешли на «ты», Лиза попросила разрешения прочесть злополучную тетрадку. Надежда, естественно, разрешила, а когда с чтением было покончено, пересказала версии, которые они с Эдиком выдвинули, опираясь на рассказ и туманный намек Ирен, и даже показала план холла, где происходило действие. Елизавета взяла бумажку с чертежом, долго его разглядывала, а потом спросила:

— Тут масштаб выдержан? Сколько примерно метров от лавки до стенда и от стенда до двери в конференц-зал?

— От лавки до стенда — метров шесть, а от стенда до зала — метра три, наверное, — сказала Надежда.

— Тогда он бы не успел. Смотри: Ирен услышала звук падения, когда копировала отчет. Сколько там было страниц? Две-три? Скопировать их — минута, не больше. После этого она сразу вышла из-за лестницы и оказалась в точке, откуда просматривается весь холл, правильно? За эту минуту убийца должен был склониться к жертве, убедиться, что она мертва, дотащить до стенда, нырнуть под щит, потом добраться с грузом до дальнего угла под лестницей, выбраться из закутка, добежать до конференц-зала, вставить ключ, открыть замок, вынуть ключ, юркнуть за дверь и закрыть ее за собой. А груз у него, между прочим, был тяжелый. Не верится мне, что он так быстро управился. Скорее всего, он остался стоять за стендом. И скрип, который Ирен слышала, тому подтверждение. Он хотел посмотреть, кто сидит в курилке и неосторожно прислонился к щиту.

— Но тогда бы Ирен его увидела! Она же смотрела в сторону стенда.

— Ты сама говоришь, что при электрическом освещении стенд — в глубокой тени.

— Да, но в половине пятого на улице еще достаточно светло.

— В половине пятого на улице сумерки. А Ирен наверняка вышла в холл позже. Ты говорила, что примерно в половине пятого ей дали отчет, и она отредактировала его в комнате, а потом еще думала над вставкой. Минут пятнадцать все это, наверное, заняло. Если бы в холле к тому времени не горел свет, она не смогла бы читать...

Тут раздался кодовый звонок в дверь, и Надежда пошла открывать. Она как раз приводила Эдику Лискины аргументы, когда они вошли в кухню и увидели застывшую Лиску, которая смотрела перед собой застывшим взглядом.

— Что?.. Что случилось? — перепугалась Надежда.

— Я вспомнила, — прошептала Лиска. — Вспомнила, почему мне пришла на ум детская страшилка. Черные ноги! Таська в бреду два или три раза упомянула черные ноги.

Эдик плюхнулся на табуретку и схватился за голову. Надежде не было нужды спрашивать, что с ним. Эдик всегда, сколько она его помнила, носил черные вельветовые джинсы.

— Ты помнишь, кто еще в тот вечер был в черных штанах? И в черных ботинках? — быстро спросила она.

— Да, — простонал Эдик. — Базиль был в черном костюме и белой рубашке, Джованни был в черных джинсах, Эжен всегда одевается одинаково — в черную кожу. И обувь у всех нас была черная.

— Так, все сходится. Ты, Базиль, Джованни, Эжен — четыре человека. Мужчины. Базиля и Джованни мы уже отбросили в прошлый раз. Значит, остается Эжен. Тем более что и тот, с пистолетом, кажется, был в черной коже. Я не уверена, но похоже на то.

— Боже, но почему?! У Эжена, конечно, вид немного inferнальный, но он вполне приятный парень. Несчастный только. Его жена бросила, а он — однолюб. Третий год в депрессии. Зачем ему понадобилось убивать этого качка? А Ирен? Он к ней всегда хорошо относился... И она к нему. Рассудком он, что ли, повредился?

Неожиданно зазвонил телефон, и Надя сняла трубку:

— Да?

— Простите, можно Эдуарда к телефону? — спросил женский голос.

— Вы ошиблись номером, — резко бросила Надежда и, нажав на рычаг, посмотрела на Эдика:

— Ты говорил кому-нибудь, где тебя искать?

— Нет. Я вообще никому не сказал, что собираюсь скрываться. Жена в отъезде, родители тоже. Думал позвонить своим девочкам на работу, но так и не позвонил. Что бы я им сказал? А что, это меня спрашивали? Не может быть. Наверное, действительно ошиблись номером.

— Думаешь? — спросила Надежда с сомнением. — Вот что. Позвоника сейчас кому-нибудь из своих хороших знакомых, лучше — не связанных с работой, и спроси, не интересовался ли тобой кто-нибудь.

Эдик хмыкнул, но достал из кармана записную книжку и придвинул к себе аппарат.

— Алло, Женька? Привет, это Эдик... Что?.. Дама, говоришь? Нет, понятия не имею... Да, странно... Извини, я тебе попозже перезвоню. — Он положил трубку и затравленно посмотрел на Надю: — Чертовщина какая-то! Откуда убийца — Эжен или кто угодно другой — может знать телефонные номера моих друзей? Твой, Женькин? С тобой мы целую вечность не виделись и не разговаривали, с Женькой я два раза в год езжу на рыбалку...

— Записная книжка, — подсказала Елизавета.

— Но записная книжка при мне. Не мог же он скопировать ее заранее, он же не знал, что я планирую исчезнуть!

— Она у тебя единственная? — спросила Надежда.

— Дома есть другая, стационарная. Ты хочешь сказать, что он влез в мою квартиру?

— Не исключено.

— Ни фиги себе — целеустремленность! — криво усмехнулся Эдик. — Вот это, я понимаю, жажда убивать! Нет, он точно псих. А баба откуда взялась? Маньяк с сообщницей — это что-то новенькое.

— Баба может ни о чем не догадываться. Мало ли под каким предлогом он попросил ее помочь!

— И что мы теперь будем делать?

— Мы должны перейти в наступление! — бесстрашно заявила Лиска. — Давайте сами подстережем вашего Эжена, скрутим его и поговорим на чистоту.

— Вообще-то мысль интересная, — одобрила Надежда. — Если застать его врасплох, то вполне можно скрутить. Особенно вдвоем; втроем, к сожалению, не получится — кому-то из нас придется остаться с Мишуткой. Но вот на похороны я вас завтра не пущу. Иначе неизвестно, кто кого застигнет врасплох. Он наверняка будет вас там поджидать.

15

Вот так и вышло, что в пятницу они вместо кладбища отправились к Эжену устраивать засаду. То есть отправились Эдик с Надеждой, а Елизавета осталась дома присматривать за Мишуткой. Нельзя сказать, что такое распределение ролей ее обрадовало, но здравый смысл, безусловно, был Лискиной сильной стороной, поэтому она не спорила.

План операции принадлежал Эдику.

— По-моему, устраивать западню лучше в логове зверя, — решил он. — Эффект неожиданности сильнее. Там мы уж точно застигнем его врасплох. Эжен снимает комнату у двух алкоголиков. Жуткая берлога, но ему плевать. После развода ему на все плевать. За бутылку водки хозяева примут нас с распростертыми объятиями, а двумя мы их загипнотизируем, словно факир ученую кобру. Эжен непременно поедет и на похороны, и на поминки: если он убийца — караулить нас, если нет — то из доброго отношения к Ирен. А дальше — трезвым с поминок не уедешь, это будет выглядеть слишком вызывающе. Стало быть, Эжен вернется домой подшофе. Мы приедем заранее, подружмся с алкашами и возьмем его «тепленьким», он и пикнуть не успеет.

Первая фаза операции прошла без сучка без задоринки. При виде литровой бутылки «Абсолюта» у супругов-алкоголиков в зобу дыхание сперло. А когда отпустило, они моментально сервировали стол — алюминиевые приборы, граненые стаканы, две банки кильки в томате, черствый ржаной хлеб.

— Женечка скоро придет, — сипло щебетала неопрятная хозяйка с опухшим лицом и плотоядно облизывалась на бутылку. — Вы пока посидите с нами, закусите чем бог послал.

— Чего ты привязалась, Любаня? — фальшиво протестовал супруг. — С таким горячим наша закуска не канает. Может, Женька их черной икрой будет кормить...

— Мы черной икры не едим, — успокоил его Эдик. — У нас на нее идиосинкразия. Открывай свою кильку, хозяйка. Вздрогнем за знакомство.

Водка пошла легко, как песня. Сначала хозяева еще пытались следить, чтобы гости от них не отставали, потом сообразили, что им же больше достанется, и расслабились.

На второй фазе план работать перестал. Неизвестно, много ли пил Эжен на поминках, но домой он явился совсем не таким «тепленьким», какими к тому времени стали Надежда и Эдик. И не они застигли его врасплох, а он — их. Ни хозяева, ни гости даже не слышали, как он вошел в квартиру.

— Женька! — пьяно взвизгнула Любаня, когда он бесшумным призраком появился на пороге кухни. Она, кажется, намеревалась броситься постояльцу на шею, но запуталась в ножках стола и табуретки, и распласталась в земном поклоне, что, впрочем, совершенно ее не смутило. — К нам приехал, к нам при-е-эжал Евгений Петрович да-арагой!

Однако столь радушный прием не произвел на Эжена никакого впечатления. Если он и испытал какие-то чувства при виде компании, пирующей на кухне, то никак их не проявил, разве что слегка приподнял правую бровь и спросил:

— Эдик? Ты ко мне? Тогда пойдем в комнату.

Эдик не слишком уверенно встал из-за стола, следом за ним поднялась Надежда.

— Это Надя, — представил ее Эдик. — Она со мной.

Эжен кивнул и повел их в свою комнату. Щелкнул выключателем, и перед гостями открылась картина «Мерзость запустения». Сальные лохмотья обоев на стенах, паутина по углам, мутное оконное стекло в потеках и разводах, одежда, беспорядочно сваленная где попало.

— Прошу прощения за беспорядок, я не ждал гостей, — криво усмехнулся Эжен, сгреб одежду с двух стульев и табуретки, швырнул ее на диван и пригласил с оттенком иронии в голосе: — Садитесь, пожалуйста.

— Мы ненадолго, — успокоил его Эдик. — У нас сегодня еще одна встреча. Не удивляйся, если сюда позвонят и попросят кого-нибудь из нас к телефону. Мы ждали тебя дольше, чем рассчитывали, и наш друг, возможно, уже нервничает.

Понял Эжен, что это предупреждение, или нет, но на этот раз он и бровью не повел. Сел к столу и спросил без выражения:

— Почему ты не пришел на похороны? Я считал тебя другом Ирен.

— Возможно, мои слова покажутся тебе параноидальным бредом, Эжен, — скучающим тоном произнес Эдик, — но я не пришел на похороны, потому что боялся схлопотать пулю. Не знаю, известно ли тебе, но в про-

шлую пятницу Ирен приезжала ко мне. Вечером, в конце рабочего дня. За два часа до своей гибели. — Он помолчал немного и продолжил: — Видишь ли, дело в том, что она слышала, как произошло убийство. Да-да, то самое. Правда, Ирен не сразу поняла, что именно она слышала. А когда поняла, сопоставила все, что ей было известно, и пришла к выводу, что убил один из наших. Она не сказала мне, кто именно, не хотела подводить под монастырь человека, к которому хорошо относилась. Но убийца знал, что она вышла в холл буквально через минуту после того, как он закончил свое черное дело, и Ирен опасалась его... скажем так, неблагоразумного поведения. Поэтому она дала мне ниточку. На случай, если убийца не поверит в ее умение держать язык за зубами и предпримет свои шаги. К стыду своему, я долго не мог разгадать ее загадку. Похоже, мое тугомыслие стоило жизни несчастному Мыколе, который имел неосторожность сунуть нос не в свое дело — он подслушал наш с Ирен разговор. После его исчезновения я решил не дразнить гусей и спрятался. Потом еще много чего произошло, но главное — сегодня ночью я наконец нашел разгадку. Я вычислил убийцу — это ты.

На этот раз Эжена все-таки проняло. На его лице явственно отобразилось изумление. Целую секунду он взирал на Эдика, точно на пляшущего лилового крокодила. Потом скуластая физиономия снова обратилась в камень.

— Значит, неправильно вычислил, Эдик. Придется тебе поломать голову дальше.

— Брось, Эжен, тебе не отвертеться. Не мог ты убить четырех человек и не оставить следов. Полиция без труда установит, какую угрозу представлял для тебя тот криминального вида бугай, выяснит, что у тебя ни в одном из четырех случаев нет алиби...

— Очень хорошо, что ты заговорил об алиби, Эдик. Вообще-то в вечернее и ночное время суток с алиби у меня напряженно, местные алкаши перестают вязать лыко задолго до моего возвращения с работы, а другого общества у меня здесь нет. Но конкретно в прошлую пятницу у моих родителей был юбилей — сорок лет со дня свадьбы. В девять часов вечера, когда нашли Ирен, я ехал на Серпуховской электричке. Ирен живет на самом севере Москвы, от ее дома до Серпухова больше ста пятидесяти километров. В пять минут одиннадцатого я уже сидел за праздничным столом в окружении дюжины других гостей. Электричка отправляется с Курского вокзала в девятнадцать пятьдесят шесть и прибывает в Серпухов в двадцать один пятьдесят одну. В моем вагоне, правда, никого из знакомых не случилось, но от станции до дома мы шли вместе с соседкой. Тебе дать номер телефона родителей? Они наверняка не откажутся снабдить тебя телефонными номерами соседки и своих гостей.

Эдик принял удар неплохо, но лицо у него несколько удлинилось. Уже понимая, что безнадежно проигрывает, он все-таки сделал отчаянную попытку спасти партию:

— А как у тебя с алиби на вчерашний вечер, часов на семь? Ты, случаем, не ушел пораньше с работы из-за разыгравшейся мигрени?

— На вчерашний вечер у меня расшибенное алиби, — усмехнулся Эжен. — Ни один самый дотошный следователь не подкопается. В семь часов вечера к нам пожаловал опер — тот самый опер, что ведет дело об убийстве бугая криминального вида. Он согнал всех нас в конференц-зал и мусолил больше часа.

Тут уж Эдик лица сохранить не сумел. Он беспомощно оглянулся на Надежду, выпрямился, потряс головой и спросил жалобно:

— Собрал всех вас? И Базиля с Джованни тоже?

— Так-так, — пробормотал Эжен, — значит, ты вычислил не только меня, а еще и Джованни с Базилом? Божий одуванчик Джованни и травоядный садху Базиль — серийные убийцы?..

Эдик повернулся к Надежде и просигналил взглядом «SOS». Она мгновенно вняла его безмолвному призыву.

— По-моему, мы лаем не на то дерево, дорогой. Вы согласитесь принять наши извинения, если в качестве компенсации за моральный ущерб мы поделимся с вами своей информацией? Лишний союзник и лишние мозги нам не помешают.

— Давайте попробуем, — милостиво кивнул Эжен. — Кстати, Эдик, ты сказал о четырех убитых...

— Да-да, мы все объясним. Только сначала пусть Эдик позвонит кому-нибудь из коллег и спросит насчет вчерашнего вечера, чтобы уж никаких сомнений не осталось. Эдик, кому из своих девочек ты абсолютно доверяешь? И в смысле надежности предоставляемых сведений, и в смысле умения хранить молчание? Нам ни к чему, чтобы о твоём звонке завтра знал весь трудовой коллектив.

— За его величество с радостью отдаст жизнь любая из придворных дам. Или откусит себе язык, если он того пожелает, — с усмешкой заметил Эжен.

— Где у тебя телефонный аппарат? — неожиданно спросил Эдик.

— Позвони лучше с мобильного. Наш аппарат, как бы это помягче выразиться, не совсем в товарном виде. Микрофон приходится придерживать пальцами, и в наушнике трещит — того и гляди оглохнешь.

— Мобильный я где-то посеял, — мрачно признался Эдик. — Должно быть, по пьяни в машине забыл.

Эжен встал с табуретки, подошел к дивану, порылся в куче тряпья и откопал миниатюрный аппаратик, дорогую игрушку, которая в этой берлоге смотрелась примерно так же уместно, как рождественская елка на каннибальском пиру.

— На уж, пользуйся моим, инквизитор.

Эдик позвонил леди Джулии. Разговор длился недолго. Он пообещал представить все объяснения позже, попросил никому не говорить о звонке и осведомился о вчерашнем вечере. Алиби Эжена подтвердилось.

— Я думаю, вы на ложном пути, — заявил он. — Из чего Ирен и вы вслед за ней заключили, что убийца уголовного — один из наших? Почему убийца не мог просто сделать вид, будто работает в нашем здании? Даже проще: бугай вошел в холл, увидел стоящего или сидящего там человека, решил, что тот здесь работает, и стал проситься в сторожа. Зачем было киллеру его разубеждать, так ему ведь сподручнее с ним управиться. Понимаете, к чему я клоню? Убийца — совершенно посторонний человек. Он откуда-то знал, что жертва зайдет к нам в поисках работы, явился заранее и подготовил свою маленькую мизансцену. Чего ты трясешь головой, Эдик? Почему нет?

— Да потому, что в свете твоей версии убийство Ирен, исчезновение Мыколы и покушение на мужа Ирен не имеют смысла.

— М-да, — задумчиво протянул Эжен, — это довод. Значит, подозреваемых всего четверо? Ты, я, Базиль и Джованни? Между прочим, как насчет тебя? У тебя-то есть алиби?

— Только на вчера, — ответила за друга Надежда. — Я могу поклясться на Библии, что Эдик не стрелял в мужа Ирен.

— Боюсь, милицию это не впечатлит. Но я вам верю. Как-то мне, знаете, трудно себе представить, что вы явились сюда и разыграли целый спектакль только ради того, чтобы заручиться моей поддержкой. Я — человек маленький, моя поддержка не стоит стольких усилий. Да, Эдик, ты спрашивал, с нами ли вчера вечером были Джованни и Базиль. Так вот, их не было. Оба обедали с конкурентами. Акропольцы собрали на банкет всех директоров-смежников — они все еще носятся со своей идеей разделения территории. Тебя, кстати, тоже приглашали, но ты уже ушел в подполье. А Джованни с Базилем решили сходить, на людей посмотреть, себя показать...

— Значит, у них тоже есть алиби? — спросила Надежда.

— Не факт. Банкет начался в три. К шести все уже, конечно, основательно набрались. Вполне можно было уйти по-английски. Знаешь, Эдик, если выбирать убийцу из этих двоих, я бы сделал ставку на Базиля.

— Почему?

— Я Джованни восемь лет знаю. Он к нам с институтской скамьи пришел. Тогда еще и дизайн-студии-то не было, все сидели под одной вывеской. Это уж потом начали отпочковываться один за другим. Джованни с тех пор ничуть не изменился, как был теленком, так и остался. И про его жизнь всем все известно. А с Чезаре они вообще на один горшок ходили. Знаешь, какое Чезаре трепло? Ради красного словца не пожалеет и отца. При таком дружке в тайне ничего не сохранишь. Слышал, небось, про то, как Джованни сласти воровал? Продавщица взвешивает конфеты, лишние кидает на прилавок, а Джованни — мелкий еще совсем, из-за прилавка не видать — хватить их, и в карман. Вот тебе самое ужасное в его жизни преступление. Откуда там взяться знакомцу уголовного вида, объясни мне, пожалуйста? Я уж не прошу объяснить, как ты его представляешь в роли убийцы. По-твоему, он сидел в засаде, поджидая Ирен, потом направил на нее машину, сбил и проехался по телу несколько раз? Наш Джованни? И ты в это веришь?

— Нет, — честно признался Эдик. — Но и Базиля в этой роли я тоже не вижу. Он Ирен почитал за святую. Да и сам тяготеет к святости.

— Базиль — другое дело. Он приехал сюда всего два года назад и близкими друзьями не обзавелся. По идее, он может выдавать себя за кого угодно, и разоблачить его некому. Вот скажи, что ты про него знаешь, если не считать его восточных заскоков?

— Ну... не так уж и мало знаю, если подумать. Родился в Тамбове, возраст тридцать шесть лет, происхождение рабоче-крестьянское, служил в армии в железнодорожных войсках, где-то в Казахстане, потом работал родном Тамбове в типографии, окончил заочно какой-то технический вуз. Восемь лет назад стал владельцем небольшой информационно-рекламной газетенки, которую сам же и учредил. Больших денег не нажил, но концы с концами сводил, что, по мнению нашего босса, большое достижение для местного издания, не дотируемого никакими князьками, рвущимися в губернаторы. Потому-то босс его и заметил и, когда ему понадобился очередной директор, сманил в Москву. Что еще? Разведен, имеет семилетнюю дочь, которую регулярно навещает. Водит машину. Остальное — восточные заскоки.

— И все это ты знаешь только с его слов. Ну, разве что про газету и переезд в Москву — со слов босса. Понимаешь теперь, о чем я?

— Понимаю, — задумчиво сказал Эдик. — Слушай, Эжен, ты не против поехать сейчас к нему, переговорить? Базиль — здоровый мужик, боюсь, мы с Надькой вдвоем с ним не управимся.

— Не хочется тебя разочаровывать, но с Базилем тебе в ближайшие два дня переговорить не удастся. Он опять укатил в свой Тамбов на уик-энд.

— До понедельника? — ужаснулся Эдик. — Проклятье! А я-то надеялся, что не сегодня-завтра мы поставим точку. Ты представляешь, каково это — ощущать себя обложенным зверем?

— Ну-ну, не преувеличивай, — подбодрила его Надежда. — Осталось совсем немного — мы уже определили убийцу, можно сказать, дописали последнее предложение. А поставить точку — дело нехитрое. Выше нос!

— Да-а, вчера ночью мы с тобой тоже были уверены, что вычислили убийцу, а Эжену хватило пяти минут, чтобы доказать нам всю ошибочность нашего дедуктивного метода. Кто сказал, что у Базиля получится хуже?

— Если хочешь, можно съездить сейчас к Джованни, — предложил Эжен. — Он, по крайней мере, скажет, есть ли у Базиля алиби на вчерашний вечер. Да и у него самого, хотя лично мне его алиби до лампочки. Я все равно никогда не поверю, что Джованни может кого-то убить.

Эдик с сомнением посмотрел на часы:

— Не поздновато ли для визита? Джованни ведь с родителями живет.

— Ерунда! Родители у него классные. У Джованни чуть ли не каждую ночь народ тусуется — богема, елы-палы! — и родители эту наглую публику до утра чаем с пирогами потчуют.

Увидев Джованни, Надежда мгновенно прониклась упорным нежеланием Эдика и Эжена верить в его причастность к каким бы то ни было преступлениям. Он буквально излучал доброту. Это уютное круглое лицо, ласковые темные глаза, застенчивая улыбка, аккуратная картофелина носа, широкие сильные ладони с длинными чуткими пальцами просто не могли принадлежать убийце. И дом у него был уютным и добрым. И мохнатый коричневый свитер. И родители — довольно, кстати, старенькие для тридцатилетнего сына. Конечно же, Джованни был поздним ребенком, единственным и горячо любимым.

Мама Джованни действительно усадила гостей пить чай с пирогами. Пироги были еще теплыми — откуда они только взялись среди ночи? Усаживаясь за стол, Надежда настраивалась на долгие душевные разговоры, но деликатная хозяйка, убедившись, что все в порядке, оставила сына с гостями наедине. Эдик, не теряя времени на пространные вступления, быстро изложил суть дела, которое их привело. И повторил историю, которую уже рассказывал сегодня Эжену, но повторил с купюрами. Как заметила Надя, он старательно затушевывал тот факт, что подозреваемых всего четверо. Видимо, чтобы не травмировать Джованни, который и без того переживал безмерно — то и дело бледнел, закрывал лицо руками, бормотал: «невозможно», «чудовищно», «это безумие какое-то».

— Расскажи нам про этот вчерашний банкет, Джованни, — попросил Эдик. — Вы с Базилем держались вместе или разбрелись кто куда? Если разбрелись, то виделись ли потом? Досидели до конца или ушли пораньше? Дело не в том, что я подозреваю тебя или Базиля, просто мне нужно исключить тех, кто физически не мог стрелять вчера в мужа Ирен.

— Во сколько в него стреляли? — спросил Джованни. — Около семи? Тогда можешь исключить нас с Базилем. Не помню, во сколько мы ушли из ресторана, но после восьми точно. Даже, пожалуй, после девяти.

— И вы весь вечер не расставались? Так и ходили неразлучной парой, точно сиамские близнецы?

— Нет, в самом начале вечера нас разделили. Мы немного опоздали, поэтому пришлось сесть порознь, на свободные места. Часа полтора-два ушло на хвалебные речи, официальные тосты и деловую болтовню, а потом все, как водится, напились и начали резвиться, кто во что горазд. А нам с Базилем веселиться совсем не хотелось. Из-за Ирен. Он нашел меня и предложил перебраться из-за общего стола в угол. Мы взяли пару бутылок, закуску и отделились.

— И просидели вдвоем четыре часа?! О чем же вы говорили?

— Об Ирен. Знаете, у меня сложилось впечатление, что Базиль ее любил — не только по-человечески, но и как мужчина тоже. Молча, конечно, на расстоянии. Он мне не то чтобы признался, но что-то такое промелькнуло. А еще говорил о дочери, фотографию показывал...

— Базиль?!

— Представь себе. Смешная у него девчонка — рыжая, конопатая, на обезьянку похожа. Знаю, говорит, что некрасивая, но по мне, так никакая Мерилин Монро ей в подметки не годится. И про Ирен: «Ее бы тоже красавицей никто не назвал, а я все смотрел и никак не мог налюбоваться». Может, говорит, у меня вкуса совсем нет? Может, мне нельзя рекламой заниматься? А я его утешал: ты, мол, глазами души смотришь, а им всякая внешняя шелуха — не помеха.

— Давайте вернемся к нашим баранам, — прервал его Эжен. — Джованни, ты готов поклясться, что вы с Базилем вчера вечером пили водку в ресторане и глаз друг с друга не спускали?

— Готов.

— Ну, все ясно, Эдик. Твоя версия нуждается в доработке. Вспоминай, у кого еще были черные штаны.

— Ладно, — сказал Эдик, вставая. — Спасибо тебе, Джованни, и извини за вторжение. Нам пора.

Распрощавшись с хозяевами, Эжен, Эдик и Надежда вышли на лестничную клетку и обнаружили, что лифт сломался. Пощелкав кнопкой и помя-

нув черта, они двинулись вниз пешком и, спустившись на два этажа, увидели, что лампа на очередной площадке перед лифтом не горит. Из-под двери тамбура внизу свет тоже не пробивался. Эжен, шедший впереди, сбавил темп и взялся за перила. Надежда шагнула за ним и вдруг застыла. «Темная лестница, внезапно сломавшийся лифт... Возможно, я насмотрелась кино про маньяков, но...» Она скакнула через ступеньку, вцепилась в локоть Эжена, повернулась к Эдику и преувеличенно смущенно затараторила:

— Ой, мальчики, мне так неловко, но у меня прихватило живот. Боюсь, нам придется немедленно вернуться.

Эдик, умница, конечно, сразу все понял. Эжен тоже не подкачал. Повернулся, постоял минутку, словно раздумывая, и без слов повернул назад. Надежда летела впереди и тянула за собой обоих спутников, как на буксире. «Быстрее же! Ну, быстрее!» Но до квартиры Джованни они добрались беспрепятственно.

Увидев выражение ее лица, Джованни перепугался.

— Что случилось? На вас напали?

— Не успели. Но я уверена, что они, или, скорее, он, поджидал нас в тамбуре или на балконе.

— Может быть, я спущусь и посмотрю? — предложил Джованни.

— Не валяй дурака! — резко осадил его Эдик. — Если Надежда права, то никому из нас туда соваться нельзя. Этот тип охотится за всеми, кто слышал о «приключениях» Ирен в тот проклятый четверг. А ты теперь посвящен. Не забудь: у него пистолет.

— Тогда оставайтесь у меня, как-нибудь разместимся.

— Спасибо, но мне нужно идти, — заявил Эжен. — Вы можете проверить на мне безопасность пути. Если я не позвоню через пять минут, значит, проход закрыт.

— Какие-то у тебя шутки... несмешные, — прокомментировал Эдик. — Я, конечно, не могу тебя удерживать, но...

— Постойте, кажется, я придумал выход! — перебил его Джованни. — Сейчас позвоню другу, он живет этажом выше. Он нам поможет. Одну минутку!

— Чем поможет? — поинтересовался Эжен. — Даст альпинистское снаряжение? Или бронежилеты? Так киллеры обычно стреляют в голову.

— У него... Алло, Сева? Привет, Женя беспокоит. Слушай, нам нужна твоя помощь. Ты собак сегодня уже выгуливал?.. Очень обяжешь... Да, ждем. — Джованни положил трубку. — Сейчас спустится. У него два добермана. Необыкновенно умные звери. Севка с ними каждую свободную минуту возится. Кстати, сам он служил в спецназе, года три как вернулся.

Доберманов звали Джина и Шумахер. В отличие от хозяина, они вели себя очень сдержанно и чинно. Впрочем, когда хозяину разъяснили задачу, он перестал похихатывать и похлопывать Джованни, а заодно и его гостей по всем выступающим частям тела.

— Значит, так. Впереди пойдем мы с Шумахером, потом Джина, а за ней — вы. Если Шумахер кого учует, вы возвращаетесь на площадку выше и ждете там, пока мы не проводим незваного гостя до выхода. Джина останется вас охранять — на всякий случай. Потом я свистну, и вы спуститесь. Все ясно? Женька, фонарик есть?

Джованни принес фонарик, и они начали спускаться. На том самом месте, где несколькими минутами раньше запнулась Надежда, Шумахер предостерегающе зарычал.

— Быстро наверх! — скомандовал Сева. — Джина, охраняй!

Эдик, Надежда, Эжен и Джина поднялись на предыдущую площадку. Сева, придерживая Шумахера за ошейник, спустился, приоткрыл дверь тамбура и посветил туда фонариком.

— Эй, мужики, вы из этого дома?

В ответ послышалось что-то вроде: «А тебе какое дело?»

— Собака у меня нервничает. Не нравитесь вы ей отчего-то. Кстати, я бы не советовал вам шевелиться, не то вмиг останетесь без этого самого. В общем, так, выбирайте: или мы с песиком вежливо провожаем вас до выхода, или песик остается с вами, а я иду вызывать милицию.

Невидимые личности попытались прикинуться шлангами, дескать, что за наезд, мы никого не трогаем, пьем себе тихонько пиво, но Сева проявил твердость и выиграл раунд. Вернулся он нескоро, минут через десять.

— Давайте живее! Я заставил их сесть в машину и уехать, но, боюсь, они развернутся на ближайшем перекрестке. У меня там мотор прогревается, я вас до третьего кольца подброшу. Если поторопимся, засечь не успеют.

Надежду посадили впереди, а Эдику с Эженом пришлось втискиваться на заднее сиденье вместе с собаками.

— Между прочим, их было двое, и ни один из них у нас не работает, — поддел Эдика Эжен.

— Я понял. И даже сделал выводы.

— Да ну! И какие же?

— Либо они ждали не нас, либо убийца их нанял. В последнем случае дела наши обстоят скверно. Неизвестно ведь, когда именно их наняли — сегодня или на прошлой неделе. А это значит, что все наши алиби ни гроша не стоят. Похоже, придется начинать все сначала.

Халецкий знал, что говорил. Обход предприятий вокруг проклятого особняка и беседы с персоналом заняли у них с Бекушевым целый рабочий день. Без помощи Виктора Борису пришлось бы туго. К вечеру у обоих от усталости заплетались языки, но улов получился недурной. Выяснилось, что помимо супермаркета и картонажной фабрики убиенный Козловский успел под чужой фамилией поработать в кегельбане и экспресс-кафе на той же улице. Во всех этих местах он предпочитал трудиться в ночные часы и старался сблизиться с теми, кто, в силу своих обязанностей, тоже работал ночью. Рано или поздно любознательный молодой человек наводил сослуживцев на разговор о взрыве, причем делал это довольно ловко, не задавая прямых вопросов и не выдавая конкретную направленность своего любопытства. Помимо взрыва Козловского интересовали изменения в кадровом составе предприятия за последние несколько месяцев. Тут его любопытство было столь острым, что порой осторожность ему изменяла. «Прямо замучил меня вопросами, куда и почему ушли Сидоркин с Хабадзе, — жаловался напарник Козловского из кегельбана. — И зачем они ему, если он их даже не видел ни разу?»

Вскоре после начала опроса Бекушев поймал себя на мысли, что часть опрашиваемых ведет себя как-то... не совсем адекватно. Вроде бы на вопросы отвечают откровенно и подробно, но настораживала в их манере какая-то мелочь, которую он никак не мог определить. Виктор пробовал расширить круг вопросов, менял тактику, но так и не понял, в чем загвоздка. Поздно вечером они с Халецким встретились в привокзальной чебуречной, чтобы подвести итоги, и Бекушев поделился с Борисом своим наблюдением, в ответ на что тот признался, что и сам столкнулся с подобным феноменом.

— Только, знаешь, Пых, — сказал Халецкий голосом умирающего лебедя, — давай ты не будешь пытаться меня, что бы это значило. Я до одышки сыт местными трудягами, их изысканные речи вот-вот полезут у меня из ушей. Отложим на завтра, а?

Но на следующий день их коллега Тусепов, работавший по первому трупу маньяка, каким-то чудом изловил парочку подростков, видевших месяц назад подозрительную машину в районе мостика через Язу. Когда новость о трупе, найденном у реки, распространилась по округе, в мозгах подростков вяло шевельнулась мысль о том, что они, возможно, наблюдали момент доставки тела, но делиться ею с окружающими не стали. И только много дней спустя один из них в кругу сверстников обмолвился о машине. Слух начал потихоньку распространяться и, в конце концов, достиг ушей дотошного Тусепова. Тот призвал юнцов и учинил им допрос. Они видели совсем

немного, но сошлись во мнении, что машина была красной и маленькой. «Таврия» или, может быть, «Ока».

Таких машин в Москве и области сотни и сотни. Проверять их владельцев, даже при активной помощи московских и подмосковных участковых, — работа та еще! И прежде чем открывать фронт работ, Песич хотел убедиться, стоит ли овчинка выделки. Поэтому, несмотря на субботу, он разослал своих оперативников по другим местам, где отмечился маньяк, — поспрашивать, не видел ли кто в подходящее время красной малолитражки.

К вечеру субботы Бекушев чувствовал себя так, словно его пропустили через мясорубку. Подозревая, что дело не столько в усталости, сколько в подлом вирусе, он мечтал только об одном: добраться до постели и проспать все воскресенье напролет. Но из-за садиста Халецкого его замечательный план провалился. «Садист» позвонил в воскресенье днем и жизнерадостно сообщил:

— У меня волнительные новости, Пых. Разогревай борщ, жарь купаты, я сейчас подъеду.

— Какие купаты?! — простонал Виктор. — Я болен и лежу в постели!

— Напрасно, батенька. Болезни потакать нельзя, иначе она совсем на голову сядет. Выпей водки с чесноком и начинай отжиматься. Жратву я, так и быть, сам прихвачу по дороге.

Виктор понял, что от свидания с Халецким не отвертеться, и решил в отместку содрать с этой паршивой овцы клочок-другой шерсти.

— Надоели полуфабрикаты, — сказал он капризно. — Ты обещал сводить меня в приличное кафе. Вытащил меня из постели, испохабил единственный выходной, и я имею право на компенсацию морального ущерба! Или в кафе, или нет меня, умер. Увидимся в понедельник.

— А ты, оказывается, живодер, Бекушев, — помолчав, поделился своим открытием Халецкий. — Ладно, черт с тобой! Чистые пруды, кафе «Тореро». Встречаемся через сорок минут...

В кафе было пусто, из полутора десятков столиков заняты только три. Борис сидел за угловым и вовсю что-то наворачивал.

— Извини, Пых, я сделал заказ на свой вкус. Рыбу любишь? Я вообще-то тоже не очень, но паэлья не в счет. Садись скорее, остынет.

К «волнительным новостям» перешли только за кофе.

— Я знаю, зачем Козловский крутился на этой улице, и почему наш друг Соловейчик роет землю, — объявил Халецкий, отхлебнув кофе из чашечки. — Точнее, догадываюсь. Интересно, к каким выводам придешь ты. Слушай сюда. У покойного предпринимателя Мусина остались две вдовы. Сегодня утром я навестил старшую — мать погибшего Дмитрия Мусина. Сильная дамочка. Я ожидал увидеть почерневшую от горя полубезумную

развалину, а встретил интересную, хотя и печальную женщину, прекрасно владеющую собой. Свою семейную историю она поведала без всякого надрыва. Занятную, между прочим, историю.

Мусины поженились студентами, им обоим только-только исполнилось по девятнадцать. Родители с обеих сторон отнеслись к браку детей прохладно — кому охота сажать себе на шею лишнего иждивенца. Поэтому молодым быстренько выменяли комнату в коммуналке и предоставили их самим себе. Жили Мусины, извини за банальность, трудно, но весело. Питались преимущественно винегретами, но гости в доме не переводились. Институтская группа у них считалась самой сплоченной на курсе, и они свою сплоченность культивировали.

Занимающаяся заря капитализма застигла романтиков врасплох. Новоиспеченные молодые специалисты внезапно поняли, что они никому не нужны. К тому времени большинство вчерашних студентов переженилось, у многих появились дети, и, как их прокормить, было не совсем понятно. Стали крутиться, кто как умел: кто набрал технических переводов, кто переквалифицировался в строительные рабочие, кто торговал у метро бубликами. Самым неприспособленным помогали всем скопом. Подбрасывали детские шмотки, продукты, тайком запихивали в карман деньги. Небольшие, конечно, потому что все перебивались с хлеба на воду.

В эти-то тяжелые времена у Юры Мусина прорезалась предпринимательская жилка. Он единственный из всей группы основал собственную фирму по производству компьютеров. На первых порах сам, лично, челночил в Польшу, закупал там тайваньские комплектующие, привозил сюда, собирал и продавал. Мусин пытался втянуть в свой бизнес институтских друзей, но нищие романтики не очень-то верили в свободную инициативу и предпочитали небольшие, но гарантированные заработки. Через пару лет выяснилось, что воротили нос они напрасно. Мусин не только выжил в конкурентной борьбе, но и начал стремительно богатеть.

Маша Мусина, заткнув самые здоровые бреши в семейном хозяйстве, радостно бросилась помогать бывшим соученикам и уже вовсю предвкушала всеобщее счастье и благоденствие, когда заметила две неприятные тучки, омрачившие сияющий горизонт. Во-первых, муж, тянувший на себе уже две фирмы, производственную и торговую, практически перестал появляться дома. Он забыл про гитару, все реже появлялся у друзей в дни рождения и вообще манкировал всеми мероприятиями, которые устраивала бывшая группа. Словом, отдалился Юрий Николаевич и от семьи, и от вчерашних друзей. Но это бы еще полбеды. Мария Алексеевна — женщина умная, она понимала, какой груз взвалил на себя ее благоверный, и считала недопустимым требовать от него исполнения светских обязанностей. Беда была в

другом. Мусина почувствовала, что и друзья отдаляются, причем не только от Юры, но и от нее. Социальное неравенство становилось слишком уж заметным, слишком уж вызывающим. Отношения благодетелей и облагодетельствованных редко бывают непринужденными.

И тогда перед ней встал выбор: пожертвовать друзьями и остаться с мужем, который на глазах превращался в фантома, или принести в жертву дружбе сомнительное семейное счастье. Она выбрала второе и попросила у мужа развод. Юрий Николаевич пытался ее урезонить, но не сумел найти действенных доводов. Разошлись без скандала. Мусин оставил семье недавно купленную квартиру и положил сыну с бывшей женой щедрое содержание.

Сын Митя, в отличие от матери, материальные блага ценил высоко. К студенческим забавам Марии Алексеевны и ее друзей — походам, гитарах, песням — относился с высокомерным презрением. Книги брал в руки только в случае крайней необходимости. Зато уважал импортное барахло, навороченную электронику, дорогие автомобили. Мать с сыном часто спорили, ссорились, и Мария Алексеевна не сомневалась, что Митя рано или поздно уйдет от нее к богатому отцу.

Парень дозрел в четырнадцать лет. После очередного скандала хлопнул дверью, крикнув напоследок, чтобы обратно мать его не ждала. Но фокус не прошел. Отец к тому времени вновь женился — на красотке, властительнице дум столичного бомонда, и четырнадцатилетний пасынок нужен был молодой мачехе, как собаке пятая нога. Дмитрия отправили в Англию, в закрытую частную школу, откуда тот через полгода сбежал в ярости — закрытые английские школы относятся к своим питомцам не слишком нежно. Мусин-младший вернулся под материнское крыло, а на предателя-отца застал страшную обиду. Отказывался с ним видеться, разговаривать, порвал фотографии. Правда, деньги и подарки принимал — при посредничестве матери. Разрыв произошел четыре года назад, а примирение, насколько известно Мусиной, так и не состоялось.

Итак, обстановку в семье ты примерно представил, теперь перейдем к взрыву. В июне Мусин-младший сдал сессию и объявил матери, что едет отдыхать на Черное море. С кем и куда именно — не сказал, а Мария Алексеевна не расспрашивала, поскольку их отношения с сыном были далеки от доверительных. Через пару недель после отъезда Дмитрия ей позвонил бывший муж и спросил, где сын. Голос у Юрия Николаевича был озабоченный. Мария Алексеевна сказала про Черное море и спросила, что произошло. Мусин-старший отделался каким-то нелепым объяснением: дескать, хотел позвать сына с собой в отпуск. Мария этой отговорке не поверила, ведь муж прекрасно знал, куда послал бы его Дмитрий в ответ на такое при-

глашение, но настаивать на правдивом ответе не посчитала возможным. А через два дня ее вызвали с дачи, сообщив о гибели сына и бывшего мужа. Вот такая история. Твои соображения, Пых?

Как уже говорилось, для размышлений Виктору Бекушеву требовалось время и уединение. Поняв, что Халецкий ждет от него немедленных выводов, он вспылил:

— Что я тебе, фокусник, что ли?! Вот приеду домой, подумаю и завтра скажу тебе, какие у меня соображения.

— До завтра много воды утечет. Если мы не хотим растерять своих последних свидетелей, нужно поворачиваться живее. Ладно, я расскажу тебе, какая у меня картинка нарисовалась, а ты окинешь ее своим критическим взором на предмет правдоподобия. Сначала факты. Отец и сын Мусины до рокового утра не встречались уже несколько лет. За два дня до трагедии старший Мусин разыскивал сына, при этом голос у него был озабоченный. Дмитрий Мусин отца ненавидел, а деньги любил. Дмитрий Бобылкин, в машине которого взорвались молодые люди, был институтским дружкой Мусина, а «шестерка» Козловский, исчезнувший в то злополучное утро и спустя месяц объявившийся под чужим именем в супермаркете, на улице, где произошел взрыв, приходился Бобылкину кузенком. Наш загадочный друг Соловейчик, поразительно непрофессиональный для ФСБ, чьим удостоверением он размахивает, явился к нам с неубедительной историей и совершенно непонятной целью.

— Это твое мнение, — не согласился Виктор. — Я вовсе не нахожу его историю такой уж неубедительной, а свою цель он объяснил.

— Ладно, оставим пока в стороне этот скользкий вопрос. Не отвлекай гения от создания шедеврального полотна. Итак, я предположил следующее. Митя Мусин решил растрясти богатенького папашку на кругленькую сумму. План его прост, как апельсин: сообщить родителю, что сын похищен, и слупить выкуп. Но вот беда — при такой операции не обойдешься без пособников. Кто-то должен разговаривать с папашкой по телефону, следить, чтобы не было «хвоста», когда Мусин-старший повезет деньги, забрать выкуп. Митя обращается за помощью к институтскому дружке, а тот предлагает привлечь своего двоюродного братца, у которого есть кой-какой опыт по части уголовщины. Троица договаривается о разделении прибыли и принимается за дело. Дмитрий Мусин сообщает матери, будто едет к морю, а может, и правда уезжает на недельку развеяться перед операцией. Потом «залегает на дно». Кто-то из сообщников — думаю, Козловский, у него это вышло бы убедительнее — звонит Мусину-старшему, объясняет, что станет с сыном в случае папиного непослушания, и дает два дня срока на сбор денег. Дальше, как говорится, возможны варианты. Мусин, разумеется, не хо-

чет рисковать жизнью сына, поэтому в милицию не обращается. Но, возможно, просит совета у начальника своей службы безопасности. Мария Алексеевна не слишком хорошо осведомлена насчет СБ в бизнесе мужа, но знает, что она имела, и возглавлял ее бывший военный, полковник в отставке. Кстати, его заместитель тоже полковник, но гэбэшник. Едем дальше. Итак, вариант первый: Мусин советуется со своими специалистами. Вариант второй: Мусин помалкивает, но специалисты сами с усами. Видят, что патрон лихорадочно собирает наличные, и делают правильные выводы. Так или иначе, но они сговариваются за патроном проследить, дожждаться момента передачи денег, а потом изъять их у похитителя — в свою пользу, естественно. Сговариваются, позабыв о вражде, потому что в одиночку такое дело проверить нелегко.

Тем временем приходит день Икс. Мусин-отец, следуя инструкциям, отсылает охранников, садится в чужую машину (возможно, угнанную Козловским и оставленную в условленном месте) и едет на встречу с похитителем. Верхушка СБ незаметно следует за патроном — скорее всего, на двух машинах. Но Козловский тоже не лыком шит. Я думаю, он давал указания о маршруте по радиотелефону, а сам наблюдал с разных удобных точек, не едет ли кто за Мусиным. В общем, вычислил «хвост». Надо думать, Юрию Николаевичу пришлось выслушать много неприятных слов, но он сумел убедить Козловского, что не хотел ничего плохого, и пообещал сбросить преследователей. Довольный Козловский направил его к месту встречи, сам занял выгодную наблюдательную позицию, и, когда машина Мусина поравнялась с машиной Бобылкина, а Мусин открыл дверцу и забросил мешок с деньгами на верхний багажник, нажал на кнопку дистанционного взрывателя.

— И кузена не пожалел? — недоверчиво спросил Виктор.

— С кузеном пришлось бы делиться. А может, шпане Козловскому с детства ставили в пример благовоспитанного двоюродного братца, и он давно мечтал свести с парнем счеты.

— А почему младший Мусин был в машине Бобылкина? Ведь папаша мог его заметить.

— Наверное, не хотел выпускать из виду мешок с бакшишом. А чтобы папа не заметил, спрятался между сиденьями или чулок на лицо натянул. Тому наверняка велено было не задерживаться.

— Ладно, допустим. Но взрывать в момент передачи денег, по-моему, идиотизм. Они же сгорят, к чертовой матери, или разлетятся по всей округе! На что Козловский рассчитывал?

— Ну и зануда ты, Пых! — скривился Халецкий. — Откуда мне знать, что у него в башке творилось? Может, он был гением по саперной части и вир-

туозом направленных взрывов. А может, наоборот, слыхом не слыхивал о бризантности, ударной волне и прочих прелестях подрывного дела.

— Тогда бы он и взрывать не стал. Нет, Боря, что-то у тебя не склеивается. Разве что Козловский планировал совсем небольшой взрыв, только чтобы кузена и Мусина-младшего убрать... Сунул стограммовую шашку под сиденье. Пассажирам хватило бы, а машину в клочья не разнесет, и мешок на багажнике уцелеет.

— А как же папа Мусин? — поинтересовался Борис. — Вряд ли Козловский мог рассчитывать, что стограммовая шашка прикончит человека в другой машине.

— Может, он и не рассчитывал. Может, собирался подождать со взрывом, пока Мусин-старший не отъедет. А тому, к примеру, взбрело в голову вылезти из машины, чтобы взглянуть на похитителей. Пришлось Козловскому раньше на кнопку нажать.

— Ты, Пых, не прав. Взрыв у него весьма приличный получился. Мне районный опер говорил: там ого-го как полыхало!

— Наверное, бензопровод пробило осколком, бензин сдетонировал...

— Слушай, хватит, а? Ну какая тебе разница, что планировал Козловский и что произошло на самом деле? Теперь этого уже никто никогда не узнает. Считай, что он был дураком, и мешок с деньгами уцелел по чистой случайности. Отбросило его взрывной волной в целости и сохранности.

— Ладно. А дальше что?

— Дальше Козловский побежал за мешком. А мешок-то тем временем — тю-тю!

— Куда же он делся?

— Вероятно, упал под ноги случайному прохожему, и тот, не будь дурак, поскорее испарился с трофеем вместе. Козловский покружил у дымящихся обломков, понял, что его опередили, и тоже дал деру — не дожидаться же милиции. Тем временем бывший вояка с бывшим гэбэшником, кружившие где-то поблизости, услышали взрыв и рванули туда. Гэбэшник, помахав эфэсбэшным удостоверением (только не спрашивай меня, откуда он его взял), разогнал подъехавшую милицию, позвонил какому-то знакомому чину из ФСБ — к примеру, бывшему сослуживцу — и попросил его взять дело под свой контроль, посулив треть от суммы выкупа. В задачу чина входило увести расследование в сторону, чтобы его подчиненные, не дай бог, не догадались о замешанных в деле деньгах. А бывший гэбэшник и бывший вояка должны были разыскать Козловского с мешком. Возможно, шишка из ФСБ дал им в помощь каких-нибудь практикантов, наказав исполнять приказы и не задавать вопросов, а воз-

можно, они воспользовались силами собственной службы безопасности. Неважно. Важно, что поиски успехом не увенчались.

Тем временем Козловский пришел в себя после сокрушительного удара судьбы и решил, что у него есть шанс. Если прохожий, уволокший мешок, не такой уж случайный, если он, например, работал в одном из окрестных заведений и тем ранним утром шел себе домой после трудовой вахты или, наоборот, — из дома на вахту, его можно найти.

— И ты думаешь, он его нашел?

— Похоже на то.

— Невероятно!

— Да уж. Зато все объясняется. И трудовое рвение Козловского, распространившееся на исключительно узкую территорию, и вопросы об уволившихся предшественниках, и его появление в известном тебе особняке, где его никто никогда не видел, и ничем не мотивированное, на первый взгляд, убийство, и загадка Соловейчика, и странное поведение бывших сотрудников Козловского... Мы были не первыми, кто расспрашивал этих трудяг о нем. Только предыдущие визитеры предъявили удостоверения другого образца и попросили забыть о своем визите.

— Да, похоже на то, — согласился Виктор. — А что насчет Соловейчика?

— Сдается мне, что Соловейчик — это тот самый бывший вояка, начальник мусинской службы безопасности.

— Почему?

— Ну, во-первых, как я уже говорил, на фээсбэшника он не похож. А во-вторых, кто еще мог к нам пожаловать?

— Но как ему удалось провести Песича? И зачем он вообще приходил?

— Песича провел не он, а его фээсбэшный покровитель, тот самый чин, которому обещали треть выкупа. А приходил он... я думаю, главным образом, затем, чтобы выяснить, кто будет вести дело Козловского. Вряд ли Соловейчик на самом деле рассчитывал, что мы будем звонить ему и делиться своими впечатлениями, прежде чем внесем их в отчеты. А содержание отчетов он мог бы узнать и через своего высокого покровителя. Нет, Соловейчик испугался, что мы арестуем убийцу раньше, чем они доберутся до денег.

— А как он собирается этому помешать?

— Он пришел познакомиться с нами, а потом указал на нас своим помощникам, чтобы они за нами приглядывали. Помнишь, в понедельник ты сказал мне, что твой корешок Коля, похоже, что-то знает? А на следующий день Коля исчез. Думаешь, это совпадение?

— Ты с ума сошел, Борис! У тебя типичная паранойя. Скажи еще, что исчезновение Вязникова, подруги и мужа Морозовой, тоже на их совести!

— Как знать, как знать, — задумчиво проговорил Халецкий. — Во всяком случае, неплохо бы нам поскорее разыскать их. Даже если эта троица испарилась добровольно, то теперь наши рыбки-лоцманы кинутся за ними в погоню, а это может плохо кончиться для беглецов.

— Ладно тебе причитать. Лучше займемся делом. С чего начнем?

— Давай с Вязникова. Я еще раз съезжу к нему домой, поговорю с соседями, а ты наведи его «голубок», в смысле, подчиненных. Ты говорил, что директор с ними нежен, записочки им оставляет? Значит, он наверняка не захочет, чтобы девочки волновались, и найдет способ с ними связаться.

Они расплатились, оделись, вышли на улицу и через несколько шагов столкнулись с молодой цыганкой.

— Подайте ребенку на молоко, — сунулась она к Виктору.

Он остановился и, повернувшись к Борису, пробормотал:

— Ну вот, сейчас ты скажешь, что ко мне клеются классные красотки. Эй, девушка! (Цыганка вдруг поспешно отступила, повернулась и бросилась бежать.) А как же ребенку на молоко?

Халецкий, до которого только теперь дошел смысл происходящего, бросился в погоню. Через три минуты он вернулся, тяжело дыша.

— Свернула в подворотню, и как в воду канула. А ты чего стоял, ушами хлопал?

— Борь, а что все это значит? На меня сначала цепляют «жучка», а потом отцепляют? Зачем? И откуда они знают, где мы встречаемся?

— Телефоны наши, небось, прослушивают. А «жучок» отцепляют, чтобы ты его случайно не обнаружил, балда. Нет, а я-то лопух! Знал ведь, что такое возможно, и все равно распелся, как тетерев на току. Ладно, Пых, идем скорее. Нам теперь придется бежать впереди паровоза.

17

Светлана Георгиевна, безусловно, принадлежала к породе русских женщин, воспетых поэтом Некрасовым. Если Людмилу запертая дверь повергла в бессильную ярость, то ее бабушка даже бранного слова пожалела в адрес мужа и сына, только скривила презрительно губы и направилась к телефону вызывать слесаря.

— Вот что, Люсенька, — сказала она внучке, пока слесарь, громко пыхтя по ту сторону двери, перепиливал ригель. — Боюсь, это мероприятие затянется надолго. Мы не можем бросить открытую квартиру, придется ждать, пока не поставят новые замки. Не знаю, сколько провозится

этот астматик, но непохоже, чтобы он стремился в книгу рекордов. Поэтому поезжай-ка ты без меня. Как вызволят нас из заточения, так сразу и поезжай.

Хотя Людмила чувствовала себя несколько неуютно при мысли о сольном выступлении перед незнакомой и, может быть, даже враждебно настроенной аудиторией, предложение бабушки показалось ей разумным. Но визит на работу матери не принес ничего, кроме злости и разочарования.

Войдя в вестибюль и оглядевшись, Людмила увидела сидящую за столом группу людей, пьяных и печальных. Пока она подыскивала слова, объясняющие цель ее визита, растрепанная рыжая девица с потеками туши на щеках равнодушно сообщила ей, что кабинет стоматолога наверху, а остальные конторы сегодня закрыты. После этого объявления Людмила окончательно растерялась, но тут из-за стола поднялась сидевшая в дальнем конце брюнетка, которая заправляла всем на похоронах, и, узнав посетительницу, сказала:

— Вы на поминки? Проходите. — И махнула рукой в сторону полуоткрытой двери.

На лицах остальных, только что взиравших на Людмилу с тупым безразличием, появился интерес. «А это еще кто такая?» — расшифровала она про себя вопросительные взгляды и с жалкой суетливостью поспешила удовлетворить любопытство присутствующих:

— Я — дочь покойной.

За столом воцарилось напряженное молчание, которое нарушил бородач в мешковатом свитере, обратившийся к брюнетке со словами:

— Ты знала, что у Ирен есть взрослая дочь?

Людмила аж зубами закричала. Напрасно она боялась, что мать опорочила ее перед своими коллегами — эта мерзкая тварь просто не потрудилась упомянуть о существовании дочери, будто той никогда и не было на свете. А брюнетка метнула в сторону бородатого укоризненный взгляд, подошла к Людмиле, обняла ее за плечи и легонько подтолкнула к двери, на которую показывала раньше.

— Мы очень сочувствуем вашему горю. Ирен тут все любили. По настоящему. А вы похожи на маму, те же глаза. Да, простите, я не представилась. Меня зовут Полина.

— Людмила, — буркнула «убитая горем» дочь, сражаясь с искушением оспорить свое сходство с матерью.

Ее привели в небольшой зал, помогли снять пальто, усадили за стол, налили водки, положили на тарелку блинов и кутьи.

— Помянем Иринку еще раз, — сказал кряжистый блондин с широким мужицким лицом. — Светлейшей она души человек. Быть ей в следующем воплощении бодхисатвой. — С этими словами он одним махом вылил в себя неслабую дозу прозрачного зелья.

Людмила тоже пригубила водки из рюмки, после чего сразу перешла к цели своего визита:

— Мне бы очень хотелось поговорить с кем-нибудь из маминых близких — с мужем, с подружкой... Папа рассказывал мне о Елизавете, которая дружила с мамой всю жизнь, с самого детства. Извините, Полина, — обратилась она к сидящей рядом брюнетке, — я здесь никого не знаю. Вы не могли бы показать мне этих людей?

— К сожалению, их здесь нет. — покачала та головой. — Насколько нам известно, муж Ирен лежит в больнице. Мы собирались его навестить, но столько времени ушло на оформление бумаг, на организацию похорон... Да, неловко получилось. Но Елизавета его навещала, я знаю. Кстати, непонятно, почему ее сегодня нет. Когда мы разговаривали по телефону, она не сомневалась, что придет. Должно быть, заболела, сейчас зверский грипп ходит. Но вы не расстраивайтесь, Люда. Мы тут все знали Ирен довольно хорошо, можем до ночи о ней рассказывать, если хотите.

И Людмиле ничего не оставалось, как выразить горячее согласие. В результате ей пришлось два часа кряду выслушивать восхваления в адрес «этой твари» и при этом еще демонстрировать живейшее внимание и благодарность. Диво еще, что ей удалось не лопнуть от злости и не свихнуться.

Ночью ее мучили кошмары. Светлана Георгиевна, разбуженная криком, заварила травяной чай из мяты, пустырника и валерианового корня, а потом до утра просидела у постели внучки, охраняя ее сон.

А на следующее утро она сама затронула тему, которая обеим не давала покоя.

— Все-таки очень странно, что Елизавета не явилась на похороны. Наверное, действительно серьезно заболела. Как ты думаешь, будет ли прилично, если мы навестим ее сегодня, справимся о здоровье? Скажем, что сильно обеспокоились, увидев, что она не пришла.

— По-моему, в проявлении заботы не может быть ничего неприличного, — решила Людмила. — Только не нужно сразу напирать на наследство.

— Что я, не понимаю, что ли? — обиделась бабушка. — Главное — навести мосты, завязать отношения, а с вопросами можно подождать до следующего визита. Впрочем, про любовника Таисьи можно ненавязчиво расспросить и сегодня. Так, для поддержания светской беседы.

Нанести визит решили ближе к вечеру, чтобы не отвлекать хозяйку от дел, которые та, возможно, запланировала на день.

— Конечно, было бы приличнее сначала позвонить, — сказала бабушка. — Но у меня нет ее номера, а с твоим отцом я с позавчерашнего дня не разговариваю. И потом, всегда есть риск, что по телефону от нас под каким-нибудь предлогом отделаются. Нездорова, занята, сию минуту должна убегать... Указать незванным гостям на дверь значительно труднее.

«При условии, что хозяева дома», — мысленно добавила Людмила. И сглазила.

Светлана Георгиевна позвонила в дверь квартиры, выходящую на ту же лестничную площадку, что и дверь «этой твари». Чуткое Люсино ухо уловило слабый шорох, потом «глазок» потемнел и дрожащий голосок спросил:

— Кто там?

— Деточка, я знакомая твоей мамы. Маму зовут Лиза, правильно?

— Да. Это она вас послала сюда? Подождите. — За дверью завопили, послышался металлический лязг, и в узкой щели, стянутой цепочкой, появилось детское лицо. Девочка выглядела лет на десять-одиннадцать. Худенькая, бледная, с толстой темной косой. Темно-серые глазки смотрели на Светлану Георгиевну с отчаянной надеждой и страхом одновременно. — Вы пришли от мамы?

— Нет, к маме. А что, с ней что-нибудь случилось? Она в больнице, да? Надежда в детских глазах погасла.

— Не знаю. Она пропала. Мы с папой уехали в гости к бабушке с дедушкой, а мама осталась дома ухаживать за дядей Петей, мужем тети Иры. Когда тетю Иру сбила машина, у него не выдержало сердце, и его увезли в больницу. Но дядя Петя оттуда сбежал, потому что беспокоился за Микки — это их с тетей Ирой сынишка. И мама сказала, что не поедет на день рождения к дедушке, потому что за ними нужно приглядывать. А потом пропала. Мы с папой вернулись, а ее нет. Только записка на столе: «Мне срочно нужно уехать, потом все объясню». Но она не собиралась никуда уезжать! — с отчаяньем закончила девочка и заплакала.

— Погоди, котенок, — ласково сказала Светлана Георгиевна. — Не плачь. Тебя как зовут?

— Рита. А вас?

— Меня — тетя Света, а это Люся. Ну что ты сырость разводишь, Ритуля? Я понимаю, ты тревожишься за маму, но она же оставила записку! Значит, с ней было все в порядке, когда она уезжала. А вы с папой не спрашивали дядю Петю, она не разговаривала с ним перед отъездом?

— Дядя Петя тоже пропал. И Мишутка. Папа обзвонил все больницы, но их нигде нет. А в милиции ему сказали: «Беспокоиться рано. Тем более, раз есть записка».

— Вот видишь! — воскликнула Светлана Георгиевна фальшиво-бодрым тоном. — В милиции знают, что говорят. Вот увидишь, все будет хорошо. Мало ли куда могла уехать ваша мама! Вдруг в ваше отсутствие дяде Пете позвонили и сказали, что тяжело заболел кто-нибудь из родственников? Ему пришлось срочно ехать, а мама не могла отпустить их с Мишуткой вдвоем, потому что дядя Петя и сам болеет.

— У дяди Пети нет родственников, — мрачно сообщила Рита.

— Ну, кто-нибудь из близких друзей.

— Но мама могла бы позвонить оттуда!

— А если там нет телефона? Может, этот друг живет в какой-нибудь глухой деревне.

Серые глазищи вновь осветились надеждой.

— Вы, правда, так думаете, или просто хотите меня успокоить?

— Ну, конечно, я хочу тебя успокоить, Ритуля, но это вовсе не значит, что я обманываю. Подумай сама: такой вариант вероятен ничуть не меньше, чем все те ужасы, которые ты себе представляешь. И вообще, если бы с твоей мамой случилось что-нибудь плохое, вам бы давно сообщили. Знаешь такую поговорку: «У дурных вестей длинные ноги»?

— Папа говорит, что иногда людей привозят в больницы без сознания и без документов. Тогда родственникам ничего не сообщают, потому что не знают, как их найти. Он сам теперь ездит по больницам, ищет маму.

— Нельзя быть такой пессимисткой, Маргарита. Ты же знаешь: мама пропала вместе с дядей Петей и Мишуткой. Не могли же они все втроем попасть в больницу без документов и без сознания!

Бледное личико разгладилось.

— Да, наверное. А дядю Петю тоже все ищут. К нам милиционер приходил, потом еще мужчина и женщина с его работы.

— Когда они приходили? — заинтересовалась Светлана Георгиевна.

— Милиционер в четверг, когда мама пропала. А мужчина и женщина — вчера.

— А ты не знаешь, где дядя Петя работает?

— Не знаю. Наверное, в какой-нибудь газете. Он журналист.

— Ну что, Маргарита, я тебя убедил, что все обойдется? — спросила Светлана Георгиевна жизнерадостно. — Могу я попросить тебя кое о чем? — Она открыла сумочку, достала ручку и отрывной блокнот и нацарапала на листке свои имя, отчество и номер телефона. — Когда мама найдется, по-

проси ее позвонить мне. Или позвони сама, если будут какие-нибудь известия о пропавших. Вот мой телефон. Не забудешь?

Рита взяла листок и кивнула.

— Не забуду. Спасибо вам.

— Не за что, котенок. Гляди веселей. Надеюсь, скоро мы с тобой увидимся, и ты сама посмеешься над своими страхами.

Но когда девочка закрыла дверь, жизнерадостности у Светланы Георгиевны значительно поубавилось.

— Не нравится мне все это, — мрачно заметила она, когда они с Людмилой вышли из лифта. — Знаешь, Люсенька, я вчера посчитала, и получилось, что за последние семь лет Таисья зарабатывала в среднем что-то около четырех тысяч. Сначала меньше, потом больше. Приблизительно тысячу — тоже в среднем — она переводила тебе. Остается три. При своей нищенской психологии едва ли она тратила больше пятисот долларов. Ну ладно, пусть будет тысяча. Две тысячи в месяц — это двадцать четыре тысячи в год. Округлим до двадцати пяти. За семь лет получается сто семьдесят пять тысяч. Вряд ли она их прятала в матрац. У твоей матери не было сердца и совести, но мозги у нее работали получше иного вычислительного центра. Не удивлюсь, если она играла на бирже и удвоила, а то и утроила свой капитал. И теперь это твой капитал — по крайней мере, наполовину. С точки зрения закона, этот «дядя Петя» ей никакой не муж, а значит, претендовать на свою долю не может. Его исчезновение выглядит в высшей степени подозрительно. Что, если он решил не делиться с тобой, законной наследницей? Прикарманил все акции, облигации или в чем там Таисья держала капитал, собрал вещички и наострил лыжи куда-нибудь за границу. А тут нагрянула Елизавета и застигла его в дверях с чемоданом. Наверное, он попытался запудрить ей мозги, но она женщина неглупая, сообразила, что к чему. Или... Господи! Я все поняла! Этот тип сам убил твою мать, чтобы завладеть ее деньгами! А Елизавета, увидев его с чемоданом, обо всем догадалась. Ему пришлось срочно от нее избавляться. Бросил труп в квартире, запер дверь и помчался с ребенком в аэропорт. А может, и ребенка... Нет, сын ему нужен, он же наследник. Вряд ли Таисья оформила свои акции-облигации на имя сожителя. — Тут Светлана Георгиевна остановилась и, не обращая внимания на лощеного дядьку, который курил у машины в двух метрах от них, заголосила: — Нужно что-то делать, Люсенька! Ты понимаешь, какие деньги от тебя уплывают?! Сейчас же идем в милицию!

Людмиле показалось, что внутри у нее что-то лопнуло, и она впервые за много лет сорвалась по-настоящему.

— Ты совсем сбрендил на старости лет?! — заорала она. — Бразильских сериалов насмотрелась? Бешеные деньги, убийства, наследство! И с этим бредом ты собираешься заявиться в милицию? Давай, бог в помощь! Посмотрим, сколько они выдержат, прежде чем упекут тебя в психушку! Только я краснеть за тебя не собираюсь и участвовать в твоём шоу не намерена. И вообще, ты у меня уже в печенках сидишь со своими идиотскими фантазиями и прожектами!

С этими словами Людмила резко развернулась и со всех ног побежала от бабки прочь.

— Люся! Остановись немедленно! — кричала Светлана Георгиевна, но внучка продолжала нестись вперед, не разбирая дороги.

Впереди затормозила машина, водитель вылез из салона и встал у нее на пути.

— Что случилось, девушка?

— Уйди, козел! — рявкнула Людмила и попыталась его оттолкнуть.

Не тут-то было! Дядька одной рукой захватил оба ее запястья и стиснул их, словно стальным обручем, а другой нырнул во внутренний карман пальто и извлек какие-то «корочки».

— Спокойно, милочка! Милиция.

— Пустите! Я все равно ничего не вижу! С тем же успехом вы можете подsunуть мне пенсионное удостоверение!

— Тогда сядем в машину. Я включу свет.

И он, не обращая внимания на отчаянное сопротивление, открыл дверцу, пролез на водительское место и втащил девушку за собой. Пока она, вчитываясь в прыгающие буквы, уясняла себе, что имеет дело с майором МВД Устиновым Игорем Юрьевичем, тот перегнулся через нее и заблокировал дверцу. Это движение испугало Людмилу. Она внимательно посмотрела на холеное лицо дядьки, на его щегольское пальто и дернулась к кнопке блокировки:

— Выпустите меня! Вы не из какой не милиции! Менты так не одеваются!

Предполагаемый майор потянулся и легко оторвал ее руку от дверцы. Пока Людмила сражалась с ним, что-то укололо ее в шею немного пониже уха. Она вскинула руку, но не успела донести ее до места укола, как отключилась...

18

Эдик играл отчаяние. Точнее, не так — он его воплощал. То сидел каменным изваянием, понутив голову и запустив обе пятерни во всклокоченную шевелюру, то метался по комнате, бормоча: «Кто?! Кто из троих? С этими, мать их, алиби мы ни в жизнь его не прижучим...» Лиска, потря-

сенная до глубины души смертной мукой, плескавшейся в его бездонных черных глазах, пыталась, как могла, утешить страдальца. А Надежда играла с Мишуткой. Она понимала, что этот драматический накал страстей по большей части адресован ей, но ничего не могла с собой поделать. Оглашая квартиру совершенно неприличным в данных обстоятельствах счастливым смехом, они с малышом ползали наперегонки по ковру, носились друг за другом по комнатам, прячась по углам и неожиданно выскакивая из-за засады, и швырялись вышитой «думочкой», которую Мишутке выделили в подушки.

В конце концов Эдик смертельно обиделся и закрылся в своей комнате, красноречиво хлопнув дверью. Лиска переживала, но безудержное веселье счастливой парочки было таким заразительным, что губы ее против воли складывались то и дело в улыбку, а потом, не выдержав, она включилась в игру. Когда вся троица утомилась, Надежда вручила Мишутке кипу ярких женских журналов, ножницы с тупыми закругленными концами и предложила Лиске выпить чаю. Эдика она тоже позвала, но тот не собирался так легко прощать отступницу и буркнул в ответ что-то гордо-отрицательное.

— Вы отлично поладили, — заметила Лиска, наблюдая за Мишуткой, который увлеченно терзал ножницами глянцевое великолепие. — Смотрю на вас и не пойму, кому эти лихие скачки доставляют больше удовольствия — тебе или Микки. Можно задать нескромный вопрос?

— Почему я не обзавелась собственным Микки? — попробовала угадать Надежда.

И не угадала.

— Почему вы с Эдиком не вместе?

— Это было бы затруднительно, — усмехнулась Надя. — У нас в стране полигамия не в почете.

— Извини, — примирительно сказала Лиска. — Близкие вечно ругают меня за привычку совать нос не в свое дело. Не хочешь, не отвечай.

Надежда внимательно посмотрела на свою визави — а девочка-то, оказывается, непроста — и вдруг ощутила острый укол зависти к Ирен. Как-то так вышло, что у Надежды за всю жизнь никогда не было подруги. Были поклонники, были друзья, Эдик и Сашка, были хорошие приятельницы, а подругой она не обзавелась. С приятельницами Надежда поддерживала самые теплые отношения, но ничего глубоко личного им не поверяла. И не только приятельницам, вообще никому. Разве у веселого беспечного создания бывают сердечные тайны и душевные переживания? А Надежда старательно лепила образ именно легкомысленный и внимательно следила, чтобы ни одна деталь из него не выбивалась.

Лиска с Ирен дружили с детства, и, по-видимому, их связывали очень тесные отношения. «Это несправедливо, — подумала Надежда. — У нее было все: подруга на всю жизнь, любящий муж, сын... Коллеги ее боготворили, клиенты носили на руках. И она еще увела у меня Эдика!»

Лиска, в свою очередь наблюдавшая за Надеждой, уловила легкую тень, рябью пробежавшую по ее лицу, и деликатно сменила тему:

— Какая у тебя большая квартира! От бабушки с дедушкой досталась?

— Да. Дед был строителем, большим начальником. В войну до генерала инженерных войск дослужился. Только он здесь почти не жил. Сразу, как справили новоселье, сбежал от бабки на какую-то стройку века.

И Надежду неожиданно прорвало. До сих пор она обсуждала болезную тему бабки только с Сашкой, и то постольку-поскольку. Никому еще она не рассказывала о своей ненависти к старухе, о разъедающей душу тревоге за мать, о безобразных скандалах, доходивших иной раз до рукопашной, о вынужденном бегстве из родительского дома, потому что эти схватки оборачивались для мамы многодневной пыткой... А теперь вдруг разоткровенничалась.

— С бабкой вообще никто не способен ужиться. Даже мама — воплощенная кротость — сбежала от нее замуж, едва восемнадцать стукнуло. Ты не представляешь, в какой тесноте они с отцом жили! У его родителей был частный дом в деревеньке Челобитьево, неподалеку от Кольцевой дороги. И вот дедушка с бабушкой, папин брат, сестра с мужем и двумя детьми и мама с папой ютились в двух комнатенках. Летом еще ничего — расселялись на веранду, на чердак, а зимой сидели друг у друга на головах. Хорошо еще, жили дружно, помогали друг другу. Когда я родилась, моя тетка, папина сестра, не позволила маме уйти из института, сама меня нянчила. На ферму за спиной таскала, как цыганка. Она ветеринаром работала. А потом дом снесли и дали на всех три квартиры. Тут-то бабка и дождалась своего часа. Вселилась к нам под предлогом, что она старая, больная женщина и нуждается в уходе. Отец просто видеть не мог, как она издевается над мамой, но когда он пытался осадить ее или вернуть по месту прописки, начиналось форменное светопреставление. Бабка орала на весь дом, задыхалась, билась в эпилептических припадках, мама плакала, я рыдала. В общем, в один прекрасный день нервы у отца не выдержали, и он, по стопам деда, хлопнул дверью и подался в Магадан. После этого бабка окончательно распустилась. Никакому Диккенсу не под силу описать, как она над нами измывалась. Главным образом, над мамой, конечно, я-то скоро начала показывать зубы, все активнее заступаться за маму. До тех пор, пока не поняла, что повторяю ошибку отца. От моей правозащитной деятельности выигрывала только бабка, которая обожает скандалы. Дай только

предаться любимому занятию, прямо расцветает вся. А мои отнюдь не дипломатические демарши позволяли ей истязать маму с утроенной энергией. «Полюбуйся, полюбуйся, какую дочь ты вырастила!» И так далее в том же духе. Но смотреть на мамины мучения у меня тоже не было сил. Поэтому я дезертировала, как когда-то дед с отцом. Только не на стройку века и не в Магадан, а сюда, в бабкину квартиру.

— И она тебя пустила? — удивилась Лиска.

— Нет, мне пришлось выйти замуж и выдержать настоящий бой. Но это уже совсем другая история. К тому же пора ложиться спать...

Надежда не поняла, что ее разбудило. Когда она открыла глаза, в комнате стояла тишина, только сонно посапывал Мишутка, да едва слышно дышала Елизавета. Тем не менее, сердце у Нади колотилось, как безумное. Пытаясь унять нервную дрожь, она встала и вышла в коридор. Ни звука. Заглянула на кухню. Никого. Подошла на цыпочках к комнате Эдика и приоткрыла дверь. Безмятежное похрапывание.

Надежда отругала себя и снова отправилась на кухню — за валерьянкой. Несмотря на очевидное отсутствие причин, она почему-то по-прежнему старалась двигаться бесшумно, на цыпочках. До кухни она не дошла. Приросла к полу в прихожей, уловив обострившимся от страха слухом тихое, почти беззвучное шипение.

Как всегда, инстинкт сработал быстрее сознания. Она еще спрашивала себя, что бы это значило, вспоминала не к месту «Пеструю ленту», а ноги сами отнесли ее в ванную, руки сорвали с вешалки полотенца, намочили, отжали и обмотали одно вокруг лица.

Позже она пыталась восстановить в памяти свои действия, но так и не поняла, как ей удалось без единого звука разбудить Лиску и Эдика (тот впоследствии уверял, что просто онемел, увидев ее белую физиономию в розово-полосатой маске), знаками убедить их, что нужно обмотать лица полотенцами и быстро, но бесшумно одеться, в миг нагрузить Эдика пальто, шубами и сумками, впихнуть Елизавете обувь, и вылезти через окно на балкон, не разбудив завернутого в одеяло Мишутку.

Почему-то Надежда была убеждена, что до тех, кто затаился по ту сторону входной двери, не должно донестись ни звука — иначе произойдет нечто страшное. У нее едва не выскочило сердце из груди, когда створка окна стукнула, отделяясь от рамы. И потом — когда под их ногами загремел жестяной пол балкона.

Собственно, это не было балконом в обычном понимании. Просто когда-то шестиэтажный дом достроили до десятиэтажного, и окна Надежды, живущей на седьмом, выходили в зачем-то оставленную строителями нишу,

полом которой служил фрагмент бывшей кровли. Ниша была достаточно широкой, поэтому ее оградил, вбил в стену крюки, повесили бельевые веревки и использовали как обычную лоджию, только лазить туда приходилось через окно. Аналогичным образом поступили и соседи из другого подъезда, окна которых выходили в ту же нишу. Подстегиваемые страхом, беглецы и не заметили, как одолели барьерчик, разделяющий владения, и оказались на чужой половине.

Навсегда осталось загадкой, как немолодая, в общем-то, женщина не упала в обморок или не подняла истошный крик, когда ее среди ночи разбудил настойчивый стук в окно седьмого этажа. Надежда видела, как дрожали ее губы, когда соседка, включив свет, приникла к стеклу, пытаясь разглядеть тех, кто ломился к ней в дом таким эксцентричным образом.

— Вера Сергеевна, это я, Надя, ваша соседка через стену. Пустите нас, пожалуйста, у нас беда!

Перепуганная женщина открыла форточку.

— Окно заклеено. Открывать, или так пролезете?

— Пролезем, форточка здоровая. Только возьмите ребенка.

Передав Вере Сергеевне Мишутку, Надежда проникла в комнату, взяла у Лиски обувь и помогла ей пролезть вслед за собой. За Лиской последовали шубы и, наконец, Эдик.

Соседка немного оправилась от изумления и спросила:

— Что случилось?

— Это мои друзья, Вера Сергеевна, — затараторила Надежда. — За ними охотятся бандиты, и я спрятала их у себя. Сейчас, в эту самую минуту, кто-то напускает в мою квартиру газ. Усыпляющий или ядовитый — не знаю. Вызывайте скорее милицию!

Дверь в комнату открылась, и в проеме возник мужчина в трусах. Надежда узнала в нем соседкиного сына Виктора. Из-за его спины выглядывала молодая женщина в халате, накинутом поверх ночной рубашки, — жена. Как ее зовут, Надежда не знала.

— Что происходит?

— Потом, — махнула рукой Вера Сергеевна. — Беги, позвони в милицию. Скажи, соседку чуть не отравили газом.

Витя исчез, жена осталась стоять столбом на пороге. Надежда, Эдик и Лиска спешно натягивали пальто и сапоги.

— Куда вы? — всполошилась Вера Сергеевна.

— Нам нужно бежать, — объяснила Надежда. — Милиция когда еще придет, а эти, — мотнула она головой в сторону стены, — рядом.

— А если они поставили кого-нибудь внизу наблюдать за подъездами? — прошептала Лиска.

Надежда и Эдик растерянно переглянулись.

— Я могу провести вас по чердаку, — неожиданно заговорила женщина в халате, выйдя из ступора. — Я техник-смотритель, у меня есть ключи. Третий и шестой подъезды выходят на фасад, а не во двор.

— Ох, спасибо вам огромное! — горячо поблагодарила Надежда и повернулась к Вере Сергеевне: — Может быть, вы подождете милицию на лестнице? Конечно, вряд ли эти отморозки сунутся сюда, увидев, что нас нет в квартире, но, как говорится, береженого бог бережет.

Пока они поднимались на чердак, пока пробирались к шестому подъезду, Надежда лихорадочно соображала, к кому обратиться за помощью. Нет, кандидатов у нее хватало, только, раз уж пособники убийцы добрались до нее, то найти ее друзей им тоже не составит труда. Разве что... Конечно! Вовчик!

— Простите, вы не могли бы впустить нас во второй подъезд? — спросила она их провожатую.

— Второй выходит во двор, — предупредила та.

— Ничего, мы справимся.

Женщина покачала головой, но повела их дальше. Открыв чердачный люк второго подъезда, она пожелала им удачи и распрощалась. Под нестройный хор благодарностей люк с грохотом закрылся.

— Сейчас мы пойдем к одному моему старинному знакомому, — объявила Надежда. — Вид у него, мягко говоря, диковатый, да и манеры небезупречны, но вы не смущайтесь — под грубой оболочкой бьется нежнейшее сердце.

Вовчик Рубцов здорово смахивал на необщительную гориллу в расцвете сил: короткие крепкие ноги, могучий торс, руки до колен, кулачищи с паровой молот, низкий лоб и чрезвычайно развитые челюсти. Когда-то он учился в параллельном с Надеждой классе. После восьмого Вовчика с облегчением выпихнули в какое-то ПТУ, но он по старой памяти захаживал на школьные вечера. Надежда, вероятно, так никогда и не узнала бы о нежных чувствах, распирающих эту бочкообразную грудь, если бы на одном из таких вечеров ее одноклассника не отправили в больницу с переломом челюсти и сотрясением мозга. Свидетели инцидента утверждали, что нападение было неспровоцированным. Они стояли, обсуждали школьных красавиц, и вдруг Вовчик без всяких слов отправил одного из участников дискуссии в нокаут единственным ударом в челюсть. Завеса над тайной приподнялась, когда кто-то припомнил последние слова пострадавшего. «Надька Неман, конечно, аппетитная девка, но жуткая динамистка».

С той поры Надежда, сталкиваясь с Вовчиком, всякий раз одаряла его ослепительной улыбкой. Вовчик столбенел и становился похожим на скульптурное изваяние гориллы в натуральную величину. Одноклассницы предостерегали ее: «Ты бы с ним поосторожнее, он же дикий. Решит, что ты его поощряешь, и затащит в кусты». Но Надя только смеялась. Она была уверена, что Вовчик — рыцарь, безмолвно поклоняющийся Прекрасной Даме. А рыцари, пусть даже и похожие на горилл, не тащат своих Прекрасных Дам в кусты.

Потом Надежда вышла замуж и переехала в бабкину квартиру. Как-то раз, навещая маму, она увидела во дворе Вовчика, по привычке улыбнулась ему и даже помахала рукой. Вовчик, против обыкновения, остолбенел всего на минуту, а потом, неуклюже загребая ногами, подошел к ней.

— Привет, Надь, ты... это... куда пропала?

— Здравствуй, Вовчик. Я замуж вышла.

Он долго переваривал известие, а переварив, спросил:

— Муж-то хороший? Не обижает?

— Муж замечательный. Самый лучший на свете.

Вовчик вздохнул, шумно и протяжно, как кузнечные мехи, и, помолчав, попросил почти жалобно:

— Ты... это... записала бы мой телефон. Вдруг это... обидит кто. Я приеду и разберусь.

Тронутая немой мольбой, она записала телефон Вовчика, а ему дала свой новый номер.

Прошло несколько лет. Надежда уже почти забыла о нем, когда они встретились снова. На этот раз в ее собственном дворе. Войдя под арку, Надя увидела въезжающий с улицы «Мерседес» и посторонилась, пережидая, пока он проедет. Но машина вдруг остановилась, со стороны водителя выскочил человек-гора, обежал ее и открыл дверцу со стороны пассажира.

Пассажира Надя узнала сразу. Ни роскошный костюм, ни золотые часы, ни фарфоровая улыбка не устранили сходства Вовчика с гориллой. Зато придали ему уверенности в себе.

— Надюха! — Вовчик осторожно взял ее руку в свою лапищу, подержал и бережно отпустил. — Сколько лет, сколько зим! Знаешь, мы теперь соседи. Я купил квартиру в этом доме. Второй подъезд, пятый этаж, квартира пятьдесят. Зашла бы как-нибудь по-соседски, а?

Надежда пообещала и даже сдержала обещание — сводила Сашку на экскурсию в жилище нового русского. Они дружно поехали над убранством апартаментов, выпили с хозяином рюмку чая, а на прощанье Вовчик вручил Надежде черную визитку с золотым тиснением.

— Надь, если возникнут какие проблемы, — ну, там, бабки понадобятся, или спец какой-нибудь, или наедет кто, — звони в любое время суток. Я теперь в силе, что угодно могу.

До сих пор Надежда ни разу не воспользовалась этим любезным приглашением, хотя, признаться, подумывала, не натравить ли Вовчика на бабу. Но представила себе старуху со свернутой шеей и не решилась. Зато теперь преследователи вряд ли вычислят, к кому она побежала за помощью. А если вычислят, им же хуже. Вовчик их в бараний рог свернет и по стенам развесит. В качестве охотничьих трофеев.

19

В вестибюле метро Халецкий просмотрел рабочий блокнот Бекушева, выписал адреса и телефоны сотрудников пропавшего директора «Голубя», после чего наметил план действий и оптимальный маршрут.

— Смотри, Пых, Анна Горелик живет в районе Пречистенки, отсюда четыре остановки по прямой. Начнешь с нее. Стращай, взывай к совести, что хочешь делай, но вызови на откровенность. Если убедишься, что любимый шеф с ней не связывался и о местонахождении Вязникова ей ничего не известно, отправляйся к Юлии Степановой, две остановки на трамвае от метро «Университет». Только сначала дождись моего звонка. Я звякну от соседей Вязникова — вдруг что выясню. Или ты выяснишь. Тогда подкорректируем программу. Если новостей не будет, ты едешь к Степановой, я — к Марии Косовской. Потом опять созваниваемся, обмениваемся информацией и едем дальше. Ты — в Чертаново, к экспедитору, я — на северо-запад, к шоферу. Потом по домам — больше сегодня не успеть. Завтра я уломаю Песича освободить нас на полдня от погони за маньяком, заваливаемся вдвоем к рекламистам и трясем их, пока душу не вытрясем. Задача ясна? Тогда вперед!

Анна Горелик, строгого вида девица с холодноватыми серо-зелеными глазами и надменным ртом, весточек от любимого шефа не получала. Виктор запугал ее почти до истерики рассказами о безжалостных убийцах, которые охотятся за Вязниковым, о страшной участи, ожидающей Эдика, если милиция не опередит киллеров, но толку не добился. Серо-зеленые глаза наполнились слезами, губы задрожали, как у перепуганного ребенка, но светлые серпички волос покачивались у щек с прежней решительностью: нет, Эдик не давал о себе знать со среды, нет, она не знает, к кому он мог обратиться в поисках убежища, нет, никто из сотрудников не говорил ничего такого, из чего можно было бы сделать вывод об их большей осведомленности в отношении шефа.

Через полчаса Виктор сдался, но не ушел, попросив у хозяйки разрешения дождаться звонка. Хозяйка позволила и даже любезно предложила оперативнику чаю. Виктор допивал уже вторую чашку и выслушивал десятую историю о необыкновенных талантах и душевных качествах Вязникова, когда, наконец, позвонил Халецкий.

— Пых, у меня скверные новости. Похоже, кто-то лазил в квартиру Вязникова. На замке царапины. Я с помощью соседей нашел подругу его жены — она живет тут неподалеку, и Вязниковы хранят у нее запасной комплект ключей. Уговорил я эту Марину сходить со мной, взглянуть на квартиру. Догадываешься, что пропало? Большая записная книжка с адресами и телефонами всех-всех вязниковских знакомых. По словам Марины, книжка всегда лежала на тумбочке рядом с телефонным аппаратом. Эдик даже вбил в заднюю стенку тумбочки специальный гвоздь и привязал книжку, чтобы жена ее не перекладывала. Гвоздь и веревочка остались, сам видел.

— Тогда мы, скорее всего, опоздали, Боря, — мрачно произнес Виктор. — У них был запас в четыре дня и все возможные координаты. Думаю, до него уже добрались.

— Знаешь, что меня в тебе неизменно радует? Твой неиссякаемый оптимизм. Не было у них четырех дней, Пых. Если помнишь, я ездил к Вязникову в четверг поздно вечером и царапин на замке не видел.

— Ты мог просто не заметить.

— За кого ты меня держишь, сосунок! — оскорбился Халецкий. — У меня двенадцать лет оперативного стажа! И если я говорю, что царапин не видел, значит, их не было. «Наши друзья» разжились записной книжкой не раньше ночи с пятницы на субботу. А книжка толстая, — по словам Мариночки, адресов и телефонов в ней сотни три. Словом, Витя, придется мне тебя обломать. Рано нам разбежаться по домам. Кстати, а у тебя-то что нового?

— Ничего.

— Значит, действуем, согласно намеченному плану. Дуй к Степановой и снова жди звонка.

Внешне Юля Степанова чем-то напоминала актрису Джулию Робертс, только не обладала ее актерскими данными. Настороженный взгляд, которым она встретила опера, и упрямое выражение, появившееся на хорошеньком личике, как только Бекушев завел речь об Эдике, яснее всяких слов сказали, что Виктор приехал по нужному адресу. Дальнейшее было, как говорится, делом техники. Уже через пять минут упрямство сменилось растерянностью, а когда Виктор проораторствовал еще столько же, рас-

терянность уступила место панике. Упоминание о проникновении неизвестных в квартиру Вязникова, и особенно о гвозде и веревочке, оставшихся от его записной книжки, подавило последние очаги сопротивления противника. Строптивая Джулия сломалась.

— Я честно не знаю, где Эдик, — заговорила она, глотая слезы. — Он звонил мне позавчера вечером... Часов в десять, наверное... Я спрашивала, куда он пропал, почему не пришел на похороны Ирен, но Эдик сказал, что объяснит все позже... Обещал на днях позвонить снова... Вы думаете, эти... нашли его, да? Из-за меня? Из-за того, что я не сообщила вам о его звонке? Но я же не знала, что за ним охотятся!.. А он просил никому не рассказывать...

Как Виктора ни распирало желание дать поведению Вязникова и самой Юлии исчерпывающую характеристику в духе Песича, он сумел сдержаться. Даже нашел в себе силы утешить свидетельницу, обливающуюся запоздалыми слезами раскаяния. Напоил водой, посоветовал умыться, дал время прийти в себя. И только потом осторожно возобновил разговор.

— А зачем он звонил? Постарайтесь как можно точнее воспроизвести ваш диалог. Нам обязательно нужна хоть какая-нибудь зацепка.

— Я понимаю. Сейчас. Я сама сняла трубку, спросила: «Да?» Он узнал мой голос, сказал: «Джулия, это Эдик...» Я сразу его перебила: «Эдик, ты куда пропал? Мы все извелись, места себе не находим! Почему не пришел на похороны? Я чуть не свихнулась, боялась, что больше тебя не увижу!» В общем, набросилась на него с упреками, но тут уже он меня перебил: «Юленька, у меня неприятности. Долго объяснять, а я сейчас не могу разговаривать. Потерпи еще пару дней, ладно? Я позвоню, как только, так сразу. А пока помоги мне разобраться с одним вопросом. Вчера вечером к нам на работу приходил оперативник?» Я немного удивилась — откуда Эдик знает о вашем приходе? — но не стала расспрашивать и ответила: «Да». «В котором часу он появился?» «Без нескольких минут семь, мы уже домой собирались». «А с кем разговаривал?» «Да со всеми, кого успел застать. Устроил общее собрание в конференц-зале». «А Эжен там был?» «Был», отвечаю я. «От начала и до конца?» «Ну да». «Ты точно помнишь?» «Точно. Он сидел напротив меня, а после мы вместе дошли до метро — я, Энн, Эжен и Жоржик». «Когда вы расстались?» «В девятом часу». Тут Эдик меня поблагодарил, попросил никому не рассказывать о его звонке и распрощался.

— Эжен — это?.. — Виктор перелистнул блокнот.

— Женя Кулаков из «Пульсара», — подсказала Джулия. — Не знаю, почему Эдик о нем расспрашивал. Думала, думала, но так ничего и не на-

думала. У меня сложилось впечатление, будто Эдик его проверял, но тогда при чем здесь этот четверг? Убитого бандита нашли в четверг, но на прошлой неделе, Ирен погибла днем позже, в пятницу, Мыкола пропал во вторник...

— Да-да, конечно, — сказал Виктор невпопад. — Вы не возражаете, если я позвоню?

Первой реакцией Халецкого было негодование.

— Какого черта, капитан?! Я же сказал, что сам позвоню! Мы только-только начали разговор!

— Вот и заканчивайте, майор. Все равно ваша собеседница ничего не знает.

— А ты знаешь? — заинтересовался Халецкий, меняя гнев на милость. — Ну, так не тяни, выкладывай!

И Виктор сообщил ему все, что узнал от Джулии, уложив ее рассказ в несколько коротких фраз.

— Диктуй адрес Эжена, — скомандовал Халецкий после минутного раздумья. — Нет, погоди! Давай лучше встретимся в метро, на ближайшей к нему станции. Береженого бог бережет. Называй код.

Кодировка станций метрополитена, которой пользовались у них в отделе, отличалась от общепринятой. Ее разработал лично Песич несколько лет назад, после того, как у них сорвалось одно оперативное мероприятие. Переговариваясь по радиации, оперативники старательно шифровали свои сообщения, но предполагаемое место встречи объектов слежки называли чуть ли не открытым текстом. Едва оно прозвучало в эфире, как обе преследуемые машины резко сменили маршрут, и встреча объектов в тот день не состоялась. Песич тогда всласть наматерился, а на следующий день раздал сотрудникам листочки с новым, сверхсекретным кодом топографических объектов Москвы. Система кодировки станций метро отличалась гениальной простотой, чтобы пользоваться ею, не обязательно иметь под рукой секретные коды, достаточно обычной схемы метрополитена.

— Сто восемь ноль пять, — сказал Виктор, поглядев на схему, напечатанную в его записной книжке.

Халецкий присвистнул.

— Тогда лови машину. Я буду ждать у выхода.

Виктор только зубами скрипнул. Хорошо Халецкому говорить: «Лови машину», а ему каково? Какой водитель обрадуется перспективе пилить через весь город, если знает, что вместо живых денег и чаевых получит лишь квитанцию и сомнительное удовольствие лицезреть милицейские «короч-

ки»? А Виктору, между прочим, придется целый час сидеть с этим водителем в салоне, ловить флюиды злости, раздражения и негодования...

Но, как выяснилось, переживал он напрасно. Водитель (пожилой, между прочим, мужик), увидев «корочки», воскликнул: «Вот это да!» — и азартно гнал всю дорогу, почти не обращая внимания на светофоры. При этом он оказался настолько деликатным, что даже постеснялся расспрашивать непрошеного пассажира. От избытка благодарности Виктор сам намекнул, что торопится перехватить свидетеля, за которым охотятся преступники, и предложил оплатить хотя бы бензин.

— Брось, парень! — отказался благородный водитель. — Я наверняка больше тебя зарабатываю.

Тормознув по просьбе Виктора у станции «Петровско-Разумовская», он подхватил Халецкого и без слов доставил обоих оперативников по названному ими адресу. Только удачи на прощание пожелал. И, видимо, пожелал от сердца, потому что удача им сопутствовала.

Во-первых, они застали Кулакова дома — точнее, в съемной берлоге, при виде которой Виктор, всегда стеснявшийся запустения в своем холостяцком жилище, моментально избавился от комплексов. Во-вторых, Эжен, в отличие от Джулии, не стал запираяться. Едва Виктор произнес свою коронную фразу: «Мы разыскиваем Эдуарда Вязникова. По нашим сведениям, ему угрожает опасность», — как Кулаков остановил его усталым движением руки и объявил:

— Я знаю. Мы виделись с ним позавчера вечером. Скажите мне вот что: вы подозреваете его в этих убийствах? Я, конечно, в любом случае расскажу вам, что помню, но...

— В случае положительного ответа не станете напрягать память? — предугадал продолжение Халецкий. — Стало быть, сами вы исключаете виновность Вязникова? И на чем, позвольте спросить, зиждется ваша уверенность? На личной симпатии или на более прочном фундаменте?

В заинтересованном взгляде, который Эжен метнул на Бориса, промелькнуло уважение. Виктор ощутил легкий укол зависти: он часами беседовал со свидетелями по этому проклятому делу, но уважительного взгляда ни разу не удостоился.

— Я бы сказал, что на более прочном фундаменте, но, боюсь, мое мнение не лишено субъективности, а на обоснование уйдет слишком много времени. Вы же, как я понял, торопитесь. Так могу я получить ответ на свой вопрос?

— Всенепременно. В свете рабочей гипотезы, которую мы сейчас проверяем, Вязников никого не убивал. Однако мы не исключаем, что она может оказаться ошибочной.

— Ну что же, такая откровенность заслуживает поощрения. Я, пожалуй, попробую напрячь свою память.

Бекушеву ужасно не нравился Кулаков, не нравились его внешний вид, поведение, манера речи и то обстоятельство, что он полностью игнорировал его, Виктора, обращаясь исключительно к Халецкому. А реплика про поощрение и обещание напрячь память прозвучали, как выпендрож чистой воды. Виктор уже открыл, было, рот, чтобы как следует припугнуть наглеца, но в ту же секунду Халецкий, молча заведя руку за спину, показал ему кулак. И Бекушев промолчал — не столько из почтения к старшему по званию, сколько от изумления: откуда Борис мог знать, что он собирается устроить этому типу выволочку? Оперативный стаж оперативным стажем, но ведь у Халецкого нет глаз на затылке! Так или иначе, Виктор промолчал, и Эжен без помех начал свой рассказ — неожиданно подробный и, похоже, вполне откровенный:

— В пятницу я ушел с поминок довольно рано. Знаете, мы с самого понедельника регулярно напивались с горя, и, в конце концов, эта пьяная скорбь стала казаться мне несколько гротескной. В общем, я дождался, пока народ «поплывет», и тихонько слинял. Прихожу домой, а тут своя пьянка. Мои алкаши давят пузырь в компании Эдика и неизвестной дамы весьма приличного вида. Я удивился и разозлился — на Эдика. Когда он не пришел на похороны Ирен, мы его самого едва не похоронили. В смысле, уже не надеялись увидеть его живым. Они с Ирен были такими друзьями, что он просто не имел права не явиться, даже если бы лежал со сломанной ногой. А он, как ни в чем не бывало, лакает водку у меня на кухне, живой и здоровехонький... Я позвал его в комнату, собирался дать в морду, но дамочка, что сидела с ним, тоже пошла с нами. Пришлось выяснять отношения цивилизованно.

— Вязников не представил вам даму?

— Представил, но очень скуп. Назвал только имя — Надя. Ни фамилии, ни кем она ему приходится, не сказал. Но они обращались друг к другу, как старинные друзья. Сначала я подумал, играют, а потом понял, что они действительно знакомы целую вечность. И знакомы очень близко: с полувзгляда друг друга понимают.

Халецкий попросил описать внешность дамы.

— Светлые волосы, темные брови, зеленые глаза с коричневыми крапинами, нос прямой, маленький, аккуратный, рот небольшой, но губы полные. Очень миловидна. Роста невысокого, пухленькая. Возраст — в районе тридцати. Я бы дал меньше, но, похоже, они с Эдиком вместе учились то ли в школе, то ли в институте. А Эдику тридцать два.

— Ладно, рассказывайте дальше, — не утерпел Виктор, опасавшийся, что этому типу вот-вот наскучит собственная откровенность, и он опять начнет выпендриваться.

Но опасался он напрасно. Эжен выдержал взятый тон до конца. Подробно изложил историю, с которой явился к нему Эдик, не побоялся повторить предъявленное ему Вязниковым обвинение, воспроизвел собственную оправдательную речь, сделав акцент на своем алиби, упомянул о звонке Вязникова Джулии, привел соображения Эдика, позволившие сузить круг подозреваемых до четырех человек, рассказал, как и почему они отдали предпочтение директору «Пульсара» (Базилю) перед директором дизайн-студии (Джованни). И наконец, поведал о поездке всей компании к Джованни и о приключении, которое подстерегало их на обратном пути.

Последняя часть заставила Виктора и Бориса обменяться тревожными взглядами.

— Вы уверены, что этому Севе удалось избавиться от преследователей? — спросил Халецкий.

— Головой не поручусь, но он долго кружил перед тем, как выехал на Ленинградку. «Хвоста» мы не заметили.

— А как выглядели те двое, что поджидали вас на балконе?

— Не знаю, не видел. Мы стояли на верхней площадке, а их загораживала дверь. Но Сева наверняка их «сфотографировал». Поговорите с ним.

— А тогда с чего вы решили, будто они не с вашей работы? — подозрительно спросил Виктор.

— На слух определили, — усмехнулся Эжен.

У Виктора прямо руки чесались накостылять нахалу по шее, но Халецкий, проигнорировав насмешку, задал следующий вопрос:

— Где вы расстались с Вязниковым и его спутницей?

— Они вышли за «Динамо», тут же поймали машину и повернули на Беговую.

— Евгений, люди, жаждущие встречи с Вязниковым, очень опасны. Это профессионалы, убивающие без колебаний и не оставляющие следов. Боясь, Николая Усова, который попал к ним в лапы, мы с вами никогда не увидим — ни живым, ни мертвым. Но у нас еще есть шанс спасти Эдуарда и его подругу, если мы опередим убийц. Сосредоточьтесь, пожалуйста. Постарайтесь припомнить какое-нибудь замечание Вязникова, какую-нибудь обмолвку, которая помогла бы нам побыстрее их найти.

Халецкий умел быть убедительным. Его маленькая речь произвела впечатление. Кулаков, закрыл глаза и надолго замолчал.

— Знаете, — сказал он, наконец, — когда мы ехали к Джованни, между Эдиком и этой Надей произошла легкая размолвка. Даже не размолвка, а так, шутивая перепалка. Я сидел рядом с водителем и не понял, с чего у них началось: то ли Эдик случайно пихнул Надежду локтем, то ли завалился на нее на повороте. В общем, они начали обмениваться оскорблениями — очень забавными. По-моему, цитатами из классики. Все я, естественно, не воспроизведу, но пару фраз запомнил: «Вы же всегда надо мною глумитесь, та-та-там, честь задевая мою» — это он ей. А она ему: «Вы, собственно, сами — лжец и предатель, и все обвинения ваши до очевидности лживы». Потом что-то еще про суетную гордыню и самообожание, а он ей — дескать, да, ты права, я предан всякой скверне, но чья бы корова мычала...

— Зла речь твоя, мулла, и ненависть — ей мать! — внезапно процитировал Халецкий. — Ты все зовешь меня безбожником, неверным. Ты прав, я уличен! Я предан всяким сквернам. Но будь же справедлив: тебе ли обвинять?

— Точно! — Эжен взирал на милиционера, как на огнедышащего дракона, — с изумлением и трепетным почтением. — Правда, про муллу и безбожника речи не было, но последние строки — слово в слово.

— Это Омар Хайям, — скромно заметил Халецкий.

— А про лжеца и предателя — кто? — пролепетал сраженный наповал Виктор.

— Не знаю, — с явным сожалением признался опер-эрудит.

Бекушев вздохнул немного свободнее: если бы Борис небрежно назвал и второго автора, его, Виктора, комплекс неполноценности достиг бы угрожающих размеров.

— Я так думаю, что Эдик и эта Надя вместе учились в институте, — рискнул он высказать предположение. — В каком-нибудь гуманитарном вузе. Кто, кроме гуманитариев, способен бросаться цитатами из мировой классики? Вы тоже пришли к такому выводу, Евгений? Поэтому и вспомнили этот эпизод?

— Нет, дело не в этом. Кстати, Ирен стреляла этими цитатами с редкой непринужденностью, а образование у нее было техническим. Эпизод я вспомнил потому, что во время перепалки Надя пару назвала Эдика по фамилии. И он ее, кажется, тоже. Хотя тогда я подумал, что это прозвище. Для фамилии оно звучало несколько необычно.

— Как?!

— Не помню. Помню только свои ассоциации. Почему-то оно навело меня на мысль об отечественной войне — с Наполеоном.

— Может, прозвище или фамилия какого-нибудь военачальника?

— Нет, скорее, географическое название.

— Бородино? Смоленская?

— Нет, не то. Еще почему-то была ассоциация с викингами.

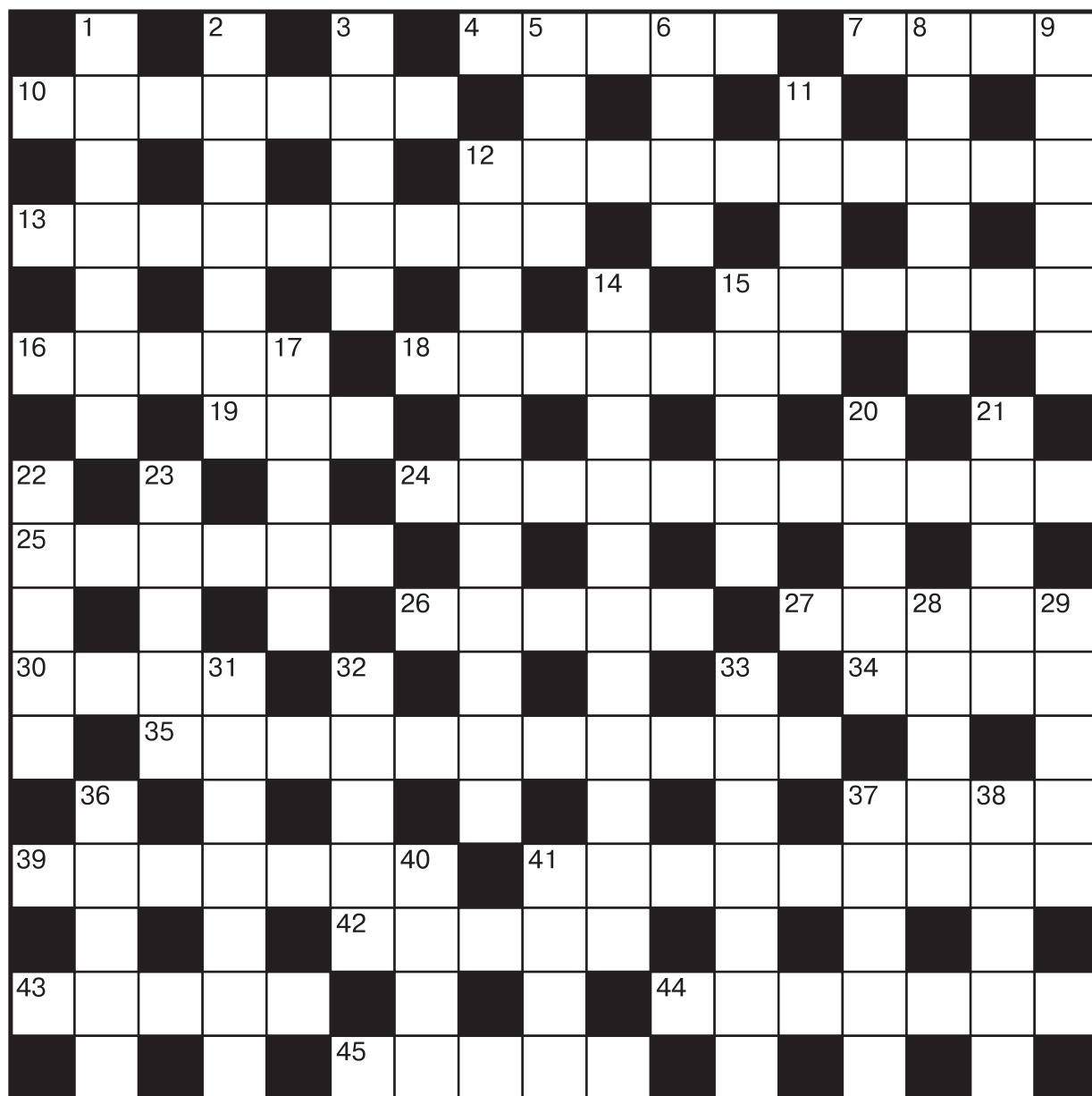
— Может, с норманнами?.. Неман? — воскликнул Виктор и, увидев по глазам Кулакова, что угадал, испытал нечто близкое к эйфории. Комплекс неполноценности стремительно съезжился до стандарта, и Эжен, удостоивший его, наконец, уважительного взгляда, вдруг утратил всю свою непривлекательность.

С криком «Где телефон?!» Халецкий бросился в прихожую, но Кулаков остановил его, предложив воспользоваться мобильным. Через пятнадцать минут после звонка в ЦАБ, мобильник разразился трелями из Первого концерта Чайковского — пришел ответ на запрос.

— Если уж начинает везти, то везет во всем, — высказался Халецкий, отключив аппаратик. — Представляешь, Пых: во всей огромной Москве живет единственная Надежда Неман! Неман Надежда Валентиновна, семидесятого года рождения. Едем! □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Проводы» судна со стапелей. **7.** Что посылают на e-mail? **10.** Династия на английском престоле. **12.** Вдохновитель на возведение победной арки. **13.** Первый поэт, к которому Андрей Вознесенский посылал свои стихи. **15.** Кто «в весеннем лесу пил березовый сок»? **16.** Слоган в геральдике. **18.** Ме-

ховая шапка русских бояр. **19.** Обнесенный стеной виноградник у французов. **24.** Яснее ясного. **25.** Весна человеческой жизни. **26.** В каком областном центре можно посетить Музей славянских мифов? **27.** Чем в бане хлещут? **30.** Какой критик слова не выбирает? **34.** Где святые мощи лежат? **35.** Закон сэра Уолтера

гласит: «... попадания в лицо дыма от сигареты или от костра прямо пропорционально вашей чувствительности к нему». **37.** Индийская корова. **39.** За что инквизиция осудила Джакомо Казанову? **41.** «Принц Гарри» из «Бесов». **42.** Какая зверушка в книгах Джоан Роулинг находит все, что блесит? **43.** Угощение с бахчи. **44.** Какая киногероиня воевала вместе с поручиком Ржевским? **45.** Какая принцесса родилась в качестве пародии на героиню сказки «Красавица и чудовище»?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Аналитик из Генштаба. **2.** «Качалка» стенных часов. **3.** Первый шаг к финишу. **5.** «Страна радости» у Стивена Кинга. **6.** Заговор над кладом в прежние времена. **8.** Магазин с микстурами. **9.** «Но я другому отдана; я буду век ему верна» (пушкинская героиня). **11.** «Король энциклопедий» в царской России. **12.** Умение прикинуться глухим, сле-

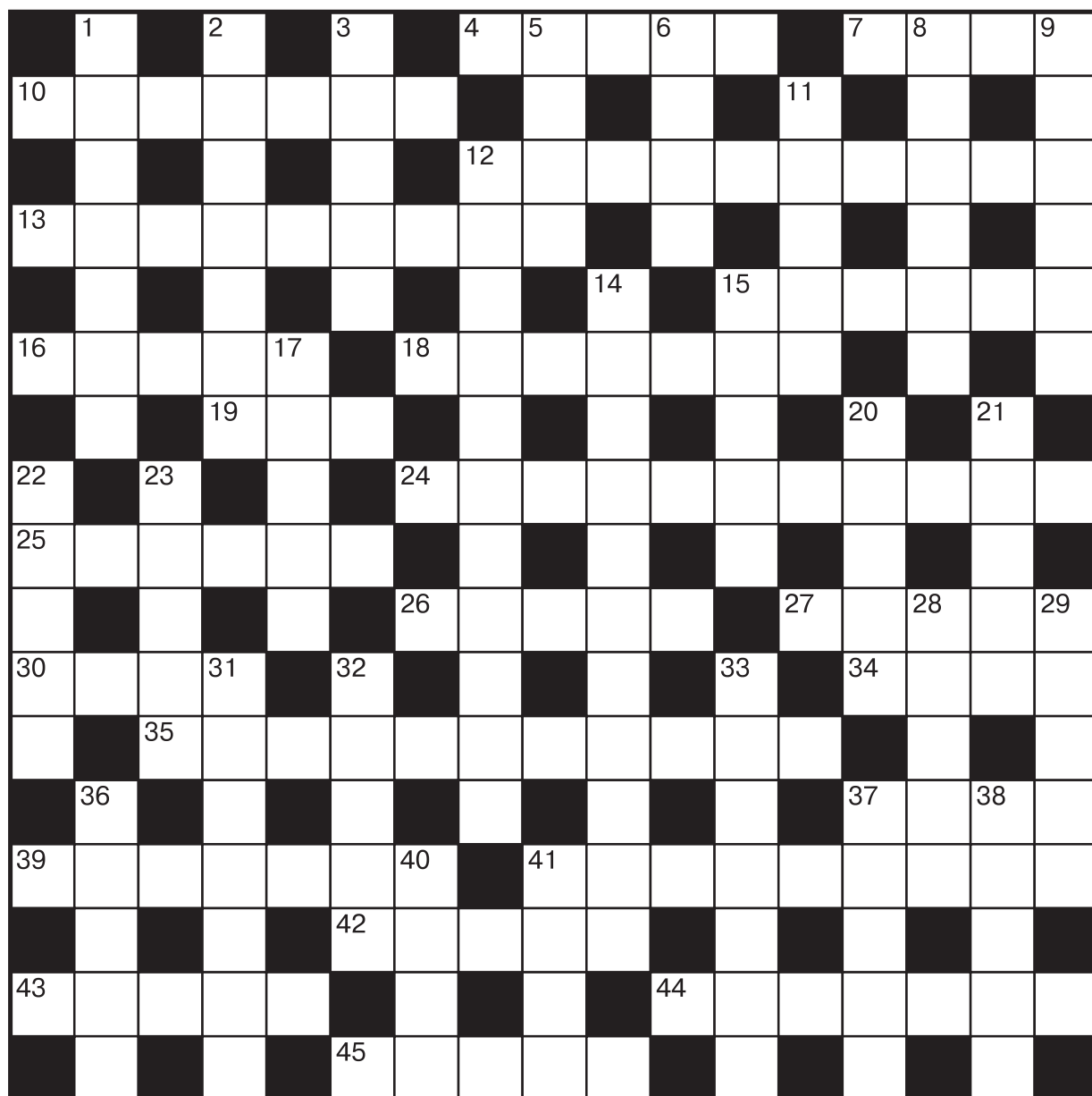
пым и вообще тупым. **14.** «... русская больна. Лежит в истерике она и бредит языком мечтаний». **15.** Порождение безденежья. **17.** «За ... продал брата брат». **20.** Какая карточная игра спортивной стала? **21.** Кого не сломят удары судьбы? **22.** Двухметровая гадюка, убивающая около пяти тысяч человек по всему свету каждый год. **23.** Что волнует воображение как следователя, так и композитора? **28.** Внезапный визит неприятеля. **29.** Что предваряет праздник? **31.** Профессия Всеволода Санаева в фильме «Волга-Волга». **32.** Выучивший наизусть эту книгу саудовский преступник вдвое снижает срок своего заключения. **33.** Зуб мудрости. **36.** Водочная основа. **37.** Мститель среди ролей Антонио Бандераса. **38.** Генеральное сражение. **40.** Кто определяет победителей в конкурсе? **41.** Зверь, чьи тропы в Африке часто используют для прокладки автомобильных дорог.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Скраб. **6.** Измаил. **10.** Алина. **12.** Имиджмейкинг. **13.** Аспид. **15.** Мегалополис. **17.** Апаш. **20.** Рой. **21.** Логово. **22.** Бог. **24.** Осот. **26.** Веник. **28.** Коперник. **29.** Казаки. **30.** Вий. **31.** Дип. **33.** Дунай. **34.** Жулик. **37.** Банан. **39.** Сирин. **40.** Неаполь. **41.** Шведы. **42.** Калла. **43.** Рислинг. **44.** Инерция. **45.** Бернс. **46.** Увраж.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Клест. **2.** Интим. **4.** Комбат. **5.** Андропов. **7.** Зюйд. **8.** Авиапассажир. **9.** Лягушатник. **11.** Амфир. **14.** Детвора. **16.** Соник. **18.** Клюка. **19.** Агапкин. **23.** Гений. **25.** Бижутерия. **27.** Казус. **30.** Вампилов. **31.** Дайвинг. **32.** Пандури. **35.** Лихачев. **36.** Киплинг. **38.** Глинда. **43.** Рис.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Каким конусом тибетские монахи рисуют мандалу? **7.** Тайная организация, созданная Отто Скорцени. **10.** Первый из романов, где появляется Кожаный чулок — знаменитый охотник Натаниэль Бампо. **12.** Помещение в античных банях. **13.** Соевая паста у корейцев. **15.** «Непальская гвар-

дия» английских колониальных войск. **16.** Хранитель мироздания с персональным гимном из «Ригведы». **18.** Молдавская безрукавка. **19.** Что доверили охранять свирепому Церберу? **24.** Пересадка удаленного зуба в его же лунку. **25.** Казанский ставленник Василия III. **26.** Способ завязывать галстук. **27.** Звезда из

Дракона. **30.** «Удачная возможность» на сленге. **34.** Ангел-хранитель у шумеров. **35.** Под каким псевдонимом Агата Кристи публиковала свои любовные романы? **37.** Какой коршун дружил с Маугли? **39.** Газовый регулятор у дайверов. **41.** Арианское учение о том, что Сын Божий только подобен Отцу. **42.** Первая женщина, ставшая президентом Аргентины. **43.** Кто воспитывал Вин Дизеля? **44.** Какого знаменитого журналиста расстреляли вместе с режиссером Всеволодом Мейерхольдом? **45.** Рождественский сноп на Украине.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Откуда приехал Лариосик из драмы «Дни Турбиных»? **2.** Белые цветы японских живых изгородей. **3.** Игра под эгидой WBF. **5.** Сочинский Эверест. **6.** Малайская лодка. **8.** Водяная лошадка. **9.** Персидский царь, в чье отсутствие мидийский жрец Гаумата захватил трон. **11.** Индейская золо-

тая монета времен Великих Моголов. **12.** Тюрьма для проституток, куда поместили графиню Жанну Ламотт-Валуа после скандальной истории с «ожерельем королевы». **14.** Тропарь для вечерней службы. **15.** Беличий домик. **17.** Какому американцу научный мир обязан термином «черная дыра»? **20.** У кого среди диких котов самый пушистый мех? **21.** Голландская можжевелевая водка. **22.** Мера длины в ядерной физике. **23.** Платок, чтобы прикрыть декольте. **28.** Рыбахамелеон. **29.** Индийская танцевальная драма. **31.** Камень, упавший с неба. **32.** Что за себя предложила пушкинскому старику Золотая рыбка? **33.** Самый «мозговитый» гриб для англичан. **36.** Кофе без сахара у киприотов. **37.** Какая вязаная шапочка популярна среди индейцев в Андах? **38.** Принц, чью партию Марис Лиэпа исполнял в сказочном балете Карена Хачатуряна. **40.** Фараон из сыновей Рамзеса. **41.** Балкарский хоровод.

Ответы на эрудит, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Отоми. **6.** Доппио. **10.** Багуа. **12.** Альфонсодоро. **13.** Сконс. **15.** Гарпастум. **17.** Рено. **20.** Дед. **21.** Брасси. **22.** Сид. **24.** Типи. **26.** Лютов. **28.** Китоврас. **29.** Кабаяк. **30.** Хао. **31.** Пек. **33.** Атман. **34.** Сизиф. **37.** Ардов. **39.** Кайли. **40.** Артопой. **41.** Адмет. **42.** Ферми. **43.** Каперна. **44.** Перикот. **45.** Дидло. **46.** Дайто.

ПОВЕРТИКАЛИ: **1.** Часка. **2.** Туонг. **4.** Тклапи. **5.** Мафусаил. **7.** Огон. **8.** Просеминарий. **9.** Окономияки. **11.** Анзуд. **14.** Самство. **16.** Медок. **18.** Абака. **19.** Уайтхед. **23.** Дюнан. **25.** Баттернат. **27.** Вабик. **30.** Хамонера. **31.** Праджет. **32.** Когезия. **35.** Забелин. **36.** Фламель. **38.** Ботнет. **43.** Коб.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2023 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

23001

Дорогие читатели!

Все вы наверняка помните строчки из известной песни
«Куда уходит детство, в какие города? И где найти нам средство,
чтоб вновь попасть туда?..» Детство — это, наверное, лучшее время
нашей жизни, светлое и теплое.

Увы, все когда-нибудь кончается... Но, постепенно уходя во взрослую жизнь,
мы храним воспоминания о прекрасной поре, которая была окрашена
в самые удивительные и невероятные цвета.

Вот мы и решили в 2023 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО...»

Напишите нам в форме рассказа или письма о самых ярких
и незабываемых моментах своего детства, об этом счастливом
(а может, и не очень) периоде в вашей жизни.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде
на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2023 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы
в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии
в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

